КОШКИ МЫШКИ

Игорь ХОЛИН

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА
ГЕРМАНА ТИТОВА

малая серия

Игорь ХОЛИН

КОШКИ МЫШКИ

Роман

Вологда 2015

Впервые полностью публикуется роман
Игоря Сергеевича Холина (1920 – 1999),
над которым он работал с середины 1960-х.

Подготовка текстов И. Ахметьева.

В оформлении обложки использованы фотографии
В.А. Лебедева и С. Хэнсген.

ISBN 978-5-91965-109-3

КОШКИ МЫШКИ

Все мы гении...
Ян Сатуновский

Отрывки из романа Кошки Мышки. Сам роман уничтожен. Восстанавливал по памяти. Между прочим, после утрат и переделок, сначала исчезли из текста кошки, а затем и от мышек остались незначительные крохи. Так что найти их можно с большим трудом.

Самоубийство произошло в Москве на улице Горького. Около одиннадцати часов вечера в доме напротив Елисеевского гастронома в квартире 13 обнаружили труп.

Милиционер. Время было две минуты двенадцатого. В таких случаях нужна точность. К нам в отделение позвонила какая-то женщина. Меня сразу прислали караулить данного покойника. Что я и делаю до сего времени вполне добросовестно. Для милиции точность – наипервейшее дело. Без точности уголовное дело не расследуешь. Следователь, как придет, все вам разъяснит.

Автор. В квартире праздновали день рождения.
Плясали.
Пели.
Выпивали.

Когда гости разъехались, это и произошло. Хозяйка дома сообщила в милицию о случившемся.

На улице собрался народ. Хотя город давно уже спал.

Милиционер. Любители, черт бы их всех подрал, поглазеть всегда найдутся.

Автор. Народ толковал у подъезда:

Первый. Как это его угораздило?

Второй. Очень даже просто. Надоело жить.

Третий. Мне вот не надоело.

Четвертый. Ясное дело. Ты и живешь.

Пятый. Скажите, пожалуйста, а сколько ему лет?

Шестой. Мальчик еще.

Седьмой. Не мальчик, а муж.

Восьмой. Не те люди пошли теперь. Все вешаются.

Девятый. Может, он застрелился.

Десятый. Дуэль с самим собой.

Одиннадцатый. Я разрешу ваши сомнения. Только прошу, не возражайте. Я – человек больной, недоношенный. Семимесячный...

Двенадцатый. Ну и катись в то самое место, откуда взялся, авось человеком станешь!

В квартире в это время происходило вот что:

Самоубийца, интеллигентный мужчина лет сорока пяти, лежал на тахте. Голова покоилась на кем-то подложенной большой пуховой подушке. Одна нога свешивалась на пол. Казалось, что человек спит. Все так растерялись, что забыли прикрыть тело простыней или одеялом.

Костюм на самоубийце новый. Элегантный. Туфли по моде с тупыми носками, рубашка полотняная в мелкую полоску, пиджак распахнут, лицо спокойно. Одна рука закинута за голову, другая прижата к груди, там, где сердце. Меж тонких пальцев запеклась струйка крови.

– Чем это он пырнул себя? – спросила пожилая соседка.
– Видишь, ножницами, – ответил небритый мужчина, – что первое под руку попалось, тем и пырнул. Пьян был. Трезвый бы не позволил, а пьяному море по колено.
– Мы от него не ожидали, – сказала хозяйка дома, – такой обходительный, такой вежливый, кто бы мог подумать.
– Мы ничего плохого не делали, – сказала молодая девушка, – мы праздновали мой день рождения.
Милиционер. Следователю всё расскажете, как придет.
Хозяйка дома. Такой обаятельный, такой симпатичный, кто бы мог подумать?
– При чем тут обаятельность, – сказал небритый мужчина.
– Мне все контролерши в метро и кондукторши в автобусах говорят, что я обаятельный. А я вот не пырнул себя в бок.
Пожилая соседка. Теперь затаскают всех.
– Затаскают, – отозвалась хозяйка дома.
– А вы как думаете, – подтвердил милиционер.
– Мы не виноваты, – сказала пожилая соседка.
– Порядок такой, – отозвался милиционер.

После этих слов милиционера хозяйка дома подошла к столу с тем, чтобы убрать пустые бутылки, вилки, тарелки, объедки. Милиционер прикрикнул на нее:
– Ничего не тронь. Пусть все остается, как было!
– Мне очень понравился самоубийца, – сказала молодая девушка, – мы с ним только сегодня познакомились. Его специально для меня пригласили. Прежде я о нем не имела представления. У меня был другой человек. Который мне теперь разонравился. Этого мужчину я полюбила с первого взгляда. Иногда пригласят чувака, а он совсем не нравится. В таких случаях со скуки окочуришься. Противно, когда такой тип лезет целоваться. На самоубийцу я как взглянула, сразу уви-

дела, что симпатичный. Хотя и немолодой. Он рассказывал интересные истории, стихи читал всяких поэтов. Один поэт хороший, забыла его фамилию. Стихи у него про вечную любовь и про другие нежности, которые только в самом начале говорят. Гости потом разошлись. Создали подходящую обстановку. Смотрю, а в квартире никого нет. Думала, что он приставать начнет. Как другие, когда с молодой девушкой остаются одни в квартире. Садятся рядом и юбку на голову задирают. Юбку я сама снять могу, дышать трудно, если она на голове.

Мне самоубийца очень и очень понравился. Я не боялась, что он подсядет. Приятно, когда рядом симпатичный человек. Вот сейчас, думаю, начнется. А он смотрит и ничего не говорит. Я уже пуловер сняла, чулки скинула, с юбкой вожусь. Молния сломалась. Вот я уже в одной рубашке. А он не обращает внимание. Знаете, как в таких случаях обидно?

ПОЖИЛАЯ СОСЕДКА. Видели соплячку? Не совестно раздеваться перед чужим мужчиной? Прежде с нами такого не бывало.

НЕБРИТЫЙ МУЖЧИНА. Что ж, прежде ложились в одежде?

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА. Не перебивайте. Я вас не перебивала, когда вы говорили. Дайте спокойно закончить.

НЕБРИТЫЙ МУЖЧИНА. Давай, договаривай.

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА. Оставшись в одной рубашке, я очень расстроилась. От расстройства и рубашку сняла. Легла на тахту. Вот сейчас, думаю, обязательно начнет приставать. Чем я хуже других? Почему он так со мной обращается, чем не угодна? Бедная я, бедная, разнесчастная. Мне все мужчины говорят, что я симпатичная.

ПОЖИЛАЯ СОСЕДКА. Так при свете и раздевалась, не могла выключить?

Молодая девушка. Я как-то об этом не подумала. Я очень рассердилась. Еще бы чуть-чуть, и заплакала.
Пожилая соседка. Свет, свет-то можно было выключить. Неужели вы ничего не боитесь?
Молодая девушка. Боюсь забеременеть.
Небритый мужчина. Всё в ажуре.
Пожилая соседка. Мы себе не дозволяли раздеваться при мужчинах!
Небритый мужчина. Не дозволяли, не позволяли. А к самой хахали каждую ночь таскаются!
Пожилая соседка. Но я тушу свет.
Молодая девушка. Какое это имеете значение?
Пожилая соседка. Для вас не имеет, а для нас имеет.
Небритый мужчина. Действительно, не все ли равно?
Пожилая соседка. То, чем они занимались, в наше время имело определенное наименование. Теперь молодежь распустилась.
Небритый мужчина. Как же это прежде называлось?
Пожилая соседка. Развратом.
Автор. Я не берусь осуждать девушку...
Небритый мужчина. Одно удовольствие посмотреть.
Молодая девушка. Какое там удовольствие. Мужикам нравится, вот я и раздеваюсь. За бугром это называется стриптизом. Деньги платят. Мне одно удовольствие – чулки рвутся, а новые купит не каждый.
Пожилая соседка. Это безнравственно. Это не по-нашему, не по-советски.
Небритый мужчина. Что не по-нашему?
Пожилая соседка. То, чем занималась эта молодая особа.
Молодая девушка. Я ничем плохим не занималась.

Пожилая соседка. Не понимаю, как подобные поступки согласовывать с социалистической моралью?

Молодая девушка. Оставьте меня в покое. Я сейчас заплачу. Я разделась. Я легла на тахту, она у хозяйки дома классная. Он подошел. Сел рядом. Положил руку на мой живот. Провел вверх, где груди, а потом вниз, мне было очень приятно. Если бы он мне не нравился, я бы ничего подобного не разрешила. И нечего осуждать. Я ничего плохого не сделала. Потом он сказал, что у меня отличное тело. Тут я ему всё простила. Я думала, что он ляжет рядом. Но этого не случилось. Он приказал одеться. Пошарил по карманам. Достал три рубля. Послал в магазин за водкой. Странный он. Мне показалось, что он чем-то озабочен, не очень, но капельку. «Сходи, – говорит, – милая, купи бутылку, устал я что-то». Я спросила: «А я вам нравлюсь?» – «Нравишься», – ответил он.

Взяла я трешку и побежала. Потом уже, когда во дворе была, вспомнила, что поздно, что магазины давно позакрывались, что водку можно купить только у таксистов, а у них бутылка стоит пять рублей.

Вспомнила еще, что у меня в сумке мелочи рубля два.

Вернулась. Бегу назад, как сумасшедшая. Предчувствую что-то неладное. Сердце бьется: тук-тук!

Вхожу.

Почему я подумала так, сама не знаю. Посмотрела на него, сразу мне в голову ударило, что он меня специально из квартиры выслал, чтобы покончить с собой. Дура я, дура!

Лежит он. Глаза закрыты. Кровь тоненькой полоской меж пальцев струится... У меня голова кругом пошла. Ноги ослабли от страха. Сразу подумала, что он зарезал себя. Очнулась. Закричала на весь дом. Собрались соседи.

Вот и всё.

Больше ничего не было. Чего тут ругаться, спрашивается?

Хозяйка дома. Я как приехала, как увидела, сразу позвонила в милицию.

Молодая девушка. Самоубийца был такой хороший, так с ним было приятно, рассказать не могу.

Пожилая соседка. У них не могло кончиться иначе. У них каждый день пьянки да танцульки. Откуда они деньги на эти пьянки берут? Пьют, пьют, музыка гремит, шум стоит всю ночь. Соседям не дают спокойно отдохнуть. Маг свой заводят на всю катушку. Куда только милиция смотрит. Выслать из Москвы давно пора, тогда бы и самоубийств не стало.

Хозяйка дома. Мы ничего плохого не делали, справляли день рождения. Мы гуляли и веселились. Потом я со своим знакомым поехала к нему в Кузьминки. Он там живет. Домой вернулась быстро. А тут вот что произошло. Мы не знали, что такое может произойти. Выпил он порядочно. Но держался хорошо, как интеллигентный человек. Весь вечер веселил нас. Кто бы мог подумать?

Молодая девушка. Такой симпатичный.

Хозяйка дома. Мы собрались в шесть вечера, чтобы гости потом не засиживались допоздна. Соседи лаются. Я так и сказала всем, чтобы приходили пораньше, без опозданий. У наших привычка опаздывать часа на два. Этого *(хозяйка дома кивнула в сторону самоубийцы)* мой знакомый привел специально для нее *(кивок в сторону молодой девушки)*. У нее не было поклонника. С прежним она разругалась.

Молодая девушка. Даже не думала, что смогу полюбить такого пожилого мужчину. Прежде я бы на него не стала смотреть. О чем говорить, если он старик.

Пожилая соседка. Так сразу и полюбила, бесстыжая?
Молодая девушка. Так и полюбила!
Хозяйка дома. Мы весь день готовили еду. В магазин пришлось бегать не меньше десяти раз. Купили рыбу и мясо, и другие продукты. У меня знакомый в гастрономе. Мужик так себе, а достать может что угодно, даже икру. Попробуйте так купить!
Пожилая соседка. Своим знакомым раздают, порядочным людям ничего не достается.
Хозяйка дома. Чем же мы не порядочные? Работаем, как и все. Не тунеядки. Мы справляли день рождения. Мы старались. Хотели получше угостить гостей.
Пожилая соседка. А вчера, а позавчера тоже праздновали день рождения?
Хозяйка дома. Позавчера была суббота. Мы собрались потанцевать, имеем мы на это право? Я вас спрашиваю, имеем? Мы танцевали не у вас в квартире, а у себя!
Милиционер. В том, что они танцевали в положенное время, плохого ничего нет.
Пожилая соседка. А еще милиционер. Для чего вы их выгораживаете?
Милиционер. Я не выгораживаю. Я говорю, если вы соседями недовольны, обращайтесь к участковому. Он во всем разберется.
Молодая девушка. Мне исполнилось 18 лет. Могу показать паспорт. Я теперь совершеннолетняя, как и вы!
Хозяйка дома. Мы так старались. Столько закуски наготовили, за неделю не съесть. Хотелось, чтобы все было, как в настоящих домах, у хороших людей.
Молодая девушка. Салат сделали. Майонезом его полили. Зеленым луком посыпали.

– Гуся яблоками начинили, – сказала хозяйка дома.

Небритый мужчина. Вкусный гусёк, а?

Хозяйка дома. Мы так устали.

Пожилая соседка. Я, по-твоему, не устаю? Я не умею принимать гостей, отвечай? У меня всё, как у всех. Мои гости всегда уходят благодарными.

– Я не говорю, что у вас хуже. Я не виновата, что вы всё принимаете на свой счет.

Милиционер. Перестаньте лаяться, раскудахтались, как на рынке. Надоело.

Небритый мужчина. У нас недавно на работе случай был. Тоже один покончил с собой, не слыхали? Только наш самоубийца оказался в живых. В остальном случай очень похожий.

Пришел этот человек в трансформаторную будку. И бросился на обнаженный кабель.

Дурак.

Говорят, из-за несчастной любви. Долбануло его, как полагается. Руки сильно обжег. Напряжение, понимаете, высокое, сразу можно превратиться в пепел.

Была у нас одна сучка.

Таскалась с кем ни лень. Кошка драная, а не баба. А на этого электрика не обращала внимания.

Хозяйка дома. В шесть съехались гости. Чуть задержишься вечером, соседи в милицию мчат. За собой не замечают. За другими следят. Склочники. Еще я боялась, что закуски много наготовила, испортится, пока все соберутся. Если закуска заветрится, то какая это закуска? В рот не возьмешь такую закуску. Знакомый, как я говорила, самоубийцу привез. С этим знакомым встречаюсь вторую неделю. Человек видный, а матом ругается, как жэковский водопроводчик или

бомж. Рубашка чистая, а под ногтями грязь. Руки не моет. Галстук не может завязать по-человечески. Иногда ширинку у брюк не застегивает. Пока не скажешь, не заметит. Брюки новые, а он о них вытирает руки. Чавкает так, что слышно в соседней комнате. В хорошую компанию с таким типом не пойдешь.

Самоубийца нам анекдоты рассказывал. Один я запомнила. Он про педераста:

«Шел человек по дороге. Подошел к лесу. Смотрит, на дереве большая табличка висит:

Осторожно, в лесу педераст! Прочитал и пошел дальше, а на пеньке маленькая табличка: осторожно, в лесу педераст! Нагнулся, чтобы прочитать, тут его и изнасиловали».

Веселый человек был самоубийца. Он все время с моей подружкой заговаривал. Мне казалось, что они друг другу понравились. Я не стала отбивать. Мы не ссоримся из-за мужиков. Мы ведь современные женщины. Потом мы пили шампанское.

НЕБРИТЫЙ МУЖЧИНА. Кроме шампанского ничего не пили?

– Почему не пили, были еще коктейли. Мне в одном хорошем доме дали отличный рецепт. Хотите для вас спишу? Делать коктейли нетрудно. Для этого нужен лед. У меня на кухне стоит холодильник «Минск». В морозильнике этого добра сколько угодно.

НЕБРИТЫЙ МУЖЧИНА. Нужны мне ваши коктебли, как третья нога.

ХОЗЯЙКА ДОМА. Вы неправильно произносите это слово. Нужно говорить коктейли.

НЕБРИТЫЙ МУЖЧИНА. Значит, больше ничего не было?

– Была водка. Но ее никто не пробовал.

Небритый мужчина. Водка, это другое дело. Коктебели мне ваши в глотку не полезут. Какая от них польза? Водки тяпнул стаканчик, и порядок, пошел домой на покой.

Молодая девушка. Самоубийца интересовался у меня, каких я поэтов люблю читать? Я отвечала: больше всего мне нравится поэт Фасадов. Он теперь самый модный поэт. Стихи он пишет нервощипательные. В особенности у него мирово описывается любовь. Он говорит, что любовь не с тела нужно начинать, а с души. Я такая несчастная. У меня всегда получается наоборот. Мужчины меня душой не чувствуют. Валят сразу на диван, юбку на голову задирают. Самоубийца первый, который обошелся со мной деликатно. Как любовь с души начинать, я не знаю. Я такая темная, такая необразованная.

Другие про любовь писать не умеют. А Фасадов очень пишет хорошо.

Потом самоубийца сказал, что я очень симпатичная девушка (это мне и прежде поклонники говорили), а в стихах не разбираюсь, что таких поэтов, как Фасадов, лучше не читать. Что стихи его рассчитаны на малоразвитых людей. Видите, как он рассудил. Я хотела возразить, сказать, что я и есть недоразвитая. У меня от стихов Пушкина, которые в школе заставляли заучивать наизусть, голова болела. Прежние мужчины мне про Фасадова ничего плохого не говорили. Он первый сказал. Другие удивлялись, что книжки со стихами могу читать. Потом он сказал, что вкус у меня равен нулю. Я не обиделась. Я не могу обижаться на симпатичных мужчин. Самоубийца мог говорить что угодно. Он даже понравился моей приятельнице. А у нее вкус совершенно бесподобный. Так что его замечание насчет нуля я пропустила мимо ушей.

Потом я спросила, а каких он любит поэтов? Он ответил, что Езнисейского и Возвестенко. Я сказала, что у Возвестенко тоже стихи нервощипательные, а Езнисенского я не читаю, потому что читать его нет никаких сил. А еще вот что, признаюсь вам по секрету, в книжках больше всего я не то, что там написано, люблю, а фото самих поэтов. Без фото книжки не покупаю.

Милиционер. Знаю я их, всех этих поэтов. Недавно обоих приводили в отделение. Еле на ногах держатся, лыка не вяжут... Им говорят: стихи, товарищи, почитайте. Милицию повеселите, покажите, что умеете. Один маленький, толстенький, другой еще меньше, лысоват. В вытрезвитель пришлось отправить, чтобы хмель из головы выветрился. Бить не стали. Известные люди. Стукнешь такого, потом неприятностей не оберешься. В вытрезвителе дело поставлено, как надо – полезай под холодный душ, и не мур-мур. У нас с пьяными чикаться не собираются, нам все равно, что Занесенский, что Дровестенко.

Пожилая соседка. Если речь зашла о стихах, то я скажу: я стихов не читаю.

Милиционер. Думаешь, я читаю?

Пожилая соседка. Я писателя Кочетова на ночь люблю почитать. Все у него ясно описывается, не запутаешься, как у других. Кочетов обо всем рассказывает, как положено. Кто свои, кто чужие у него понятно. Не перепутаешь. И друзья и враги настоящие. И книжки толстые. Я тоненькие не люблю. Кто их только пишет?

– У нас недавно такой случай был, – начал небритый мужчина.

Но его перебила молодая девушка:

– А еще он нас в интересную игру научил играть. Игра простая.

Небритый мужчина. Кто научил, Кочетов?
– Вы надо мной смеетесь? Не Кочетов, а самоубийца. Сейчас в эту игру во всех хороших домах играют. Ничего хитрого в этой игре нет. Каждый может научиться сразу. Даже я все поняла, а я такая бестолковая. Обычно мне говорят, говорят, а я ничего не могу понять. Тут все поняла. Играть надо так:

Кто-нибудь зажигает спичку и передает ее по кругу. У кого спичка потухнет, тот проиграл и должен отвечать на все вопросы, какие ему зададут. Вот и вся игра.

Самоубийца мне очень странные вопросы задавал: «Скажите, были вы на Марсе?» – это он мне. Я, конечно, отвечала, что в жизни там не бывала и не собираюсь. Зачем мне на Марс? Если я полечу на Марс, кто будет за меня сдавать экзамены?

Он сидит, улыбается, по голове поглаживает. Рука у него легкая и приятная. Если бы он пригласил меня на Кавказ, в Гагру или Пицунду, я бы не отказалась, не посмотрела бы на экзамены, будь они неладны. Не люблю экзамены сдавать. Преподаватели все соки из души выжимают. Умнее не делаешься, а тупеешь окончательно. Потом самоубийца шепнул по секрету, что ему 44 миллиона лет. Я не поверила. Вижу, что разыгрывает. Он улыбнулся. А сам все ко мне прижимается. Так я ему и поверила. Шутит, как с маленькой.
Пожилая соседка. Пора домой. Завтра рано вставать. Не выспишься.
Небритый мужчина. И мне тоже пора.
Милиционер. Идите, идите, хорошо теперь в постельке полёживать. Разбегайтесь в разные стороны, торопитесь!

Только я вас никуда не пущу, пока не придет следователь. Такой у нас порядок. Заведён он не мной и не вами. Будете сидеть, как миленькие. Очевидцы должны быть. Так что можете не рыпаться.

Пожилая соседка. Какие мы очевидцы, мы ничего не видели. Мы прибежали потом.
Милиционер. Молчите, курьи головы, очевидцами вы только называетесь. У следователей есть такой термин.
– А вы знали самоубийцу? – спросила у Автора хозяйка дома.
– Да, – ответил Автор, – я знал самоубийцу, вы угадали. Мы с ним знакомы давно. Часто встречались, в особенности в последнее время. Не знаю, что могло привести к такому плачевному, я бы сказал, концу: любовь к женщине, пристрастие к вину? А может, другие житейские передряги? Вина, как было известно, он пил не слишком много.
Самоубийца. Больше всего я любил живопись.
– Значит, вы художник? – спросила молодая девушка.
Автор. Самоубийца прежде в Союзе художников занимал немаловажный пост. Рисовал портреты политических деятелей разного ранга. Чудак, увлекся модернизмом и все пошло насмарку. Кому в наше время нужны абстрактные полотна?
Молодая девушка. Где ничего не понятно?
Автор. Да, да, вот именно, точнее не скажешь.
Самоубийца. Я ни о чем не сожалею. Наконец стал чувствовать себя человеком. Да, прежде у меня действительно было надежное положение, водились немалые деньги. Но куда они уходили: на выпивку, на блядей, на блядей и на выпивку. Вокруг этого вертелась вся жизнь. Теперь стыдно вспоминать те, даром растраченные, годы. Вращались в каком-то заколдованном круге. Искусством напрочь интересоваться перестали. Да не один я был таким. Многие даже себе боятся признаться, что паразитами висели на шее у собственного народа. Я рад, старик, что покончил с этим навсегда.

Началось все с выставки Пикассо в Пушкинском музее. Помнишь, какой был ажиотаж?

Сильное осталось впечатление, хотя картины Пикассо я знал. Видел в музейных запасниках, где все новое сваливалось в кучу. Впервые в советском музее показали художника с такой яркой индивидуальностью. Ходил долгое время как ошалевшей. Перестал узнавать собственную жену. Она психиатра знакомого приглашала под видом гостя, не сошел ли я с ума. Ум мой был здрав, а душа скорбела. Невеселые мысли стали заползать в голову.

Сколько времени рисовали никому не нужные вещи! Где эти люди, с которых писали портреты? Где сами портреты? Все кануло в лету.

Картины, которые малевал прежде, сжег все до одной. Это был первый шаг. Жена в слезы. Впервые проявил грубость, выставил из мастерской. Не помню теперь, каким образом она туда попала. Обычно без звонка не приходила. Почувствовала, видно, неладное. С тех пор у нас и пошло все вкривь и вкось.

А что были за картины? В меру размалеванные полотна, смахивающие на фотографии. Вот и все наше искусство. Если подпускали чуточку импрессионизма, то начальство смотрело на это сквозь пальцы, хотя и не одобряло. Думали, что настоящее вершим, а настоящее в наших работах и не ночевало.

Жалкие людишки.

Ничему-то не научила история. Сколько лет держали нас за горло грязными лапами Серовы, Герасимовы, Иогансоны. Как они могли околпачить нас, ребят, в общем-то, неплохих, энергичных?

Стыд!

Позор!

Не только наш позор, а всего русского искусства!

После Казимира Малевича, Татлина, Кандинского, Фило-

нова, Шагала забыть всё, рисовать Кувалдиных и Свинцовых. Это, я вам скажу, надобно ухитриться.
Молодая девушка. Слышите, как красиво он говорит? Теперь, надеюсь, вы меня понимаете?
Самоубийца. Искусство национальное по форме. Вдумайтесь хорошенько в эти слова, что они вам говорят?

Что такое национальное по форме? К чему обязывают эти слова, брошенные на ветер? Между прочим, в те времена даже стилизация под лубок запрещалась. Иконы были изъяты из всех музеев.

Все русское выметалось, как мусор, признавалось порочным. Куда подевались художники двадцатых годов, наша гордость и предмет восхищения всего мира?
Автор. Ты слишком преувеличиваешь, старик, сгущаешь краски. Так нельзя. Были, конечно, ошибки и просчеты, но теперь они исправляются.
Самоубийца. Я говорю слишком мягко. Я рад, что теперь, хоть и с запозданием, могу говорить все!
Автор. Теперь наступили другие времена. Пришли новые люди. А ты живешь, вроде ничего не произошло.
Самоубийца. Серовы и Иогансоны руководят нами по сей день. Все зависит от их пожеланий: выставки, мастерские, заработки. Захотят, скажут да, не захотят, швырнут: нет!

Так-то вот, дорогой.
Автор. Нельзя сразу, постепенно они останутся не у дел. А потом канут в Лету!
Самоубийца. Я не дипломат. Говорю, что думаю.
Хозяйка дома. Очень даже интересно. У одних моих знакомых есть знакомые, у которых всегда ведутся такие толковые разговоры. Как приятно, что и у меня в доме появились интеллигентные люди!

Пожилая соседка. Меня подобные сентенции ни с какой стороны не интересуют. У меня сразу начинает болеть голова.

Небритый мужчина. Привыкла, чтобы за тебя Кочетов думал. Сама не можешь раскинуть куриными мозгами. У меня голова не болит. Я сразу начинаю прикидывать, что к чему приложить. Я думать привык. Мы на работе в курилке всегда заводим такие сложные разговоры. А у тебя голова болит, а на то наплевать, что говорит умный человек. Смысл нужно, когда слушаешь, улавливать, а не хлопать ушами. Я хоть рядовой электрик, а все понимаю. Да что тут понимать!

Сейчас зарплата против прежнего увеличилась в два раза. Значит, и жить стало вдвое лучше прежнего. Прежде пойдешь в магазин, чтобы купить галоши, а там очередь такая – пока до прилавка долезешь, брюки на тебе в клочья изорвут. О простых вещах говорю. Прежде мы почти весь день отсиживались в курилке. Теперь тоже курилку не забываем. Но и план перевыполняем.

Без курилки рабочему человеку нельзя. Поговорить нужно. Поделиться мыслишками с другими. Узнать, что пишут в газетах. Что говорят по Маяку. Курилка – вещь. Как информбюро. Теперь вся жизнь идет по графику. Никто не отстает, никто никого не перегоняет.

Милиционер. За такие разговорчики, которые ведете, могу всех вас по новому указу в отделение милиции сволочь. Суток по пятнадцать влепят. Что придумали, при официальном лице критику на начальство наводят. Тут вам не общее собрание, а пост, на котором произошло самоубийство. У себя на заводе можете сколько угодно критиковать, а здесь помалкивайте, дрынды-бурынды!

Автор. Позвольте, мы, кажется, живем в свободном обществе, а не в полицейском государстве?

Милиционер. Я вам говорю по-хорошему, не рыпайтесь. Пусть он дома перед женой выставляется, может, суп станет вкусней.

Хозяйка дома. Какая скукота. Можно поехать к знакомой переночевать?

Милиционер. Говорю, не рыпайтесь, сидите смирно!

Небритый мужчина. Может выпить, а?

Пожилая соседка. Так и знала, что все закончится пьянкой. Одного дня не могут без проклятущего зелья обойтись. Так и будете при покойнике пьянствовать? Изверги вы, изверги рода человеческого.

Небритый мужчина. Так уж и изверги. Я лично второй месяц не беру в рот. Сама знаешь. В одной коммуналке живем. Работы на заводе полно. Пьянствовать некогда. Выполняем спецзаказ по заданию правительства.

Пожилая соседка. Они *(тычёк в сторону хозяйки дома)* пьянствуют целую неделю.

Хозяйка дома. Не придирайтесь. Мы праздновали день рождения.

Пожилая соседка. Не врите. Я вам не простофиля. Меня не проведете. Каждый день у них день рождения. Знаем мы эти штучки!

Молодая девушка. Не верите, посмотрите паспорт. Паспорт врать не будет.

Небритый мужчина. Заткнитесь! Водку в такой поздней час нигде не достанешь! Чего орать, магазины давно позакрывались.

Пожилая соседка. Вот и отлично. Денежки будут целы. Не помрете без своей отравы.

Небритый мужчина. Стерва! Ведьма! Старая кикимора!
Пожилая соседка. Я?
Небритый мужчина. Ты!
Пожилая соседка. На, смотри, какая я кикимора!

Пожилая соседка судорожным рывком расстегнула нейлоновую кофточку, из которой на свет вывалились две огромные выпуклости, а на этих выпуклостях розовели, как два цветка, слегка припухшие соски.

– Убедился, какая я ведьма? Зря, думаешь, мужики ко мне таскаются? Отбоя от паразитов нет. Крутятся, как мерзавцы. Один раз придет, потом невозможно выставить за дверь. Не смотри, что у меня обличие в морщинах, ты на груди смотри. И тело все такое.

Милиционер. Ладно, водку я достану. Мне везде дадут, открыто или закрыто. В любой час.

Хозяйка дома достала маленькую театральную сумочку под серебро. Порылась. Достала пятерку.

– Возьмите, со скуки с вами околеешь.

Милиционер. У меня трояк в заначке. Мало, однако, на такую компашку. Двумя бутылками не обойдешься. Да и пожевать что-то нужно для дам.

Небритый мужчина. У меня хоть шаром покати. Получка завтра. Сегодня гол, как сокол.

Автор. Вот десять рублей, возьмите.

Милиционер. Теперь хватит. Порядок в танковых войсках. Хватит, говорю, теперь!

Хозяйка дома. Закуску не покупайте. От вчерашнего осталась половина всего.

Милиционер надевает в передней шинель. Она у него старенькая. Потертая порядком уже. На поле пятна масла,

а может, и крови. Одна пола свисает ниже другой. Спина топорщится горбом.

Видела виды: шинелька.

Небритый мужчина. Ну и одежка у вас, я вам скажу! Что ж вам – новые шинели не выдают? Нам спецовку, как износится, другую предлагают. У вас, видимо, совсем по-другому дело поставлено.

Молодая девушка. У меня рубля два в сумочке, возьмите.

Милиционер. Не надо. Так хватит.

Молодая девушка. Возьмите, они мне все равно не нужны.

Небритый мужчина. Бери, пока дают, пригодятся, лишняя бутылка не помешает.

Милиционер. Посмотрите тут за ним, за самоубийцей, я мигом сбегаю, глазом не успеете моргнуть, одна нога здесь, другая там. Соколики мои ясные, лебеди расписные! Я в одну минуту. Вы только за ним поглядите, поглядите за ним, говорю. Я сейчас. Мигом. В один момент слетаю. Все будет как в аптеке. Тютелька в тютельку. Комар носа не подсунет. Посмотрите за покойником. Ах вы, кони мои вороные, черны вороны кони мои. Я сейчас, я быстро, в одну минуту!!

Милиционер весь как-то сразу ожил, порозовел. Угрюмость и официальность с него как рукой сняло. Прежде был неприступен, словно гора Эверест. Ошиблись, не угадали!

Бегает здоровенный детина по квартире. Порхает, как перышко. А весу в нем килограммов сто, а то и поболе...

Милиционер. Все сто двадцать.

Носится, как пушинка из одной комнаты в другую, топ-топ-топ! Вместо входной двери на кухню побежал, думал, выход, а выход совсем в другом месте. Потом уже отыскал. Хозяйка дома показала. Помчался по лестнице. Да опять не-

правильно. Сначала вверх припустился, пролета два отмахал. Сообразив, повернул обратно.

И долго по улице среди ночной тишины раздавался его басовитый, но далеко уже не начальственный голос:

– Я сейчас, я мигом, оглянуться не успеете, соколики мои, лебеди расписные, я в два счета!

Небритый мужчина. Эй, милиция, портупею забыл?

– Не нужна, – крикнул милиционер, – без нее сподручнее!

Хозяйка дома в это время сходила на кухню, зажгла газовую колонку, собрала со стола грязную посуду, перемыла ее. Затем сменила на столе скатерть. Молодая девушка достала из холодильника миску с салатом, понюхала, не прокис ли. Достала шпроты, тоже понюхала. Осталась довольна.

Хозяйка дома. Все свежее. Не успело заветриться.

Молодая девушка. Удивительно.

Хозяйка дома. Холодильник хороший.

– Давай помогу, – сказала пожилая соседка.

– Чего тут помогать, управимся сами.

– Не обижайтесь.

– Я нарежу хлеб, – сказала молодая девушка.

– Хлеб на окне в кастрюле.

Небритый мужчина. А мне что делать?

– Оставьте нас в покое, – сказала хозяйка дома.

– Ладно, – сказал небритый мужчина.

– А может все-таки помочь? – сказал Автор.

– Не нужно, – сказала хозяйка дома.

– Простите, – сказал небритый мужчина, обращаясь к Автору. – Еще раз простите. Пока они наводят шахер-махер, можно я с вами поговорю, задам вам вопрос? Если нельзя, то скажите, я отстану.

Автор. Пожалуйста.

Небритый мужчина. Вот вы, писатели, инженеры человеческих душ, как вас называли прежде, что вы про нас пишете, как изображаете? Вот вы послали милиционера за водкой, и он побежал, обрадовался, что представился случай выпить. Разве так поступают в хороших книгах? То, что вы его послали за водкой, позор для всей нашей милиции.

Как вы думаете, хорошо это или нет?

Автор. Он ведь вызвался сам.

Небритый мужчина. Я вопрос вам задал нарочно, я люблю задавать провокационные вопросы. Знал, что вы ответить не него не сможете. Начнете оправдываться, то да сё. Вопрос я вам задал, чтобы на него ответить самому.

Сейчас я выскажу, что я о вас думаю. Вам кажется, что мы ничего не понимаем в литературе?

Дудки!

Прежде не понимали, а теперь научились. Теперь мы на работе собираемся в курилке и обсуждаем все литературные дела.

Посмотрите, что вы с милиционером сделали? Взгляните, как вы с ним обошлись? Вы его за водкой в магазин услали. Где это видано, чтобы милиционер за водкой ходил, если он на посту? Милиционер – блюститель закона. А вы его, как мальчика, – каково? Да что там говорить, неважные у вас дела. Прямо нужно сказать, неважные.

Вот я опять скажу насчет милиционера. Послав его за водкой, вы не подумали, что начальство милиционерское на это скажет? Как оно к этому делу отнесется? По головке ведь милиционера оно за это не погладит?

Если бы вы думали о последствиях, то поступили бы иначе. А теперь скажу, действия ваши весьма неосмотрительны. Видно, что на человека вам наплевать!

Теперь этого милиционера как пить дать со службы попрут. И разговаривать не станут. Что тут разговаривать, дело ясное, нарушил – отвечай!

Что вам, собственно, этот милиционер плохого сделал? Ничего? Конечно ничего! Парень он, чувствуется, тихий, смирный. Выпить только любит. А кто теперь не любит? Вы не любите? Он не любит? Они не любят?

Поступили вы с ним жестоко. Начальство ведь не посмотрит, что этот милиционер двадцать лет в милиции служит. Он ведь у вас, как юноша поскакал. Смех один. Нам смех, а милиционеру этот смех слезками отзовется. У него жена и куча детей дома. А вы с ним по-варварски. Вся ваша бесчеловечность в этом поступке видна. Не подумали вы, к чему это все привести может. Хорошо еще, если милиционера под суд не отдадут, а могут.

Про поступок этот начальство узнает. У начальства везде имеется надежный глаз.

Спросит начальство: «Кто такого-то числа дежурил на улице Горького?» Призовет начальство этого милиционера и спросит: «Что ты, голуба, правила нарушаешь?» Поговорит начальство тихо, ласково, как с дитятей. А со службы – вон! Катись отсюда!

И останется милиционер без средств к существованию, поскольку он физически трудиться отвык, а специальности – нет.

Автор. Простите, но это уже слишком. Я против критики ничего не имею. Но она должна быть разумной. Вы меня выставили в таком свете, вроде я донос на милиционера написал. Какое начальство о нем может узнать?

Небритый мужчина. Про донос вы правильно заметили. Именно – донос.

Автор. Вы говорите невесть что. Разве можно с такой точки зрения смотреть на художественное произведение? Я ведь пишу роман. Творческий процесс значительно сложнее, чем вам кажется. Есть вещи, которые нужно знать неукоснительно. Законы творчества просты. И их не очень много. Судить о художественном произведении можно только в том случае, если усвоил эти законы. Критика – дело ответственное. Самодеятельность в этой области недопустима. Понять произведение так же трудно, как и создать его.

Из ваших слов, к примеру, явствует, что я не умею писать так, как это делают Бондарев или Проханов. Ошибаетесь. Ничего нет проще. Стоит малость набить руку, поднатореть.

Так, как пишет большинство, писать не трудно. Существует уже готовый образец, с которого нужно списывать, как в школе.

Вот сейчас попробую описать появление милиционера, как это делают ваши любимые авторы.

«Наконец раздался долгожданный звонок. Дверь *(заметьте)* распахнулась гостеприимно и широко. На пороге стоял он – всеми уважаемый милиционер *(все в преувеличенном виде)*, гроза уличных подонков всех мастей. Он выглядел *(опять таки)* настоящим орлом, готовым на любой *(без подвига не обойтись)* подвиг. В одной *(опять же)* могучей руке он держал *(обратите внимание)* огромный саквояж, щедро *(без этого не обойтись)* набитый бутылками нашей, советской, лучшей в мире водки. *(и дальше)* Что ж, я не боюсь слова водка. Почему, скажите, не выпить нашим людям? Пусть веселятся, пусть живут в радости и довольстве. Наши герои *(вот вам)* заслужили достойный отдых *(обязательно)* самоотверженным трудом, беспримерным *(и такое бывает)*

подвигом ради человека, для человека. Пусть гуляют, пусть веселятся, такова наша природа. Лозунг наш:

Труд и Отдых.

Молодая, статная хозяйка дома поплыла лебедкой навстречу почетному гостю. Она радостно улыбалась, и почти помужски пожала могучую руку стража порядка.

– Рада, очень рада, – решительно прощебетала она.

– Ха, спасибо, красавица, – откликнулся гость-богатырь.

На столе, покрытом белоснежной скатертью, уже (*виноват, среди наших прославленных писателей слово уже считается нелитературным, недопустимым, неприличным*). Так вот, на столе уже стояла многочисленная закуска: как-то по-особенному приготовленный салат, обильно политый сверху майонезом, холодец, и не из свинины, а из говядины. Сало стояло рядом. Посреди стола красовался судачок и хрен при нем. Такие рыбины водятся только в наших необъятных реках и озерах.

Тамбовский окорок манил розовостью мяса.

Особенно выделялись соления, грибочки, квашеная капустка, огурчики, и не маринованные, а собственного, домашнего засола.

Стол ломился от яств.

Все выглядело празднично и торжественно. Все соответствовало данной незабываемой минуте.

– Прошу к столу! – весело подняла голос хозяйка дома.

Гости достойно, в приподнятом настроении, расселись по местам.

Первый гость. Хороша закусочка, хороша!

Второй гость. Ох, как хороша!

Первый гость. Хороши грибочки.

Второй гость. Хорош судачок.

– Наливайте, гости дорогие, закусывайте, – мужественно поддержала разговор хозяйка дома.

– А мы ничего, нальем, – отчеканил гость в дорогом костюме, – выпьем, и еще нальем, – повел он своим значительным носом.

– За здоровье хозяйки дома! – крикнули хором гости.

Милиционер навалил себе полную тарелку грибов и добрую половину тамбовского окорока.

– Отличные грибочки, – хрюкнул он, – давненько таких не едал. К водочке это очень даже соответствует.

– Кушайте, кушайте, я еще подложу, судачка отведайте.

– Дай Бог тебе муженька ладного, румяного, как этот окорочок, ха-ха-ха!

Тут хозяйка дома затянула подходящую к моменту песенку: Так будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты...

Присутствующие энергично подхватили: А мы уезжаем до дому, до хаты...»

Думаю, что этот небольшой кусочек звучит несколько пародийно. Однако, образчиком того, что у нас официально именуется соцреализмом, «необходимым» для народа, служить в какой-то степени может вполне.

Небритый мужчина. Замечательный литературный выпад. Лучше всего вашего романа. Уверен, что вы его не сочинили, а списали у товарища Бондарева или Проханова.

Так и нужно писать. Нечего мудрить...

Автор. Что ж, продолжим роман.

Пока небритый мужчина развивал мысль о том, что годится для литературы, а что не подходит, неслышно отварилась входная дверь, и в квартиру проник весь вспотевший,

но сияющий улыбкой до ушей милиционер. Карманы шинели оттопыривались в разные стороны. Из одного выглядывала головка бутылки.

– Ну и жара (*голос милиционера*).

– А нам холодно (*голос небритого мужчины*).

– Ничего (*голос милиционера*), сейчас я вас подогрею, поддам парку.

– Сам (*голос небритого мужчины*) уже?

Милиционер. С продавцом пропустили по стаканчику.

Пожилая соседка. Карманы-то у вас как раздулись!

Милиционер. Как же, в них шесть бутылок, если хотите знать, лежат.

Милиционер выставляет бутылки на стол: раз, два, пять, семь!

Небритый мужчина. Семь, а говорил шесть?

Милиционер. Позабыл. Продавец дал одну. Эх, клюкнем сейчас!

Хозяйка дома. Закуска готова.

Сели.

– Какие рюмки подать? – спросила хозяйка дома.

– Давай стаканы, чего церемониться, не люблю водку пить из рюмок, – сказал милиционер.

Автор сел рядом с молодой девушкой, милиционер возле хозяйки дома.

Небритый мужчина. Смотрите, что же это творится? Мне выходит сидеть рядом с этой кикиморой, не хочу!

Пожилая соседка. Не бойся, не укушу.

Милиционер. Прихожу в магазин, а он уже лег спать, падла. Не успел на городской транспорт. Готовил какой-то отчет. Пристроился на мешках с крупой. Кричу, а он, как глухарь. Еле достучался.

Небритый мужчина. Быстренько ты слетал.
Милиционер. В нашем деле быстрота в ногах самое наиглавнейшее дело. Если бы я немного задержался, хана, он бы так уснул, что хоть пали из пушек...
Хозяйка дома. Во всех хороших домах...
Пожилая соседка. Что во всех хороших домах?
Хозяйка дома. Подают...
Милиционер. Нечего антимонию разводить, давайте нальем бокалы полней!
Небритый мужчина. Дуй, разливай!

Милиционер взял бутылку. Зажал в огромную ладонь, напоминающую деревянную лопату. Сдунул с горлышка алюминиевую шапчонку, погладил нежно по рельефной попке:

– Хороша, дрынды-бурынды!

На плоском, шершавом лице его отразилось некоторое подобие улыбки.

– Махнем, – сказал небритый мужчина.

– Махнем, – отозвался милиционер.

– Минутку, одну минутку, – подал голос Автор. – Предлагаю, прежде чем выпить, познакомиться. Как-то не догадался сделать это в самом начале. Теперь хочу поправиться.

Пожилая соседка. Все виноваты.

– Мы так расстроились, – сказала хозяйка дома.

– Лучше поздно, чем никогда, – сказал небритый мужчина.

– Меня зовут Иваном Кузьмичом, – сказал милиционер. – Поскольку я нахожусь на службе, при исполнении обязанностей, называйте меня по фамилии и по званию: старшина Алексеев. По-другому у нас не полагается. Если все будут тыкать, то порядку не будет.

– Меня величают Настасьей Петровной, – сказала пожилая соседка.

– Я Маня, – сказала молодая девушка.
– А вас как зовут? – поинтересовался Автор у хозяйки дома.
– Ирина.
– Очень приятно.
– Петр Петрович, – буркнул небритый мужчина.
– А вас? – спросила молодая девушка у Автора.
– Я – Автор. Пишу этот роман. Так меня и называйте.
Ирина. А имя? Нам бы хотелось знать ваше имя?
Автор. Так лучше. Я, понимаете, в романе выступаю в нескольких лицах.
Петр Петрович. Псевдоним у вас, как у других писателей? Свое настоящее имя скрываете, как бы чего не вышло? Мне все равно. Я могу вас и Автором называть. Легче запоминать.

Старшина Алексеев по этому поводу ничего не сказал. Он налил стакан водки и выпил. Закусывать не стал. Вытер губы суконным рукавом кителя.

Маня. Вот мы и познакомились.
Самоубийца. Ты бы и меня представил, старик!
Автор. Виноват. Самоубийцу зовут Николаем Сергеевичем.
Маня. Мне он представился – Ника.
Автор. Уменьшительно от имени Николай.
– Хороша водочка, – сказал Петр Петрович, – так сама в горлышко и льется. Буль-буль.
– Водка как водка, – сказал старшина Алексеев. – Такая, как всегда.
Настасья Петровна. Гадость! Как только мужики пьют эту отраву?
Старшина Алексеев. Водку, если хотите знать, нужно пить большими дозами, стаканами, а не рюмками с гулькин нос.

Маня. У меня даже от одной рюмки начинает кружиться голова, как на каруселях.

– Ешьте салат, – предложила Ирина.

– Замечательный салат, – сказала Маня.

– Неважнецкий *(голос Петра Петровича)*.

– Как вы можете так говорить, – обиделась Ирина, – это неуважительно с вашей стороны в отношении нас. Мы так старались, так старались. Мне дали рецепт в одном хорошем доме. Мы в него даже яблок положили, и еще кое-что. Гости салатом остались довольны.

Петр Петрович. Яблоками вы его подпортили. От них он сделался сладким. Лучше бы положили селедки.

Ирина. Сказали. Кто теперь в салат кладет селедку? Одни невежи.

Петр Петрович. Ваш салат гости есть не стали, вот он и остался.

Старшина Алексеев. Салат на всех праздниках в компаниях остается, и хороший, и плохой.

Петр Петрович. У меня всё съедают.

Старшина Алексеев. Под водку лучше всего селедка с отварной картошкой, да квашеная капуста.

Ирина. У нас водку никто не пьет. Вы настоящих людей не видели в глаза, как они едят, как пьют! Если не понимаете хорошего тона, то молчите!

Петр Петрович. Я хорошего тона, как вы выражаетесь, на своем веку видывал достаточно. К нам на завод приезжают самые известные люди. Был недавно Глеб Еремеич Кисель, Фома Александрович Слабовский, который читал свое новое произведение «Затычкин на том свете». Что по этому поводу скажешь? По-твоему они не настоящие люди? К нам и шах Ирана приезжал со своей шахиней Резой Пахлеви.

За руку с нами здоровался. А ты говоришь. Стал бы шах Ирана жрать твой салат? Настоящие люди, а у самой пробки перегорят, ко мне бежит. Петр Петрович то, да Петр Петрович это, жалкая твоя душонка.

Пробки починить не может, а о настоящих людях толкует! Ты в отношении Слабовского знаешь кто, фифа? Хотел бы хоть одним глазом взглянуть на твоих настоящих людей. Наверняка голь перекатная, бездельники и тунеядцы!

Старшина Алексеев. Ладно. Хватит. Сцепились из-за пустяка. Не понимаю таких, у которых желание лаяться. Приводят иногда подобных субъектов в отделение. Мы их быстренько успокаиваем.

Пока старшина Алексеев пытался урезонить спорщиков посредством милицейской морали, Настасья Петровна наклонилась к Петру Петровичу, нашептывая что-то ему в самое ухо. Петр Петрович внимательно прислушивался, хихикал в кулак. А Настасья Петровна все нашептывала, нашептывала, все наклонялась, все прижималась. А Петр Петрович все хихикал, хихикал. Слюна потекла у него из левого угла рта по подбородку. Капает на пиджак. Он этого не замечает, все хихикает, хихикает.

И вдруг они запели в унисон. Стройно запели. Два голоса зазвенели, затрепетали.

Песню они, между прочим, пели странную. Мотив известный, а слова?

Да вот послушайте сами.

Он пел:

Хаз Булат удалой,
Остра сакля твоя,

Золотою казной
Ты увидишь змея...

Она пела:

Хаз Булат с бородой,
Будем в сакле, пора
Поскорее туда
Нам с тобой до утра...

Выходила бессмыслица. Но они ничего этого не замечали... Пели с выражением. Лица исказились, как во время соития. Принимали различные личины. От зверских до умиленных.

Маня. Вот чепуху какую спели. Я ничего не поняла. Теперь такие песни петь в порядочных компаниях неприлично. Это очень старомодное выступление. Слушать не хочется. Хоть уши ватой затыкай. Можно я вам другую песню спою?

– Можно, можно! – закричали гости, находясь уже в хорошем подпитии.

– Сейчас, – сказала Маня, – дайте вспомнить слова. Память у меня на слова плохая. Я их всегда записываю в тетрадку. Теперь я эти слова совсем забыла, а тетрадку оставила дома. Одно словечко вылетело из головы. Из-за него не могу всю песню вспомнить.

– Начинайте, начинайте, поможем!

– Вот я вспомнила:

Я прижму тебя к сердцу прижму
Молодыми ногами горячими...

Петр Петрович. Высший класс. Значит, к сердцу ногами, надо же. А дальше как?
Маня. Опять забыла.
Петр Петрович. Давай, вспоминай!
Маня. Сейчас.

На траву я тебя положу,
А на большее ты не рассчитывай...

Петр Петрович. И это заманчиво. Люблю такие эротические песенки. Только что ж он, импотент что ли? На траву положу, а дальше аля-улю. Онанизмом занялся?
Маня. Я одна во всем виновата. Я всегда все перепутаю. В этой песне все слова приличные, не думайте, только я их позабыла. Памяти у меня совсем нет. Какая я несчастная, я сейчас заплачу!
Автор. Успокойтесь, милая девушка. Все хорошо. Если слова не помните, беды в этом нет. Потом вспомните. Такое случается.
Ирина. В нашей компании поют совсем другие песни. Маня еще не привыкла к нашим песням. Мы недавно познакомились. Она у нас новенькая.
– А какие песни поют у вас? – поинтересовался Петр Петрович, не без ехидцы. – Может споете, а мы послушаем и оценим. У нас на заводе шпана всякие блатные песни распевает:

Стою я раз на стрёме,
Держуся за карман.
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне граждан...

Дальше там про голых женщин, про то, как они замечательно танцуют в таком обнаженном виде.

Настасья Петровна. Прежде не как теперь. Прежде пели одни скромные песни.

Ирина. Я спою самую современную песню:

Вокруг залива Коктебля
Лежит огромная земля
Заводы (тут нецензурно)
Совхозы (и тут)...

Петр Петрович. Что ж ваша песенка из одних нецензурных словечек состоит? А петь что?

Настасья Петровна. Давайте затянем «Шумел камыш». Нечего придуриваться. И слова все знают. И песня хорошая, не похабная, как другие.

Старшина Алексеев. Лучше выпить, чем драть понапрасну глотку.

Старшина, надо сказать, пока все разбирались что цензурно, а что нецензурно, успел опрокинуть стакана два. Повеселел изрядно. Глаза загорелись демоническими огоньками. Язык сделался боек.

Маня. Я предлагаю выпить за всех, кто тут присутствует.

Настасья Петровна (*пьяненькая уже*). Не хочу больше пить!

– Не имеешь права отказываться от такого замечательного тоста! – рявкнул старшина и грохнул кулаком по столу так, что рюмки, фужеры и другая посуда жалобно затренькали. – А впрочем ладно, не хочешь, не пей. Нам достанется больше.

Петр Петрович. Выпьем?

Маня. Налейте и мне. Я хочу чокнуться со старшиной. Давайте выпьем, старшина?

Старшина Алексеев. Давай. От выпивки не откажусь. Всегда готов, как юный пионер, дрынды-бурынды! Если здесь собрались одни хорошие люди, то почему с ними не выпить? Самоубийца тоже хороший человек. Лежит себе, не рыпается.

Старшина сгреб со стола бутылку, крутанул, и одним махом опрокинул в себя.

Петр Петрович. Мастер, ничего не скажешь. Сразу видно, что практику имеет подходящую. Есть у нас в цехе один монтер, да где там, до старшины ему, как до неба...

Проговорив эти слова скороговорочкой, Петр Петрович налил себе полный стакан, и проглотил содержимое, не моргнув. Буль-буль, забулькало у него в желудке.

Затем Петр Петрович с остервенением набросился на салат. Жрал по-свински, хватал рукой прямо из миски и запихивал в разинутое до ушей хавло. Чавкал на всю квартиру. Майонез стекал на пиджак, на брюки, на пол.

Настасья Петровна сказала, что пятна можно легко вывести, не обязательно отдавать в химчистку.

А Петр Петрович все запихивал, все запихивал еду к себе в нутро. Любопытно, где она у него там помещалась?

Петр Петрович не успокоился пока не сожрал не только салат, но и тамбовский окорок, и остатки судака вместе с головой и костями.

Картина складывалась жутковатая. Из глубины брюха Петра Петровича доносились какие-то глухие звуки. Если прислушаться, можно было разобрать, хоть и с трудом, что Петр Петрович хихикал собственным животом.

Все притихли.

Настасья Петровна еще ближе прижалась к Петру Петровичу. Он отпихивал ее локтем. Отпихивал и чавкал одновременно. Настасья Петровна нимало не обращала на это внимания.

Потом принялась что-то нашептывать, как в начале. И все ловила его руку и полу пиджака. Слова, которые она произносила, разобрать было невозможно. Только один Петр Петрович, так во всяком случае казалось, понимал их неуловимое значение.

Старшину, однако, такая картина не смутила. Он пододвинулся к Ирине, и попытался облапить за задницу.

– Не лапай, дубина, руки сначала помой!

– Можно я рядом с вами посижу? – спросила Маня у Автора.

Автор. Буду рад.

Маня. Можно я сниму кофточку?

Автор. Как хотите.

Маня. А вам будет приятно?

Автор. Понимаете, милая девушка, я уже пытался объяснить, что меня тут нет. Я сижу дома в своей норе. И пишу этот роман.

Маня. Обманываете. Меня все обманывают. Вы такой симпатичный. Перед вами я не постесняюсь и совсем раздеться. Вы мне сразу понравились. Люблю симпатичных чуваков.

Неожиданно Маня побледнела. И запричитала на всю квартиру: Ооо! Ааа! Мама!

Что случилось?

Из соседней комнаты прибежала полураздетые Настасья Петровна и Петр Петрович. Последний поддерживал спадающие брюки дрожащей рукой. Оба они как-то незаметно уединились. Происходило это так: с одной стороны они как бы находились тут, а с другой там; с одной стороны сидели

чинно среди гостей, а с другой в той комнате занимались какими-то непотребными делами.

Пыхтели

Сопели

Ёрзали

Кровать под ними скрипела, как больная.

– Что с вами? Может, я вас чем-то обидел? – спросил Автор.

– Нет, – прошептала перепуганная Маня, – вы меня не обидели.

Старшина Алексеев. Что произошло тут?

Маня. Он на меня посмотрел.

– Кто?

– Он!

– Кто он?

– Самоубийца, Николай Сергеич.

Старшина Алексеев. Дура!

Ирина. Оставьте ее в покое. Бедная Маня, как ты меня напугала.

Петр Петрович. Как же он мог посмотреть, если он мертв?

Маня. Посмотрел.

Старшина Алексеев. Психопатка!

Маня. Я не могу больше здесь оставаться. Я боюсь. Я пойду домой.

– Проводите меня, – обратилась она к Автору. – Я одна не могу. От всего этого можно умереть.

Автор. Маня, послушайте, уверяю, вам показалось. Успокойтесь, прошу вас!

Петр Петрович. Иногда такое может показаться, что и во сне не привидится. Сначала примешь за правду, а потом смотришь, чушь!

Сейчас я вам расскажу один случай, как человеку показалось, и что из этого вышло.

Взял этот человек и помер. От страха у него произошел сердечный разрыв.

Поспорил этот человек с другим, что пойдет ночью на кладбище и просидит там до утра.

Сказано, сделано.

Пошел в двенадцать. Назад не вернулся. Как рассвело, нашли мертвым на одной из могил. Зацепился за гвоздь или за острый угол оградки. Подумал, что покойник схватил. И кранты, поминай, как звали. Показаться может всякое. Живем не в дремучие времена, а в 20 веке.

Автор. Успокойтесь Маня, выпейте воды. И все пройдет.

– А вдруг правда, – сказала Ирина.

Старшина Алексеев. Пока я жив, вам нечего опасаться. Если встанет, врежу ему промеж рогов. Пикнуть не успеет. Покойник, не покойник, мне все равно. А этот *(старшина ткнул в сторону Петра Петровича пальцем, здоровенным, как палка)* все врет. Я этот анекдот слышал раз двадцать. А он, видите ли, выдает за правду.

– Быдло!

– Барбос!

– Мурло!

Петр Петрович. Я не вру. Мне один приятель, который на похоронах был и на поминках гулял, рассказывал. На поминках, когда все перепились, тоже драка произошла. Одному молодцу колом проломили голову. Он тоже помер.

Парень, который со страха окочурился, молодой, а которому голову проломили, лет пятьдесят пять. Двое детей осталось. А ты, верблюд, человеку не веришь.

Настасья Петровна схватила Петра Петровича за руку и потянула в другую комнату:

– Пойдем, пойдем, миленький, я тебе не всю историю досказала.

Петр Петрович вырвался. Оттолкнул решительно Настасью Петровну. Смахнул рукавом со стола тарелку. Тарелка – дзынь! Не разбилась. Покатилась в угол.

Затем подскочил к старшине и – бац в ухо!

Произошло все в одно мгновенье. Никто не успел помешать.

– Это я вру, дрянь поганая, храпоидол, тунеядец! – вопил Петр Петрович.

Старшина Алексеев даже не повел бровью. Размахнулся и двинул Петра Петровича в рожу, как кирпичом огрел.

Петр Петрович с копыт и на пол.

Лежит.

– Вот тебе, чтобы другой раз не лез. Не люблю подобных шуток. Разных драк. Иногда приходится обороняться. Лезут всякие, не соразмерив силы. Мне что, я такого, как муху, ладонью прихлопну. И не пикнет. Если бы я ему со всей силой приложил, он бы, дрынды-бурынды, пикнуть не успел, как на том свете оказался. А я его легонько. Со знанием дела. Вот сейчас поднимется. При моей силе, если без разбора, то можно сразу человека ухлопать. Отвечать я за него не буду. А человека жаль, не таракан ведь.

Автор. Старшина, прошу вас, оставьте его. Драка у меня не предусмотрена. Надоело. Я пытаюсь создать уникальное произведение. Вы ломаете мой план.

Старшина Алексеев. Плевал я на твой план, если уж на то пошло. Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Он полез первый. Что ж вы мне прикажете, молиться

на него? Я сам мордобоев не терплю. А он у меня попрыгает. Дам по мозгам!

Тем временем Петр Петрович, как и предполагал старшина, поднялся на ноги, схватил со стола нож и ринулся на старшину.

Петр Петрович находился в крайне невменяемом состоянии. Глаза выпучены, как у вареного рака, щеки растопырились. Нос еще больше выдался вперед. Маня закрыла глаза ладонями, чтобы не видеть этого кошмара. Ирина забилась в угол, и что-то шептала неразборчивое посиневшими губами. Даже самоубийца приоткрыл один глаз. Но в суматохе этого никто не заметил.

В этот напряженный момент один старшина оставался невозмутимым. Он стоял, как монумент на Маяковского и спокойно улыбался.

Удар!

Старшина еле уловимым движением увернулся от ножа. И въехал нападавшему в переносицу.

Бряк!

Петр Петрович на полу.

Не шевелится.

Настасья Петровна схватила миску с остатками салата и надела на голову старшине.

Последний уныло матюгнулся. И пошел пошатываясь бродить по комнате.

Тем временем Маня и Ирина, опомнившись от шока, подступили к Настасье Петровне.

– Бей ее, мерзавку!

Маня вцепилась в волосы Настасьи Петровны и дергает их в разные стороны.

– Я не виновата, не бейте меня. Бейте Петра Петровича, он всему заводила!

– Не будешь под дверью подслушивать, когда к нам приходят молодые люди!

Петр Петрович пришел в себя и отнесся положительно к тому, что молодые женщины бьют Настасью Петровну. И более того, сам, очухавшись, пнул кулаком в бок, когда она попыталась спрятаться за его спину.

– Шеромыжница, – буркнул Петр Петрович.

– Я не шеромыжница, я мимахурыжница!

– А я говорю, что речь Вествежики, как правило, приводит к старамуре.

Скинув, наконец, с головы миску, старшина не ограничился словесами, а заехал Настасье Петровне сапогом в живот.

– Вот, чтобы не лезла в чужие дела!

Настасья Петровна ёкнула и осела на пол, а потом встала на четвереньки и поползла под стол.

Настасья Петровна. Убили! Совсем убили! Смерть пришла! Ироды! Караул! Родненькие, родные, родимые! Спасите! Не допустите! Кишки в нутре перевернулись. О-го-го! А-га-га!

Старшина Алексеев. Цыц, стерва! Хватит выть! Добавлю!

Настасья Петровна. Грубый человек. Песенку не дает допеть про горе злосчастное. Животное!

Старшина. Куда этот гад подевался?

Все. Какой гад?

Старшина. Эта небритая сука с римским носом. Он у меня на Луну забрешет, дрынды-бурынды!

Маня. Вы говорите про Петра Петровича?

– Про него. Про кого же еще. Куда он, сученок, подевался? Выходи добровольно. Найду. Будет хуже!.. Ух, я его поднесу, пронесу, занесу, отнесу!

Старшина внушительно помахал волосатым, как у гориллы, кулачищем.

– Живо разыскать!

После этой внушительной тирады его качнуло вбок. Но на ногах удержался.

Хотел ухватиться за угол стола, но поймал конец скатерти... Рюмки, тарелки, фужеры полетели на паркет.

Ирина. Хорошо, что подала старую посуду. Стекло, а не хрусталь.

Старшина Алексеев. Я и «Хельгу» разнесу, дрынды-бурынды!

Маня. Зачем вы к нам пристали? Мы вам не делали зла. Обходились вежливо...

Старшина Алексеев. Найдите мне этого гада! Я хочу поговорить с ним по душам!

Маня. Может, он ушел?

Настасья Петровна (*из-под стола*). Не ушел, не ушел, тут он!

Старшина Алексеев. И я говорю, что не ушел. Не мог уйти. Не полагается. Пока следователь не пришел, все должны сидеть тихо.

Гад оказался в ванной комнате. Забрался в бак с бельем и дрожал мелкой дрожью. Если бы не Маня, его бы не нашли.

Старшина Алексеев обшарил всю квартиру. В холодильник, на всякий случай заглянул.

Старшина Алексеев. Он что, невидимка что ли?

Ирина сказала, что замок у нее с секретом, что открыть его может только она, следовательно, Петр Петрович находится в квартире. Только где, она не знает. Он ведь не муха, в форточку вылететь не мог?

Старшина Алексеев сказал, что этот тип способен на все. Что он не только в форточку, но и в дверную щель проползет. Мог же он с Настасьей Петровной находиться сразу в двух комнатах?

Настасья Петровна. Мы ничем плохим не занимались!

Старшина. Заткнись!

Обшарили еще раз всю квартиру. Сломали дверцу у шкафа. Разбили (не ценную) вазу.

Но вот Маня заметила, что белье в бельевом баке шевелится. Она вскрикнула от испуга.

– Что там? – поинтересовался старшина Алексеев.

Маня. Там шевелится белье.

– Где?

– В баке!

– Вот он куда забрался. Сейчас мы его за ушко, да на солнышко!

Произнеся эти слова не злобно, а как бы разговаривая со знакомым на улице, старшина сдернул простыню с бака.

Взорам публики предстал желтый, как пергамент, Петр Петрович. Он сидел, до невозможных пределов скорчившись, втянув голову в шею и клацая зубами.

– Раза два мимо проходил, – резюмировал старшина, – все клац да клац, думал, вода капает из крана. Я это он, мерзопакостник.

Петр Петрович. Не трожьте меня. На работу нужно утром. Я специалист. Без моей помощи производство встанет в цеху. Мне руки и ноги нужны не для праздных занятий.

Старшина Алексеев. Балда! Руки и ноги я тебе ломать не собираюсь. Пачку твою немного попорчу, римский нос сверну на один бок. Поколочу со знанием дела, можешь не сомневаться, дорогой.

Петр Петрович. Не нужно со знанием, мне от этого не легче. А если в глаз попадешь, тогда как?
Старшина Алексеев. Можешь не волноваться, глаз будет цел.
Петр Петрович. Могу помереть!
Старшина Алексеев. После моей обработки еще ни один человек не окочурился.

Петр Петрович не сдавался:

– Заболею!

– Бюллетень дадут.

– Как только такой крупный мужчина мог поместиться в баке с бельем, ума не приложу? – сказала Ирина.

– От страха и не в такой бак залезешь, – ответил старшина.

– Трус обладает способностью уменьшаться в размере. Трус от страха пролезет сквозь игольное ушко, а тут целый бак!

Автор. Как вам, старшина, не стыдно, посмотрите, что вы сделали с человеком? Я буду жаловаться вашему министру. Я этого так не оставлю!

Старшина Алексеев. А если бы он мне брюхо распорол, кому бы вы стали жаловаться?

За одно то, что он на меня бросился с ножом, ему свободно петушка влепят. Подумаешь, губу ему рассек, фонарь поставил под глазом. Все это заживет через пару дней. За то, что я не составляю акт, он меня завтра первый будет благодарить. Если бы я его подвел под суд, тогда можно обижаться. Так что, товарищ Автор, можете жаловаться, сколько вам влезет. Только предупреждаю, что эта скотина первая откажется, что я его бил. Скажет, что упал, стукнулся об угол дома. Напишете министру? Пишите! Только учтите, что жалоба ваша будет не в пользу этому хмырю, а во вред. Начнется следствие. Впрочем, вашу жалобу разбирать

не станут. Я нахожусь на службе, на которой случилось ч.п., нападение на пост.

Вот послушайте.

Пришел однажды в наше отделение с жалобой писатель Судаков. Книжечки пишет для детишек. Избили его, видите ли, милиционеры при жене. Ничего писатель не добился, пьян был, когда били. Вот и все. Его же первого штрафанули за нарушение общественного порядка, чтобы с жалобами не лез. Меня в это время не было на дежурстве. Я бы дело замял. Я ему так потом и говорил:

– Никогда на милицию не жалуйся. Бесполезное это занятие. Только время зря потеряешь, да штраф вдогонку схлопочешь!

Я – прав, а он нет!

Вот и теперь моя совесть чиста. Я поступил по справедливости. Пост, на котором я теперь дежурю, охраняя самоубийцу, место неприкосновенное. С ножом он бросился, а не я! Вот в чем загвоздка. Этого, надеюсь, и вы отрицать не станете? Что я ему поддал, от этого не отрекусь. Я не дурак, чтобы человека бить без разбора. Маню вот или Ирину я бить не стал. А этому раздокажу, покажу!

Старшина схватил Петра Петровича за шиворот, выволок из бака, и потащил в комнату, как половую тряпку.

– Помогите! Настасья Петровна, позовите соседей! – выл Петр Петрович. А на лице его отражалась полная безнадега.

Настасья Петровна. Ты не больно помогал, когда меня избивали две эти мерзавки, когда он меня в живот пхнул. Теперь просит: помогите ему. Мужчина называется, постоять не может за себя. Прежде хвастался римским носом, на патриция похож. Раз похож, значит сам и защищайся.

Автор. Оставьте, старшина, прошу вас.

Старшина в ответ врезал Петру Петровичу хорошего леща, а потом добавил сапогом под зад.

Но тут произошло нечто странное. Петр Петрович, доведенный до крайности, весь трясущийся, бросился к старшине с такой стремительностью, что тот не успел защититься, и вцепился ему в палец зубами.

Старшина буквально остолбенел. Стоит, только губами про себя шевелит.

Когда оторопь прошла, старшина крутанул напавшего за нос, стукнул по затылку.

Казалось, что Петр Петрович потерял способность ощущать боль. И она не вызывала у него того неприятного ощущения, которое люди испытывают в подобной ситуации, а скорее ему нравилось, что с ним так обходятся.

– Отпусти, – сказал старшина Алексеев. – По-хорошему отпусти!

Но Петр Петрович не думал отпускать палец, напротив, все сильней и сильней стискивал челюсти.

По ладони старшины тонкой струйкой потекла кровь:

Кап,

Кап,

Кап.

В наступившей тишине это кап-кап было отчетливо слышно. Казалось, что в соседней комнате тикают часы.

Ирина и Маня недоуменно смотрели на эту картину, необычную по своей звериной сущности.

– Отпусти, гад, по-хорошему отпусти. Инвалидом сделаю на всю оставшуюся жизнь.

Петр Петрович стоял на коленях. В глазах светилось успокоение и радость.

И он смотрел на старшину по-собачьи преданными глазами.

«Зачем я вам нужен, – думал он, – мне и так хорошо, оставьте все, как есть».

Руки старшины Алексеева он не отпускал, и, казалось, не собирался отпускать. Казалось, что он мог простоять вот так до второго пришествия. И нет силы на свете, способной сдвинуть его с места.

Так они и стояли перед онемевшими зрителями.

И смотрели друг на друга.

Один преданно (*Петр Петрович*),

Другой грозно (*старшина*).

Автор. Говорил, не послушали.

Старшина Алексеев. Да иди ты знаешь куда? Не твое дело.

Настасья Петровна. Пусть он его сапогом, как меня. До сих пор в животе что-то болит, ягодицу щемит.

Старшина Алексеев, хмель с которого как рукой сняло, двинул Петра Петровича, как советовали, и не в живот, а в челюсть. Но Петр Петрович даже не шелохнулся. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Старшина повторил удар, но и это не помогло.

Простояв в таком положении одну минуту, старшина рывком, как штангу, поднял Петра Петровича над головой и начал раскручивать, хохоча.

– Попался, гад? Сейчас посмотрим, чья возьмет!

Центробежная сила, наконец, оторвала Петра Петровича от старшины.

Отлетев на порядочное расстояние, Петр Петрович врезался головой в «Хельгу».

– Моя горка! – воскликнула Ирина.

– Дзынь! – отозвалась горка.

Старшина умолк. Автор умолк. Петр Петрович умолк. Настасья Петровна умолкла. Ирина умолкла. Маня всегда делает то же, что Ирина.

Тягостное молчанье заполнило квартиру.

Выручили Рика Бузевич и Лилианна Колбасилова.

Влетели в квартиру и зачирикали, как пташки.

Лилианна кругленькая. Коленки кругленькие, грудки кругленькие, животик кругленький, щечки кругленькие, носик кругленький, губки кругленькие, глазки тож.

Рика Бузевич: коленки острые, живот острый, про груди говорить нечего, глаза колючи, как колючки у ежа, и только задница круглая и большая.

Лилианна. Привет, старухи! Иду, дай, думаю, загляну к Самотуровой. А тут полно. Что за рожи? Где Самотурова? На кухне валяется в дугу? Этого знаю (*указывает на самоубийцу*), спит? Где-то я его встречала? Нет, теперь не вспомню. Кажется он прошлой ночью?.. Да нет, тот с бородой.

Рика. И с усами.

Настасья Петровна. Тише, видите, покойник в доме. Совсем посходили с ума!

Лилианна. Где покойник?

Настасья Петровна. Перед тобой, на диване, ослепла?

Лиллианна. Ха-ха, рассмешила, сама ослепла, он же спит. Сейчас разбужу.

Старшина Алексеев. Не подходи!

Лилианна. Это что за тип? Ладно, пусть спит. Проспится, сам проснется. Где же Самотурова?

Ирина. Самотурова теперь тут не живет. Переехала на другую квартиру. Мы с ней поменялись. Она теперь возле Моссовета. Могу дать адрес. Это тут рядом.

Лилианна. Старуха, не важно. Обезьянку не видели?
Ирина. Какую обезьянку?
Лилианна. Обыкновенную. Маленькая такая обезьянка. Привязана к клетке, а в клетке попугай.
Рика. Сейчас я вас всех убью. Напильников утонул. Вот хохма. Живот можно надорвать.
Автор. Как утонул?
Рика. Очень просто. Пошел вчера в два часа дня купаться в бассейн «Москва» и утонул.
Автор. Уверяю, я его вчера как раз в это время видел в издательстве «Молодая гвардия», не мог он утонуть!
Рика. Что за человек. Ему говоришь одно, а он другое, не понимает простых вещей. Сначала он мог быть в издательстве, а потом утонул!
Автор. А вы говорили...
Рика. Пошел в жопу! Мне одна знакомая рассказывала. Она видела, как Напильникова хоронили.
Автор. Так сразу?
Рика. Жена в срочном порядке разослала всем родственникам телеграммы, чтобы приезжали.
Маня. Кто такой Напильников?
Автор. Критик. Странные на свете творятся истории.
Самоубийца. Я знал Напильникова.
Лилианна. Ну что я вам говорила, старухи. Эй, старик. Опять уснул.
Ирина. А этот критик симпатичный из себя?
Маня. Какой же симпатичный, если у него жена.
Рика. В этом бассейне, который построили на месте храма, происходят всякие невероятные вещи. Плавают под водой вредители, сектанты. Хватают зазевавшихся купальщиков за ноги и топят. Напильникова тоже они утопили.

Ирина. Кто-то стучится в дверь. Не знают, что я поставила звонок. У Самотуровой не было звонка. Я, как приехала, сразу поставила. Те, которые приходят к Самотуровой, обязательно стучат в дверь.
Петр Петрович. Опять тарабанят.
Ирина. Кто там?
За дверью. Я. Открывай, своих не узнаешь?
Ирина. Что вам нужно?

В комнату вваливается подвыпивший Напильников. Из кармана пальто выглядывает горлышко бутылки. Посреди комнаты он останавливается, обводит присутствующих непонимающим взглядом, который увидел то, чего увидеть не ожидал.

Напильников. Куда это я попал? Сколько народа. Хотел заглянуть к Самотуровой на огонек.
Рика. Самотурова теперь тут больше не живет.
Напильников. Привет, Лилианна, привет, Рика! Вы как сюда попали?
Лилианна. Так же, как и ты.
Рика. Привет, старик. Мы только что толковали о твоей статье в Литературке. Статья – класс. Забавно. За-ба-бавно. Трам-бам, трам-бам-бам!
Напильников. Ты не ошиблась? Утром просматривал газету, но статьи своей там не обнаружил. Да и откуда она возьмется, если я им ничего не давал. Полаялся с этим барбосом Скотниковым.
Рика. Ослеп. На 18 странице.
Напильников. Ты что, сбрендила, там же всего 16 страниц.
Рика. Пошел на хуй! Если не в этой, значит в другой! Говорю, что я с этим человеком не знакома. Иду по Арбату, а он

летит на воздушном шаре. Кричу: привет, старик. А он мне кричит, что в Адлер летит.
Лилианна. Где моя обезьянка?
Рика. Какая обезьянка?
Лилианна. У меня пропала обезьянка.
Рика. Заткнись с обезьянкой. Послушай, что я тебе расскажу. Ууу!

Чешу позавчера по «Бродвею». А навстречу, да ты его знаешь...

Лилианна. Мне нужно обезьянку разыскать. Где моя обезьянка?
Рика. Какая обезьянка?
Лилианна. Настоящая. Один чувак оставил. Что я ему теперь скажу?
Рика. Пошли его к ебени Фени!
Лилианна. Так и сделаю.
Рика. Таких типов нужно вышибать из дома с помпой!
Лилианна. Недавно одного вышибла. Ты его знаешь. Баковский. Так он на другой день приперся с приятелем.
Напильников. Кто произнес фамилию Баковский? Я у него сегодня был в мастерской. Пили. Пришли девочки. Одна ничего.
Лилианна. Баковский самое последнее дерьмо, прибедняется. Придешь к нему, начинает ныть:
– Старуха, сахару нет, хлеб только черный. Пей чай. Хлеб можешь посыпать солью.

Пиздюк! У самого губы жирные. Утку жрал.

Ирина. В одном хорошем доме я слыхала, как говорили о Баковском.
Лилианна. Давай, Рика, смываться. Этот спит (*жест в направлении самоубийцы*), а остальные стукачи.

Рика. То-то я смотрю, один все пишет, пишет.
Лилианна. Донос пишет!
Самоубийца. Это Автор. Он собирает материал для романа «Кошки Мышки».
Лилианна. И его я где-то встречала.
Самоубийца. У Сисиновских. Он туда частенько заглядывает.
Лилианна. Точно, у Сисиновских.
Ирина. Лилианна, как я рада, вы знакомы с Сисиновскими! Всю жизнь мечтаю с ними познакомиться.
Рика. Видишь, что я тебе говорила, еще одна стукачка, выспрашивает про Сисиновских.
Лилианна. Они все сначала выспрашивают, а потом начинают стучать.
Петр Петрович. Где стучат?
Старшина Алексеев. Может, в дверь стучат?
Ирина. Поставили звонок. Теперь не нужно стучать.
Рика. К Сисиновским не пускают стукачей!
Лилианна. Может, Баковский украл обезьянку, а она у него подохла?
Рика. Он жену голодом морит. Бедная женщина.
Лилианна. Говорю тебе, Баковский стукач. Одна знакомая видела, как он «туда» заходил, а потом «оттуда» вышел. Что ему «там» делать, как не стучать.
Рика. Один мой знакомый тоже на меня настучал.
Лилианна. У меня первый муж был стукач. Все время на меня стучал.
Рика. Что ты думаешь о Задермане?
Лилианна. Стукач.
– Что ты думает о Таратайкине?
Лилианна. Стукач.

– Что ты думаешь о Драгушевском?
Лилианна. Первый стукач.
– А Чурилин?
Лилианна. Одна знакомая с ним две недели спала, так он на нее каждый день стучал.
Рика. Твоя знакомая с ним две недели?..
Лилианна. А что?
Рика. Ничего.
Лилианна. Не будем по пустякам.
Рика. Не будем.
Лилианна. Я тебе еще хохму расскажу, не слыхала?
Рика. А что?
Лилианна. Кубышкина знаешь?
Рика. Педика?
– Старуха, слушай: приходит Кубышкин в ГУМ. Решил купить галстук. Смотрит, продавщица из посудного подмигивает. Подумал, кадрится, сучка. А она ему: «галстучек не хотите приобрести?» Он ей: «Вы откуда знаете?» – «Мы все знаем, опрос, запрос, спрос, перенос». – «Интересно». – «Ничего интересного. Держите вот».

Сует продавщица (не перебивай) сверток Кубышкину, перевязанный голубой ленточкой.

Кубышкин так, Кубышкин сяк (дай договорить), отдел ведь посудный. Сверток, однако, взял.

Пришел домой. А в нем ночная шелковая рубашка. Ну и ну. Что с ней делать? (Напильников, не лезь под юбку, паразит.) Вспомнил, у Извевской день рождения (убери руку). Знаешь, старуха, Извевскую?
Рика. Кто в Москве не знает Извевскую.
Лилианна. Подарю, думает, Извевской (отстань, Напильников). Я тоже на этом дне рождения...

Рика. Ты была у Извевской?
Лилианна. Была.
Рика. Не ври.
Лиланна. Не вру.
Ирина. Рика, вы знаете Извевскую. Всю жизнь мечтаю с ней познакомиться.
Лилианна. Конец у этой истории такой. Отдал Кубышкин подарок. Извевская побежала в ванную, чтобы примерить, гостям показать. Тут... Не могу... Ха... Клянусь... Только она вышла к гостям, а рубашка у всех на глазах снова превратилась в галстук (Напильников, сука, руку обоссу), стоит она голенькая.
Рика. Мне Извевская сама рассказывала эту историю.
Лилианна. Тебе?
Рика. Мне.
Ирина. Как это все красиво.
Рика Бузевич. А теперь я тоже расскажу одну хохму...
Лилианна Колбасилова. Прости, старуха, времени нет. Побегу разыскивать обезьянку. Обезьянка к клетке привязана, а в клетке попугай.
Рика Бузевич. Влипла ты, старуха, в историю.
Лилианна Колбасилова. Придется заявить в милицию.
Рика Бузевич. Не советую. Начнут придираться, где взяла обезьянку.
Лилианна Колбасилова. Старуха, ты права.

Автор. Иду на днях по ул. Пушкина. Впереди двое. Как-то незаметно для себя начал прислушиваться, о чем толкует народ. Неприлично подслушивать чужие разговоры.

В этом случае в подслушивании не было никакой необходимости. Орали эти двое на всю улицу.

Слова, при помощи которых они обменивались информацией, сплошь состояли из ненормативной лексики. Если эти нецензурные слова убрать из текста, то от него ничего не останется. Если оставить, и текст каким-то чудом появится в печати, то благонамеренный читатель запротестует. И посыпятся жалобы: и на автора, и на издателя, и на министерство печати, и, если хотите, на Президента.

Чтобы все было о-кей, сделаю я вот что, заменю матерные слова другими, более удобоваримыми.

Вот текст:

Да, гля... туй ей в мот, гля... Иди к дребени татери, гля. А он, гля, раз, гля, два, гля. Гля, тука, гля, раздерванка, гля, рандебошка, гля... Я, гля, она, гля, допа, гля, мот ей в тот, туй ей жуй, гля, гля, буй, для гля, ванаврот, бутервжот, траморвот, идиот под капот.

Конца истории не дослушал. Они свернули в Столешников. А я пошел дальше.

Однако долго еще до меня доносилось: тука, гля, рандебошка, гля, раз, гля, два, гля.

Весьма сожалею, что наша отечественная литература не дожила еще до того дня, когда из рукописей перестанут вымарывать нецензурную лексику, поскольку в жизни общества она давно уже стала нормой разговорного языка.

Теперь же, уважаемый читатель, говорю с полной ответственностью, что и эти зашифрованные слова редактор в печать не пропустит. Попросит убрать от греха подальше.

И будет прав. У редактора тьма инструкций: что можно, а что нельзя.

О себе скажу, что я первый читать текст с такими шифровками не стану.

Стремление современной литературы к лаконизму я не одобряю. Для компьютера может быть такой лаконизм подходит. А для меня нет. Мне, как и Настасье Петровне, с книжечкой хочется на диванчике полежать. В метро, держась одной рукой за поручень, а другой за книгу, я читать не хочу. Я хочу смаковать содержание, как изысканное восточное блюдо.

А какое наслаждение, скажите, если вся книга состоит из нескольких десятков слов, а то и вовсе из двух точек и из двух тире?

Я хочу, чтобы слова в книге сверкали и переливались всеми гранями, всеми звуками и красками. Чтобы от них не несло машинным маслом. Чтобы сюжет из одной стороны в другую перекатывался, как колобок. Чтобы в словах слышался шепот моря, звон ручья. Я хочу, чтобы слова сыпались на меня небесной манной. Вот чего я хочу.

Как только человечество дойдет до двух точек и тире, так с перепуга опять вернется в стародавние времена, к Диккенсу, Бальзаку, Толстому.

У прежних, у эллинов, к примеру, как все звучало: «Профундус, тотомус, мотатус».

Теперь скрипы и сипы. Не язык, а соприкосновение железа с железом, режет уши этот скрежет.

Я и свой текст критикую. И на него современность наложила лапу. Вот и с сюжетом у меня нелады. Да и слова частенько похрамывают.

Понятно, что сипы и скрипы в современной литературе не из пустого взялись.

Прежде писатели и поэты свои произведения писали на восковых дощечках специальными заостренными палочками, стило. У них и получалось мелодично.

Пишет древний поэт гекзаметры или канцоны, а за окном шумят оливковые рощи, волны морские набегают на крутые скалы и рассыпаются на глазах у поэта серебристым веером во все стороны. Птицы с дерева на дерево, с ветки на ветку перескакивают. Из соседнего дома раздаются звуки кифары.

Теперь трамваи и грузовики и днем, и ночью с треском грохочут под окном.

Писать мелодично под это круглосуточное громыхание совершенно невозможно.

Соседи на кухне вот уже битых два часа, не переставая, лаются, и будут лаяться, пока не охрипнут.

В наше время кругом сплошные диссонансы. Придет приятель. Только приладимся почитать стихи, телефон: дзынь! Мальчишка соседский по коридору на самокате носится, как угорелый. Вместо оливковых деревьев и смокв под окном торчат фабричные трубы, травят воздух невыносимым смрадом.

И всюду толчея, толчея, толчея.

Лет через двести опять начнут писать гусиными перьями, одумаются, телефоны поснимают, фабричные трубы позатыкают, чтобы не дымили.

Тогда с новой силой зазвучит наш родной, неповторимый русский язык.

На две точки и на два тире я не покушаюсь. Мне поздно уже перестраиваться на новый лад.

Но допускать эти точки и тире я допускаю. И не только допускаю, но и считаю, что люди, которые выдвигают новые проблемы, правы.

Теперь об этих точках и тире. Пока писал текст, самому захотелось попробовать, что получится?

Итак. Внимание!

Вот вам новый роман!

Гляжу на эти значки и думаю: а может, есть в этом какая-то сермяжная правда?

Нельзя же пугаться того, чего не понимаешь. А тем более, как мы с вами, и не хотим понимать.

Может быть, в этих неказистых значках заключается все величие человеческого духа, вся бесконечность нашего существования?

Бывало ведь в истории, и не раз, что люди отвергали, сбрасывали со счета и более очевидные вещи, как ненужный хлам.

Свято верю, что настанет время, когда кругозор мысли будет беспределен, безграничен.

Теперь любой пишущий отстукает текст на пишущей машинке – и в редакцию, не удосужившись прочитать, что он там накатал.

Некоторые предполагают, что в самое ближайшее время за нас все будут делать машины: сочинять тексты, печатать.

Скажу напоследок: чем скорее это время наступит, тем скорее пройдет.

Ирина. Если бы у меня не было «мага», как бы свободное время убивать?

Настасья Петровна. Всю ночь напролет заводят свой проклятый магнитофон, невозможно отдыхать.

Ирина. Мы не виноваты, что современные дома строят с такими тонкими стенами.

Критик Напильников:

Позвольте!

Позвольте!

Какой каскад слов выплеснул на нас автор. Какими точками, какими тире он запудривает нам мозги?

Автор спятил.

Нормальный человек не станет нести такой несусветный вздор на полном серьезе.

Петр Петрович. И я про это.

Автор. Возможно, вы правы.

Напильников:

Наша славная литература находится на небывалом подъеме, она чужда модернистским влияниям Запада. Впрочем, я не это хотел сказать.

Сижу дома вчера. Пишу статью для «Молодой гвардии».

Звонок.

Кого это черт несет в такой неподходящий момент?

Открываю.

Язык прирос к гортани.

На пороге участковый капитан.

– Ч... ч... то... ва... ва... вам нааадо?

Капитан оттер меня от двери плечом.

Свинство.

Ноги, разумеется, не вытер...

Сел на стул посреди комнаты. Принялся разглядывать стены. У меня, признаться, среди картин соцреалистического направления висят несколько абстракций.

– Что это у вас за картинки, какие предметы на них изображаются?

Отвечаю:

– Ковер нарисован.

– Так, так, хороший ковер, добротный, – протакал участковый.

– Может, не ковер, а ткань, штапель или ситчик.

– Хороша ткань.

От его сапог растеклась по всей комнате огромная лужа.

Потом участковый не менее часа рассказывал историю, как он на улице поймал шпиона.

Что, думаю, предпринять, статью нужно заканчивать, а он не собирается уходить.

И о цели такого внезапного посещения думал, но так ничего путного не придумал... Скорей всего, прислало начальство:

– Пойди, посмотри, как там этот критик Напильников поживает. Если чего, приструни.

– Есть! Будет сде..!

Прямых вопросов о моем существовании участковый не задавал. Спрашивал, так, мимоходом, для каких журналов пишу статейки, и еще, что, может, какой роман прочитал, о нашей действительной действительности.

Петр Петрович. Их обязанность интересоваться идеологическими делами, статью написать не так просто, можно и споткнуться.

Напильников. Как только пришел этот солдафон, у меня мелькнула идея: выставить его за дверь. Мелькнула и сразу испарилась. Другие мысли, как кадры в кино, замелькали. Сейчас я его выставлю, а что будет потом? Теперь я с ним, можно сказать, живу почти что в мире. Зла он мне особого не делает. Девиц, которые возле крутятся, в околоток не забирает, не преследует... А что будет, если? Так это «если» и повисло в воздухе.

Сижу напротив, и терпеливо выслушиваю историю о поимке шпиона.

– Шпионы всегда в таких случаях (ударение на а) притворяются пьяными. Этот тоже пьяным притворился. Меня не проведешь. Все их повадки знаю. Хватаю сразу за шкирку и в отделение. Там разберутся что почем.

Скорей всего, я преувеличиваю. Капитан ничего плохого не имел в виду. Зашел по душевной простоте, справиться о здоровье, потолковать о погоде. Мне бы нужно сбегать за бутылкой, а я не сообразил.

Сосед Напильникова. Странный человек проживает в нашей квартире. Пишет все время и пишет. Из комнаты показывается редко, на кухне не торчит. С одной стороны хорошо, а с другой – чем он у себя занимается, может, изготавливает бомбу, чтобы бросить в Президента или взорвать дом. Посещением участкового остался недоволен. А я вот что вам скажу: если бы участковый ко мне пожаловал, я бы раздумывать не стал. Раз! Бутылку на стол. Выпили бы с ним. Закусили. И разошлись, как в море корабли.

Старшина Алексеев. Он к Напильникову зашел, как к нарушителю спокойствия!

– Какой я нарушитель. Я благонадежней покойника, законопослушный гражданин. Сосед может подтвердить. Мне за бутылкой надо мчаться в магазин... А у них всегда наготове две-три штуки.

Сосед Напильникова. О критике Напильникове ничего определенного сказать не могу. В гости.к нему не захаживаю. Предлагал один раз распить бутылочку, так он отказался, побрезговал рабочим классом. Щели в дверях затыкает. Замочную скважину тоже. Хотя мне участковый приказывал...

Участковый. Что ты мелешь, тетеря пьяная, осторожней на поворотах. Ничего я тебе не приказывал!

Сосед Напильникова. Сейчас поправлюсь. Мне даже участковый приказывал, чтобы я Напильникову не мешал работать. Соблюдал тишину.

Участковый. Вот теперь правильно говоришь, балда!

Напильников. Обругал я участкового, а для чего? Что-то за последнее время со мной происходит такое, этакое. Недавно в статье я расхвалил на весь белый свет человека, которого главный редактор приказал хорошо лягнуть...

Участковый. Вот он я. Услыхал, что про меня говорят. Некоторые решили меня, капитана милиции, выставить в неприглядном виде. Такие действия являются очень плохими действиями, за которые можно кое-что схлопотать. Суток пятнадцать наверняка. Надеюсь, что ни один человек не поверил подобным неправомерным байкам? Один, кажется, поверил, которому старшина Алексеев хотел свернуть на бок римский нос. Сидит, лыбится. Чего лыбишься? Мало дали?
Старшина Алексеев. Можно добавить, если прикажете.
Участковый. Не прикажу. Видишь, сколько свидетелей.

Иду, понимаешь, после дежурства. Направляюсь домой, чтобы поспать... а потом думаю, дай зайду к литератору Напильникову, покалякаем с ним о литературе.

Видите, какой стороной все это дело обернулось. Что он помыслил о моей особе.

Скажу по секрету, что я сам с недавних пор этим делом балуюсь. Пописываю всякие стишки. Сижу на дежурстве, дел ни-ни, вот и сочиняю. Прибавляю слово к слову, хе-хе, строчку к строчке. Смотрю, как они замечательно организовываются, как из них начинают произрастать разные полезные мысли. Сидишь и думаешь: вот слово, которое само по себе ничего не значит, а прицепишь к нему другие, начинается игра природы.

Подумал в журнал отнести свои творения, но решил прежде посоветоваться с Напильниковым, куда лучше податься, где больше платят.

Как только он на мой участок переехал, я подумал, что он философ, а потом выяснил, что статейки критического содержания строчит в разные журналы.

У меня стихи на этот раз оказались в кармане, чтобы ему прочитать.

Стихи я вам сейчас прочту.

РОССИЯ

Россия весь мир потрясла,
Взлетела в высь континентальная ракета.
Мысль Циолковского воплощена,
И скоро будет завоевана планета.
Мы в Космос движемся в наш век.
Какое нужно дерзновенье,
Чтоб мог создать так человек,
Такое особое ученье.
Летает спутник наш, как свет,
Ведем ночные мы наблюденья.
Быть на планете быстрее всех –
Вот в этом есть наше стремленье.
Мы ракеты создаем
Для покорения пространства.
Летать скорее, выше всех,
Нет способней русского таланта.
В России создан приоритет
В изобретении нами ракет.
Свершая запуск, тут чуда нет,
Летать свободно на планеты.
И мы живем в двадцатый век,
И создаем мы великое творенье,

Чтоб человек крылатее летал,
Неся по миру созданное Россией достиженье...

Вот какие стихи. А он не дал времени прочитать. Все отворачивался, отворачивался, строил разные рожи. Он думал, что меня прислало начальство, чтобы следить. А я без начальства знаю всю его подноготную, чем дышит этот субъект. Давно проверил. Он наивно считает, что я глупее, чем он. А я в своем деле умнее его в сто раз.

На моем участке в подвальном помещении еще один художник проживает. Все малюет, малюет, а картинки на выставку не принимают. Так он ими завесил все стену у себя в мастерской.

Одна мазня.

И вот что еще скажу, не успеет Напильников в статье последнюю строчку написать, а я уже знаю, о чем речь.

Спросите, как?

Отвечу:

Секрет производства!

Заходить мне к нему без надобности. Зашел один раз, вот что вышло. Как только не стыдно вам, товарищ Напильников.

Говорят, теперь писателям за стихи хорошие деньги отваливают. Хоть я со стороны государства человек обеспеченный, но лишние рублики не помешают.

Пришел к нему, а он даже стула не предложил.

Должен сказать, что начальство теперь насчет культуры усиленно нас инструктирует. Каждый день устраиваются совещания и собрания. А окромя проводят персональный инструктаж.

Напильников говорил тут, что я зашел к нему в надежде на угощение. Полная и бесповоротная глупость. Если бы он

обошелся со мной по-человечески, я бы сам выставил бутылку, а то и две, не посчитался бы, что я капитан. Знаю, что у него в кармане сплошная пустыня.

Если бы выпить захотелось, разве бы я к тебе пошел, пустая голова? У меня на участке такие киты проживают, что Напильников не годится им в подметки для ихних ночных тапочек.

Девятиэтажку знаете? Там один директор продмага проживает. А рядом с ним другой.

Директор критику не чета. У тебя холодильника нет, а у них стоят по два ЗИЛа, набитые разной снедью. Один на кухне, другой в комнате, замаскированный под шкаф.

Тебе нужно мчаться за бутылкой, а у них всегда в запасе штук пять. Если появится необходимость, то и ящик прикажут из магазина припереть. Им намекать излишне, сами догадываются.

Милицию в таких домах уважают. А он рожу скорчил. Пришел, ноги не вытер! Говорит красиво, а коврик возле двери не положил. Валяется резиновая дерюга, о которую при всем желании ноги не вытрешь. Я, прежде чем позвонить, о коврик в соседней квартире сапоги потер. Когда сырая погода, как теперь, сколько ноги не вытирай, все равно наследишь. Погода не зависит от милиции.

Стихотворений у меня всяких много. Я на все философские темы откликаюсь. Пока их не печатают, потому что я, как другие, по редакциям не ношусь. Стесняюсь.

Автор. И правильно поступаете. Торопиться не нужно.

Участковый. Кто это такой?

Напильников. Писатель, он пишет про нас роман.

Участковый. Очень приятно. Давно мечтаю познакомиться с настоящим писателем. На моем участке таковых не проживает.

Один человек, бывший офицер нашего ведомства старшина Лыков, который вкалывает в гастрономе рабочим, тоже пишет стихи, как и я. Посылает в журналы. Но пока их там не издают.

У меня есть одно стихотворение, которое, как и у Пушкина, называется поэмой. «М.Ю. Лермонтов и современность». Хорошее название. Я сначала хотел назвать «Погиб поэт невольник чести», а потом передумал.

Напильников не мог разгадать, для чего я к нему пришел. Если бы он мои стишки послушал, то и пользу бы извлек. Сидит он в своей норе, общественной работой не занимается. Отлынивает. Все идут на уборку двора, а он не идет. Дожидается особого приглашения. Сто жалоб жильцы написали. Я эти жалобы под сукно. Теперь жалобы разберу. Напильникова к ответственности привлеку!

Вы все сразу догадались, что я хочу стать писателем. Он не догадался.

Сижу я у директоров. Попиваем водочку. Время коротаем в свое удовольствие. Они меня совсем перестали стесняться. Рассказывают друг другу о своих махинациях. Я на ус мотаю. Делаю вид, что с ними заодно. На всякий случай пригодится. В свое время я им припомню эти разговорчики. За дурака меня держат.

Теперь я вам прочту свою поэму.

Автор. Может, в другой раз?

Старшина Алексеев. Пусть капитан прочтет свое творение. Здесь хозяин я!

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Прошло уж более ста лет
С тех пор, как русский наш поэт
Как человек для нас угас,

Но стих его волнует нас!
Его поэзия зовет
К великим подвигам народ.
Завет его для нас могуч:
Надежды он рождает луч
В сердцах солдат, идущих в бой
За доблесть, честь страны родной.
Он нам победу предсказал,
Тернистый путь к ней указал.
Он завещал, что русский Рим
Грознее будет, и что с ним
Вступать в борьбу опасно.
По истории нам ясно:
Султан и турок, Карл и швед
Навек остались без побед.
И скоро Запад и Восток
Разделят тех народов рок...

Это я прочитал маленький кусочек. Если всю читать, то пройдет часа два времени.

Теперь не знаю, в какой журнал обратиться, кого осчастливить?

Петр Петрович. Волоки в «Новый мир». Там главным редактором служит товарищ Слабовский. Свой, рабочий человек. Сразу тиснет.

Участковый. Как, товарищ старшина, у тебя на посту все в порядке?

– В полном, товарищ капитан, как положено по инструкции. Труп самоубийцы на диване. Никого не подпускаю.

Участковый. Так держать!

– Есть, так держать!

Участковый. Я пошел. В доме напротив кража со взломом. Проторчал там почти всю ночь.

Старшина Алексеев. Что за кража?

Участковый. По почерку Кривой. Опять, сука, объявился!

Старшина Алексеев. Да что ты, мы же недавно его брали?

Участковый. Рванул когти с этапа. Опять от него не жди покоя ни днем, ни ночью.

Старшина Алексеев. Может, на дорожку тяпнешь стаканчик, чтобы жилось веселей?

Участковый. Это можно. Не откажусь.

Старшина налил два стакана. Оба молча выпили, молча вытерли губы: участковый рукавом шинели, старшина рукавом замусоленного кителя.

Напильников. Вы уж на меня не обижайтесь, капитан. Приходите. Посмотрю ваши вирши. Посоветую.

Участковый. Зла не держу. Не имею такой наклонности.

Счастливо оставаться!

Старшина Алексеев. Какое уж тут счастье. Торчи тут возле покойника. Следователь неизвестно когда пожалует. А мне надо в ателье индпошива бежать. Хочу треуголку, как у Наполеона, заказать. Боюсь опоздать.

Участковый. Смотри в оба!

Старшина Алексеев. Ладно.

Петр Петрович. Чего это он приперся?

Старшина Алексеев. Обязанность такая. Проверяет. Хоть я ему не подчиняюсь, а слушаться надо, капитан. Ты думаешь, что он зашел полюбоваться твоим римским носом? Попался бы ты ему под горячую руку, он бы тебе его быстренько переделал в монгольский. Я этого капитана знаю лет пятнадцать. Он только на вид добрый.

В кафе «Националь» с давних пор любила собираться московская интеллектуальная публика: поэты, актеры, художники, и прочий окололитературный, околотеатральный люд. Это было, пожалуй, единственное место, где можно спокойно посидеть, выпить рюмку-другую чего-нибудь горячительного, чашку кофе, узнать, что происходит в московском художественном мире, послушать очередную сплетню.

Николай Сергеич зашел в этот вечер сюда не один, а с Поэтом – человеком в Москве весьма популярным.

С ними девушка по имени Клара. Некое не слишком приметное существо, похожее на воробушка.

В сравнении и с Николаем Сергеичем, и с Поэтом девушка казалась сущим подростком. Видимо она чувствовала всю никчемность своего положения, но не хватало сил встать и уйти от этих симпатичных людей.

Рядом с другими Клара, скорей всего, не выглядела такой никчемушной, малозаметной и робкой.

Со всех сторон на Клару смотрели десятки любопытных глаз, ощупывали с ног до головы. Каждый при этом задавал себе вопрос: «Где они ее подцепили, разве можно с такой дешевкой тащиться в порядочное заведение? Если приспичило, веди домой, чтобы не отсвечивать среди благородной публики».

Николай Сергеич, как бы вопреки этим недалеким снобам, был с Кларой подчеркнуто вежлив, предупредителен, оказывал знаки внимания, как лучшему другу.

Сидела Клара с этими загадочными мужчинами и целый вечер молчала. И даже когда выпила пару рюмок вина, не разговорилась. Слушала, однако, что говорили другие, внимательно. Но, казалось, не понимала ни слова. И голову она наклоняла к одному плечу, как воробушек, и прическу поправляла и приглаживала, как перышки.

И только потом неожиданно разговорилась. Быстро-быстро начала рассказывать историю жизни, опасаясь, что ее перебьют, не дадут договорить до конца, а может, и прогонят. Очень она стеснялась этих значительных людей, принадлежащих к другому, непонятному для нее миру.

Оказалось, что Клара была прежде гимнасткой. Но упала с брусьев и сломала руку. Тренер, со слов Клары, возлагал на нее большие надежды. Прочил в чемпионы. Когда выяснилось окончательно, что тренироваться она больше не сможет, тренер предложил ей руку и сердце. И они поженились, хотя он был значительно старше. В то время шел ему шестидесятый год. А ей едва исполнилось семнадцать.

Прежде тренер числился среди знаменитостей спортивного мира, имя его гремело по всему союзу, ставил мировые рекорды.

Потом по возрасту вышел на тренерскую работу.

Прожили вместе три года. Любила его Клара беззаветно. На других не обращала внимания, хотя поклонников (ее слова) было предостаточно.

Детей, к великому счастью, не завели. Тренер не хотел сам.

Что бы она теперь делала с ребенком одна в этом неприветливом мире.

В то время ей очень хотелось иметь сына. Плакала по ночам. Ходила к гадалке.

Теперь она забыла его. Совершенно забыла. Так забыла, вроде его и не было совсем в ее жизни. Исчезла память о нем безвозвратно.

Она же завертелась, как белка в колесе.

Прежде как убивалась, как ревновала, как любила этого человека. Думала, что одного дня не сможет прожить без него.

Все ложь!

Все обошлось!

И мир цел, и она цела.

Умер тренер внезапно. Инфаркт или инсульт. Клара теперь уже хорошо не помнит, что тогда произошло. Металась, как сумасшедшая.

Здоровье тренер потерял на работе. Прежде, когда ходил в чемпионах, самому приходилось усиленно тренироваться, чтобы не растерять спортивную форму.

Сложная, изнурительная обязанность быть чемпионом: строгий режим, непосильная ежедневная тренировка, огромная перегрузка на весь организм.

Годам к тридцати у любого спортсмена начинает потихоньку сдавать сердце.

Тренер отличался здоровьем отменным. Поэтому и прожил до шестидесяти трех лет. Другие умирают значительно раньше.

Тренерская работа тоже не из легких. Нужно крепко трудиться, чтобы быть на хорошем счету в спортивной федерации.

Силен он был даже в свои годы, как Геркулес: могучая фигура, чугунные мышцы. И только сердце, эта коварная маленькая штучка, работала с перебоями.

Николай Сергеич. Печальная история. Очень печальная. Я вас понимаю и сочувствую от всей души.

Поэт. Чепуха. Не слушай этого сентиментального типа. Иди, я тебя поцелую.

Нужно отметить, что Поэт находился уже в порядочном подпитии. Язык у него слегка заплетался. Жесты становились неопределенными.

В это время к ним подсел кто-то из знакомых. И девушка умолкла.

К этим, к Николаю Сергеичу и Поэту она успела уже привыкнуть. Незнакомца испугалась. Подобралась. Выпила рюмку коньяку, которая перед ней стояла. Опустила голову, склонив ее по привычке на один бок.

Подсел знакомый. И тотчас возник спор. Николай Сергеич принялся возражать подсевшему, что с ним случается довольно редко. Принялся высказывать собственные взгляды, что бывало еще реже.

Взгляды эти давно уже устарели. Да и прежде не казались передовыми.

« Многие полагают, что русское искусство традиционно по сути. Если же происходят какие-то сдвиги, то невооруженным взглядом их заметить невозможно. Полагают, если в романе или картине, скажем, нет определенного, четко обозначенного сюжета, последовательного рассказа об изображаемом событии, то можно уверенно считать, что художник или писатель не справился с материалом.

Сюжет в произведении, считают они, необходим. И чем четче и определенней он обозначен, тем выше мастерство творца.

Многие из них думают, что свобода творчества не является осознанной необходимостью. Не возражайте, не возражайте (возражать Николаю Сергеичу никто не собирался), знаю, что вы скажете, милостивые государи, вы скажете, что Толстой Лев Николаевич и Федор Достоевский писали так. А абстрактные произведения непонятны и никому не нужны.

А я скажу, что в конкретном содержании в наше время нет никакой необходимости. Писатели, художники в девятнадцатом веке писали так, как требовала публика.

Теперь у нас мерилом художественности произведения является отношение к нему не потребителя, а начальства.

Выставки устраиваются, печатаются книги в расчете на то же начальство. И не дай Бог, если начальство останется недовольным!

Катастрофа!

Народ не понял, до народа не дошло!

А народ этот на выставки не ходит, книжки не читает. Так что решает все начальство.

И эти ловкачи используют невежество народа для своей своекорыстной пользы».

В этом месте Николай Сергеич неожиданно оборвал свои рассуждения. Возможно, подошла официантка, а возможно заметил, что люди за соседними столиками прислушиваются к его словам.

Что-то помешало ему довести свою довольно бестолковую речь до конца.

Кормили в этом кафе, как и во всех московских кафе, отвратительно. Кофе подавали смахивающее на помои. И хорошо если оно не пахло селедкой или другой гадостью.

Николай Сергеич и Поэт знали эту особенность, и заказывали, по возможности, натуральный продукт: ветчину с хреном, копченую колбасу. Сыр или еще что-то, что и при большом желании испортить трудновато.

Ходили они сюда потому, что, в отличие от других подобных заведений, здесь не играл оркестр.

Но в этот раз и тут появился оркестр. Обстоятельство это удивило и Поэта, и Николая Сергеича.

Грянул оркестр. Затренькали жалобно на столах фужеры и рюмки, видимо, удивленные не менее Николая Сергеича и Поэта.

Да, музыка была. Николай Сергеич и речь оборвал по этой причине.

Как только музыка заиграла, на эстраде показалась певица, не молодая уже женщина, в сильно декольтированном платье, в фальшивых украшениях, с ярким провалом рта.

В былые времена она, по всей вероятности, пела в других, более престижных местах – в опере или в оперетте. Постепенно старея, докатилась до такого вот кафе, забавляя подвыпившую публику.

Остатки былого величия еще проглядывали, как заплаты на ветхом рубище, на этом изможденном временем лице. Чувствовалось, что прежде она блистала элегантностью и красотой.

А теперь?

Да что говорить, что говорить...

Старость всегда угадывается, как бы ни старались хоть на один вечер, на один час скрыть ее под пеплом грима.

Усвойте себе это, красавцы и красавицы.

Пела она, между прочим, на удивление прилично, что большая редкость в подобного рода заведениях.

Она оказалась обладательницей звучного контральто, и владела голосом в совершенстве.

Старость, старость. Как она беспощадна. И особенно к женщинам. За что они так наказаны? Мужчины – другое дело. По словам Клары, ее муж и в шестьдесят лет был настоящим мужчиной, и она любила его.

Не слишком ли мы превозносим красоту женщин, чтобы потом наступило печальное разочарование?

Публика ничего. Она и престарелой львице пишет в антракте записочки любовного содержания. В винном тумане она им кажется необыкновенной и соблазнительной.

Николай Сергеич заскучал. Принялся рассматривать сидящих за соседними столиками.

Рядом случайные, восточной национальности, грузины или азербайджанцы. Заказывают по восточному обычаю все подряд. Такие – находка для официантки. Постоянных всех знает. На этих не больно разживешься. Терпят из уважения. В основном дожидаются вот таких чернявых. Отыгрываются на них.

И коньяк у чернявых на столе, и шампанское. И всевозможные закуски. А они все заказывают. Подзывают официантку через каждые пять минут.

Восточных трое. Девушка с ними. Раскрашенная потаскушка от трех вокзалов (червонец за ночь). Она одна, а их трое. Вот и уговаривают официантку, чтобы поехала после работы в гостиницу поразвлечься. Она улыбается всем троим дежурной улыбкой: «Можно поехать, почему не поехать, если люди симпатичные?» Не говорит она при этом ни слова, только улыбается. Восточные соображают, что все в порядке. Заказ в угоду делают новый, еще более обильный, показывая напускную щедрость. Один для пущей важности выхватил из кармана портмоне и принялся трясти перед носом официантки. Деньги веером (целое состояние) вывалились на стол. Он их сгреб, скомкал для шика небрежно и засунул в карман.

Официантка бестия хитрая, ее на такую дешевку не купишь. Для нее главное околпачить их теперь, чтобы заказ выжать побольше. Потом, когда закроется кафе, они ее будут ждать в одном месте, а она черным ходом поскорее домой. Обещаний она им не делает, знает, что можно нарваться на неприятность.

Говоря откровенно, она бы с ними поехала в гостиницу, с удовольствием поехала, хотя они больше десятки не дадут, как и той, что с ними. Тут у нее глаз наметан, ее обещаниями не проведешь.

Ребята молодые, черноглазые, симпатичные: взоры – огонь, желания – бритвы, одеты прилично, чистенькие. Почему не поехать?

Поехала бы она, но устала, так что ноги не ходят, глаза не смотрят. С самого утра носится по залу с подносом, а теперь уже около десяти вечера. Попробуй, поюли целый день с подносом. И все подгоняют, кричат: скорей, скорей, пошевеливайся!

Домой к себе тоже пригласить не может. Дома муж. А она не блядь. И хотя давно уже он ей обрыдл, изменяет она ему на каждом шагу, а домой нельзя, не полагается.

Муж – пьянь. Жэковский водопроводчик. Еще тридцати нет, а он уже старик стариком, ни к чему не способен. Рожа пропойная, от повседневной пьянки обрюзгшая. А ей приходится с этим монстром каждую ночь спать в одной постели.

Вот она и посматривает не без симпатии на этих восточных молодых людей.

Николай Сергеич официантку знал хорошо. В свое время она даже симпатизировала ему, хотя не известно как далеко зашли у них отношения. Кажется, несколько раз ездил с ней во Внуково в ночной ресторан, когда были помоложе.

Видимо по сердцу пришелся Николай Сергеич. В те времена она не так сильно была развращена, как теперь.

Восточные сегодня останутся с носом. Ничего, пойдут на «плешку» к метро Революции или к телеграфу, найдут платную возлюбленную на одну ночь.

Официантка – особа весьма симпатичная, что там говорить.

Для восточных такая бабешка – находка: блондинка, в меру пышнотела, щечки, как пирожки, ножки бутылочки, губки – вишенки. Все в их вкусе.

Качества она свои знает распрекрасно.

За ее столиками посетители всегда деньгами бросаются. И всегда остаются при своих желаниях. Психику этого народца она знает. Так задом крутанет, что у восточных кровь в жилах останавливается. В такую минуту они за одни обещания отдадут что угодно.

Вот и теперь крутит задницей так, что даже Николай Сергеич заерзал на стуле. А она заметила, подмигнула.

Стрекоза.

С этих за дополнительные удовольствия сдерет не меньше чирика. Не отвертятся. Не задаром же она перед ними разыгрывает спектакль. Счет проверять не станут. Обе стороны останутся довольны.

Конкретных обещаний она не дает. Пусть думают что хотят, надеются.

Претензии предъявлять на другой день не придут. Какие там претензии? Свои улыбочки и виляния попкой она в счет не вписывает, хотя денежки за это взимает.

Потом к столику подсел Голев. С ним девица Ира или Таня, или Соня, или Нина.

Пианистка из оркестра или только учится.

Работает она или учится, значения не имеет, видно, что главное занятие – постель. Переспит с Голевым или Молевым, потом валяется часов до двух дня. Вечером кафе или ресторан.

Клара окончательно сникла, увидев эту Свету или Веру.

Как все же обманчива внешность. Эта пианистка ни черта не стоит. Дрянь. Характер склочный, завистливый. Ко всему – бездарна и ленива. Десятки подобных Тань, Свет, Вик шастают по кафе и ресторанам вкупе с непритязательными поклонниками вроде Голева, автора легкомысленных песенок.

Николай Сергеич эту пианистку (теперь вспомнил, представилась она именно так) встречает с Голевым второй раз. И в первый раз она ему не показалась, а теперь и подавно.

Голев заказал бутылку коньяку.

Кажется, я поторопился. Только теперь Клара, выпив несколько рюмок спиртного, разговорилась.

Думаю, не имеет значения, в какое место вставить рассказ такого невзрачного воробушка, такого неприметного существа.

Поэт, как выяснилось, имел кое-какие виды на Клару. Смотрел на нее, как удав: «Вот я сейчас тебя съем!»

Под этим настойчивым взглядом девушка съежилась еще больше. Поэт взял ее за руку и принялся что-то нашептывать, скорей всего непристойное.

– Нет, не могу! – воскликнула девушка.

Поэту не понравилась такая реакция, и он, по укоренившейся привычке, принялся обзывать бедное существо всякими непотребными словами.

К счастью к столику подошел прозаик, сказочник Единицын.

Поэт переключил свой гнев на него. Единицын отвечать не стал. Слишком хорошо знал приятеля.

Внезапно Поэт сник. Обмяк. Возбуждение спало. Он уснул. Через несколько минут проснулся. Выпил недопитый коньяк, взглянул презрительно на Единицына и пошел к соседнему столику. Поругался с каким-то длинноволосым человеком. И Николаю Сергеичу пришлось улаживать очередную ссору. Если бы он прицепился к восточным, они бы не посмотрели, что человек пьян, отметелили бы хорошо, вот и все.

За столиком, где сидел Николай Сергеич, события развивались так. Единицын прочитал несколько своих маленьких

сказок. Голев, не слушая, разговаривал со своей пианисткой.

Потом возник спор. И покатился он, как бильярдный шар. Уже забыли из-за чего сыр бор.

И орут!

И орут!

И орут!

Голос:

А я говорю, главное – пластика, понятно? Остальное – чепуха! У нас в студии... Был я на этой выставке... Я этого не признаю... Что ты мне говоришь?.. Сам попробуй... Я им всем... Боржом... Сухуми... Алма... Альма... Медведь... Га-га... Ать... На-на... Мать... Мур... Да не с ней... Пианино поменял на три... Другая была... Я ему... У Савкина... Конечно... Армейские сапоги... Чешский гарнитур... Не хватило... Кисти он не достал... О... Галерею... Бе... Приезжаю домой... Нет... Говорю... Удар... Какие у него мысли?.. Жене в Ригу... Мощь... Огурцы... Он своб... Котлеты пригор... Авто... Колесо... Девушка ничего... Кому повезет... Конек... Тот... Табак... Табу... Рагу... Рг... Сык... А?..

Конец этой истории Николай Сергеич не дослушал. Он расплатился с официанткой и вышел.

Клара. Вы уходите? Еще так рано...

Николай Сергеич. Извините, разболелась голова.

Клара. Я пойду с вами?

Николай Сергеич. Останьтесь. Вы больше нужны Поэту. Он совершенно пьян. Вот деньги. Отвезите его домой.

Клара. Я боюсь пьяных.

Николай Сергеич. Ничего. Поэт – человек добрый.

Клара. А вы не обидитесь?

Николай Сергеич. Скажу спасибо.

Николай Сергеич оделся, сунул официанту двугривенный, такса того времени, и вышел вон.

Навстречу по улице Горького, которую стиляги не без основания называют Бродвеем, двигались нескончаемым потоком девушки, частенько попадались симпатичные, нередкое явление в нашем городе.

Николай Сергеич разглядывал их глазами художника.

Взоры у девушек призывные. Съехались они сюда со всех концов Москвы, чтобы познакомиться с мальчиками.

Народ по-вечернему одет чисто. Но чувствовалось, что публика средняя, не интеллигентная: служащие магазинов, продавцы и продавщицы, работницы мелких предприятий.

А воздух насыщен поцелуями и объятиями.

В любое другое время Николай Сергеич сам не против был бы заговорить со смазливой вострушкой. Повести в «кабак», а потом поваляться в постели с молодым, сильным телом.

Но за последнее время в его душе образовалась какая-то трещинка, мешающая жить весело и раскованно.

Да и в кафе прежде он засиживался допоздна.

Голос. Скандал ему знакомая закатила грандиозный, где-то в Ялте или Сухуми. Как рассказывали очевидцы, бокал вина выплеснула в лицо, однако промахнулась.

Но об этом потом.

Старшина Алексеев. А теперь тихо, я своей жизни историю расскажу.

Когда я пришел из армии, то в столицу сразу не попал. Поперся, олух, в деревню. По этой причине потом столько несчастий свалилось на голову, что хватило бы на две жизни.

Теперь в деревне жизнь вроде бы наладилась, а тогда расцветала сплошная нищета. Сам едва не подох с голода. Жрать не дают, а работать принуждают.

До армии что я из себя представлял, можно сказать, ничего, ноль без палочки.

Темный.

Образование четыре класса. И те с пятого на десятое. Наука в мою башку не лезла.

Зато силой обладал такой, что самому становилось страшно. Иду, бывало, и думаю: схвачу вот сейчас этого человека за ноги да об стенку головой, что от него останется?

А так я – человек добрый. Зря не обижу. Со мной если по-хорошему, я что угодно сделаю для человека. Если по-плохому – держись, спуску не дам.

Драться я не любил. Но в пятнадцатилетнем возрасте мог победить в кулачном бою любого мужика. Этого (***старшина сверкнул глазами в сторону Петра Петровича***) я бы мог убить запросто. А мне жалко. Бил я его не в полную силу. Стукнул больше для острастки.

Я людей бить жалею. Я этого Петра Петровича пожалел. Отвечать бы мне за него не пришлось. Я при исполнении служебных обязанностей. Милиции теперь большие даны права.

Пожалел его, одним словом.

У меня глаз наметан. Я людей сразу вижу, кто из себя что представляет.

Этот Петр Петрович мелкий мерзопакостник.

Если бы я его прихлопнул, наше начальство расценило бы этот факт, как нападение на пост. Поскольку я лицо неприкосновенное, мне благодарность за бдительность, а этого под суд, как злостного хулигана.

У нас с теми, которые нарушают законы, обходятся просто. Заставляют искать пятый угол.

Сейчас поясню, что это такое.

Встанут ребята по углам (я в такие дела не вмешиваюсь) и давай нарушителя колошматить. Порхает, как бабочка, нарушитель из угла в угол.

Однажды сержант из нашего отделения по пьянке попал в милицию. О том, что сам милиционер, сказать постеснялся, побоялся, что влетит от начальства.

Обработали его хорошо. Чуть почки не отбили.

Ребятам забава. Развлекаются. На дежурстве скука.

Я, может быть, запретил бы, да неохота вмешиваться. Для этого есть лейтенант, дежурный по отделению.

Дежурный молчит. А у самого чешутся кулаки, да звание не позволяет.

В особенности лупят нещадно, когда нарушитель оскорбляет милицию, мусором обзовет или легавым. Тут держись. Тут и министр если рядом будет стоять, не поможет. Не послушают.

По лицу не бьют, а по бокам. Попробуй потом докажи, что били. Скажут, сам упал, споткнулся о камень невзначай.

Посижу я, посижу, потом с лейтенантом поговорю. Квартиры нам с ним дали новые. Разговор об этих квартирах тянулся давно, кому дадут, кому не дадут? Получилось так: кому думали что дадут, не дали, а о ком не думали, те получили.

Мы с лейтенантом дольше всех служим, как нам не дать? Мы столько раз ради общественного блага рисковали собственной шкурой. Опасных преступников ловить – занятие трудное и опасное. Попробуйте его взять, если у него в руке нож с лезвием сантиметров двадцать.

Сидим мы с дежурным, калякаем.

Какую мебель для новой площади приобрести.

Дежурный недавно схлопотал холодильник ЗИЛ. Очередь огромная. Ждать приходится не один год.

Мне дали трехкомнатную. До этого с семьей жили в подвале.

Теперь все есть: ванная, уборная, центральное отопление. Прежде бегали в сортир на улицу, а теперь в тепле сиди хоть целый час.

Радость-то какая!

Телефон не нужен. Начнут с работы звонить по каждому пустяку.

Вода горячая.

Хорошо.

Пришел с работы. В ванную залез. Пополоскался, как кит.

Деньги на новую мебель есть. Старую вместе с клопами на помойку. Холодильник покупать нет необходимости. Холодильник почти новый, купленный год тому назад. Он у нас стоит в комнате, как член семьи.

Гарнитур присмотрел чешский, солидный на вид и добротный.

Женился я на женщине, у которой одна нога короче. Другие ее замуж не взяли. Для меня главное, чтобы женщина хорошая, чтобы слушалась во всем. А с лица воду не пить. Моя – хороший человек. Работает бухгалтером в городской столовке. Образованная, читает разные книжки.

Поженились.

Она из столовки таскает дармовую еду. Я много таскать не велел. Зачем. Много будешь таскать, начнутся от начальства нарекания, а то и уволят совсем.

Мы о завтрашнем дне не думаем. Обмундирование казенное. Надя, жена моя, не привередлива. Скажешь ей: купи новое платье. А она в ответ: это еще не сносила.

Детишек четыре штуки. Два мальчика и две девочки. Девочки щупленьки, в жену пошли, а ребята в меня, крепыши!

С дежурным лейтенантом мы старинные приятели. Ему звание не за образованность дали, а за добросовестную службу. Вот он мне и дает поблажку, посылает туда, где полегче. Сегодня прислал караулить покойника, что это за работа, так.

Книжки я читать не люблю. Возле молотилки в деревне намного веселей. С девчатами поговорить можно. Словечком перекинешься, да прижмешь одну, на солому бросишь. Девка визжит. А это еще больше распаляет воображение.

А потом назначишь свидание.

Знаешь, придет, не обманет.

У нас в деревне, если плохая погода, собирались в избе, если хорошая, на шоссе.

У меня кличка была Жеребец. Я не обижался. По деревенским понятиям это кличка не обидная.

Пришли мы один раз с приятелем в соседнее село. Приятеля звали Фомка, хотя настоящее имя было Александр. Пришли не просто так. К девчатам. Чтобы своих позлить. У Фомки гармаза через пузяку.

Рванул он во всю мочь страдание. Девчата потянулись за нами. Парней ихних зло разбирает, а сделать ничего не могут.

В нашей местности заведен порядок, при девчатах не драться.

Чувствуем мы с Фомкой, что сгущается опасность над нами.

Быть драке.

Парни между собой договариваются, куда нас получше заманить. Говорят громко, чтобы перед дракой страху нагнать.

Мы задаемся, вроде ничего не понимаем.

Подкараулили возле крайней избы. Их человек пять.

Выскочили с кольями. У Фомки заняты руки, держит гармонь. Бросить жалко.

Тут и огрели его колом по башке. Он с копыт – брык. Парни видят, что Фомка не боеспособен, кинулись на меня. Тоже приложили колом хорошо. В мозгах что-то помутилось.

Разозлился я, да двоих за грудки, да головами друг о дружку. Обмякли оба, и сползли на травку. Я тем временем взялся за других.

Разогнал всех.

Фомку пришлось до самого дома волочить на горбу. Шишка у него вскочила на башке величиной с чугунок.

Время пришло, в армию забрили. Положенное отслужил честно, не филонил. Службу закончил сержантом. Уважало меня начальство за мою физическую силу.

Первое: промашку дал, что на сверхсрочную не остался.

С тех пор жизнь завертелась в обратную сторону.

Второе: надо было приложить все старания, чтобы остаться в городе. А я, балда, поехал домой.

Что я, спрашивается, забыл в деревне?

Все армейские дружки пристроились в городе. Женились на городских фифах.

Брожу по деревне, как муха, безо всяких занятий. Иногда помогаю матери по хозяйству.

Деревня наша глухая. Шутка, тридцать километров до железнодорожной станции. И всё леса, леса.

Одним словом, Вологодские края.

Помучавшись некоторое время бездельем, поступил я в приватную плотничную бригаду.

Хозяин, которому дом строили, кабана заколол. Свининой кормит каждый день.

Наварит щей – жрите, ребята.

Обедать как сядем, самогон появится, первач. Хозяина в этом смысле предупреждать не надо. Без первача работа не пойдет.

Дом срубили добротный. Бревно к бревну, как обещали.

Когда обмывали, чуть не сожгли. Кто-то бросил в стружки самокрутку.

После, как дом построили, пошел к председателю. Чтобы отпустил в город. Не пустил. Заявил, что некому работать в колхозе. Он свое, я свое – в колхозе работать не буду.

Твердо я решил, чтобы податься в город.

Служил я в городе Минске в артиллерийском подразделении... Слыхали про город Минск?

Там и ванны у людей почти в каждой квартире. В нашей деревне до сего времени колхозники прозябают без электрического света. Жгут керосиновые лампы, а некоторые по старинке перебиваются лучиной.

Пока служил в городе, набаловался. После Минска деревня показалась диким краем. Живут, как эскимосы.

Девки деревенские разонравились.

В Минске я один раз даже в ванной искупался.

Дали нам с приятелем увольнительные, вот мы в горпарк и направились. С девушками заговариваем... Они нам отвечают.

Подвернулись две фифы с трикотажной фабрики.

Моя фифа, как только к ней домой пришли, сразу в ванную направила, чтобы, как она выразилась, смыть казарменный дух.

Привела меня фифа в ванную, всю кафельной плиткой обложенную, показала, как нужно пускать воду, как горячую, как холодную.

Как только из деревни вырвался, приехал в Москву.

Болтаюсь так.

На работу не берут, говорят, нет прописки. А прописывать не хотят, нужно устроиться на работу.

Дела.

Хоть обратно уматывай в колхоз.

Сказали добрые люди, что в Останкино где-то принимают по лимиту на строительство метро.

Разыскал контору. Постоял в очереди к начальнику. Забрал он мои документы, сказал, чтобы назавтра приходил. Хороший начальник. Разговаривал со мной на ты.

Вышел из кабинета.

Думаю: «Если здесь откажут, хана».

Иду. Шатаюсь. Голод не тетка. Что-то меня дернуло в булочную зайти... Покупают граждане по карточкам хлеб, а я на них смотрю голодными глазами.

Одна старушки сердобольная сунула довесок в руку. И дальше пошла. Я его одним махом отправил в рот... Ладонь, однако, не убираю. Стою с протянутой рукой.

Одни подают, другие ругаются, третьи проходят так.

Когда старушка сунула мне кусочек в руку, скажу честно, чуть не заплакал. Живут ведь на свете такие добрые души. Сам я в такой ситуации другому и крошки бы не дал.

Из деревни отпустили через одно обстоятельство. Не этот случай, закручивал бы я по сей день в колхозе кобылам хвосты.

Пришел из армии

Стройный,

Красивый,

Сержант.

Вести себя по-человечески умею. Не как наши деревенские, сопатки вытирают пятерней.

Наши балбесы в обращении с женщинами кроме матерных слов других не знают.

Ходим мы с приятелем Фомкой по деревне. Девчата на нас смотрят. Мы с ними заигрываем. Собираемся жениться.

А в колхозе была у бухгалтера жена. Она все планы мои расстроила.

Бухгалтер привез эту стервозу из районного центра. Было ей к тому времени уже лет 40.

Лицо в морщинах, а тело ничего, дородное.

Как мы соткнулись, теперь уж не помню. Может, пришел к бухгалтеру по какому делу, а его не оказалось в это время дома, уехал в район по делам, а может еще что?

Сошлись мы не на шутку.

Сколько воды с тех пор утекло. Жива ли?

Старший брат был у меня раза два, а я в деревню ни ногой.

Помню, как мы встречались, как договаривались.

Муж уходил на работу чуть свет. А я к ней в избу.

Приду. Она наварит, нажарит всего. Самогонки выставит пару бутылок.

Дом богатый.

Выпьем и в постель.

Еще в армии ребята рассказывали, что с бабами можно проделывать разные штуки, и спереди и сзади. Этому всему она меня и обучила. Умная, стерва, была. Приятель Фомка, когда я ему рассказывал, ржал, как лошадь.

Дом у бухгалтера добротный, пятистенка, из строевого леса построенный. Бухгалтер в колхозе большая шишка, поважнее председателя. На нем держится все хозяйство. Крыша под цинком. Три таких крыши на всю деревню: у забулдыги председателя, у бухгалтера, да у кладовщика. Остальные все крыты дранкой.

Домов в деревне штук пятьдесят, да сельский клуб, переделанный из старой конюшни. В нем иногда показывают кинокартины. Специально для этой цели приезжает из райцентра передвижка, у которой динамо надо крутить руками, что и делают мужики в порядке очереди.

По воскресеньям танцульки.

Я в клуб не хожу. Прохлаждаюсь у бухгалтерши. Прежде ходил с девчатами на танцы. Теперь она запретила. Заявила, чтобы принадлежал ей одной.

Дом у них на отшибе, вроде хутора. Иногда телега с хворостом из леса проедет, а так кругом ни души.

Приду к ней. Нажрусь, как боров, самогонки напьюсь. Водка в деревне редкое явление. Привезут иногда ящика два, которые расходятся по начальству. Самогонки у нее всегда наготове пару четвертей. Так, на всякий случай, если начальство из города пожалует. Приедут власти, да так упьются, что их потом, как дрова, на телегу укладывают.

Хороший человек бухгалтер, фронтовик, инвалид войны. Жаль мне его. Да втянулся. Так прилепила меня к себе, что никакими клещами не отдерешь. Один раз не пошел, потом целый день ходил, вроде что-то потерял. Бухгалтерша – бабища опытная, а я что?

Одним словом попался.

К выпивке так пристрастился, что теперь без выпивки не могу жить. Как не выпью, начинает расходиться нервная система.

В конце концов она опротивела мне совсем. Плююсь, а иду.

Вот что такое любовь!

Наше милицейское начальство про мою страсть к выпивке знает, прощает. Службу выполняю чин по чину, как полагается, не халтурю, как некоторые трезвенники. Офицерское звание мне ни к чему, без него преспокойно обхожусь. Начальство про меня все знает: и что с писателем Геной Судаковым дружу. Знает начальство, если возникает нужда поймать опасного убийцу, то ловчее человека по этой части во всем отделении милиции не найдется... Даже сам начальник МУРа осведомлен про мои героические подвиги. Знает, что мне бандиты не страшны, даже если они с оружием. Благодарностей имею не

менее ста, да именных часов штук десять. Выговоров правда тоже хватает, да ничего, все обходится, как надо.

Видели, как этот ***(кивок в сторону Петра Петровича)*** набросился, и как я расправился с ним? Пусть знает, что со старшиной Алексеевым шутки плохи. Другой бы на моем месте растерялся, а я ничего. На меня страх с самого детства воздействия не имеет. Мне ни нож, ни пистоль не страшен. Главное, нужно выбрать момент, чтобы увернуться от удара, и нанести контрудар. Другие на занятиях по визкультуре халтурят, а я всю самбу изучил досконально.

От бандитов обороняться дело не такое простое, как думают другие. Кроме мужества, необходим здравый расчет, если хотите, хитрость. Если ты хоть маленькую допустишь промашку, преступник в один момент укокошит тебя за милую душу. Многие из нашего милицейского брата так и не могут привыкнуть. Допускают ошибки даже на тренировочных занятиях.

Самбо я заниматься люблю. Наш мастер под веселую руку иногда и карате показывал. Это поважнее самбо. Тут если хорошо приложить, то преступнику каюк, вместо отделения милиции – в морг.

Теперь я вот уже в возрасте, а против меня никто не устоит. Всех наших кладу на лопатки.

Службой я своей доволен вполне. Нам с женой Надей всего хватает. На житье, как другие, не жалуемся. Четверых детишек вырастили. Два мальчика и две девочки. Мальчики крепыши, как и я. Не смотрите, что во мне весу более ста кило, я ловкий, как обезьяна.

Петр Петрович. Когда ты помчался за водкой, думаю – установил всероссийский рекорд по бегу на длинные дистанции.

Старшина Алексеев. Если бы у меня брюхо было, как у других, то тогда не больно разбежишься. А то тело мое состоит из одной мускулатуры.

Теперь я должен рассказать случай, который произошел недавно со мной в городе Москве. Преступников мы выловили еще не всех. Встречаются иногда. Судьи с ними цацкаются. Хотят, чтобы все происходило по закону. А эти хмыри по закону поступают?

Был в воскресенье у свояка. Поддали крепко. Может, дербулызнули по паре бутылок, а то и более того. Еле ноги волочу. Чувствую однако, что дом уже близко. Костюм на мне гражданский, а не милицейская форма. В форме я до такого бесчувствия не напиваюсь. Подхожу к знакомым местам.

Вот.

Слышу крик: «Помогите!» Женщину грабят. Не на улице, а во дворе. Есть там один закоулочек, для грабителей подходящий. Я в этом месте живу недавно, как дали квартиру, так и переехал.

Окраина.

Ночь.

Женщина кричит. На крик никто не выходит. Явление обычное. Кричи хоть всю ночь. Ни один пес не поможет.

Кинулся на крик. Оружия при мне нет. Одни голые руки.

Когда мы находимся при исполнении обязанностей, то выдают табельное оружие «ТТ» с комплектом боевых патронов. Я же возвращаюсь после солидной пьянки от свояка. Припугнуть бандюг нечем.

В голове, однако, мысль сидит крепко: есть оружие, нет оружия, раз зовут на помощь, оказать ее пострадавшему моя святая обязанность, долг. За это нам хорошие деньги платят и другие льготы дают.

Подхожу.

Девушку раздевают. Вижу, что знакомая. Живет в соседнем доме с матерью. Отец недавно в пьяном виде угодил под троллейбус. Аккуратненькая такая девушка, чистенькая.

Грабителей трое.

Один для острастки ножичком поигрывает. Раздеть они ее уже успели еще до моего прихода. Стоит перед ними в одной рубашке.

Ну, думаю, сейчас я вам устрою карусель. Вы у меня попляшете. Хмель из башки улетучился сам собой.

Бандиты, гады, на меня ноль внимания. Один приказывает, чтобы она и рубашку стаскивала. Это уж из чистой воды хулиганства. Девушка трясется. Плачет. А им что?

Бандиты хоть словами не выражают, а глазами показывают: «Проходи, дядя, пока цел!»

Одежонка на девушке была праздничная: платьице из какого-то симпатичного материала, кофточка мохер, туфельки и все остальное. В гости, как и я, ходила или в кино на последний сеанс. На эти шмутки, может, она целый год деньги копила. Этим коблам без разницы. Завтра все до последнего цента пропьют. Бандюг, которые грабят бедных граждан, я ненавижу больше всего. Работают люди. Трудятся. А они у них задаром все отбирают.

Скоты, одним словом, и воспитание у них скотское.

Я в милиции служу не просто так, а по призванию. Мне такая опасная работа по душе.

Стою. Раздумываю, как ловчее к делу приступить, их трое, а я один. Девушка не в счет. Какая от нее польза?

Когда оказываешься один против троих, да еще если они с ножами, то есть над чем задуматься. Если к этому подойти, не пошевелив мозгой, делу не поможешь и себе навредишь.

Они тебя быстренько пришьют. Они ведь тоже специалисты... Норовят пырнуть в третий позвонок, чтобы отнялись ноги. Одному с троими справиться трудновато. Надеюсь, вы это хорошо понимаете.

Стою.

Раздумываю.

Они, наконец, соизволили меня заметить, уделили внимание. Я только этого и жду, чтобы они подошли ко мне первыми, чтобы обозлились. Мне в данной ситуэйшен несподручно начинать первому.

Ладно.

Жду.

С места не двигаюсь, с ними не заговариваю, на девушку внимания не обращаю.

Отскочили двое от девушки. Приблизились ко мне.

Один говорит:

– Скидавай плащ, дядя. Живо!

Жулики и грабители страх как не любят, когда вмешиваются в их дела.

Смотрю.

Еще один нож из кармана вынул. В руке он у него поблескивает. Для понта он им из стороны в сторону поворачивает.

Снимаю плащ. Отдаю одному. Мне только этого и надо, чтобы руки у них оказались занятыми. А мне без плаща и пиджака (бандитам невдомек) действовать намного удобней. У меня к этому времени тактический маневр в кумполе обозначен четко.

Девушка глядит с презрением, думает, что я испугался этих проходимцев. Сыграл труса.

Я заранее знал, что один останется с девчонкой, а двое ко мне, и что раздевать начнут.

Девушка о моих планах не имеет понятия, поэтому и смотрит так. Я ей даже подмигнуть не могу, заметят.

Я – стоек.

Терпелив.

Из себя не выхожу.

Затаился, как зверь.

Молчу.

Если потороплюсь, на нож нарвусь. А девушке кажется, что я, хоть и большой дядя, а мозгляк. Я и с четырьмя справлюсь, если извилинами хорошенько пораскину. Начальник нашего отделения говорит: «Ты как Юлий Цезарь, старшина».

Плащ и пиджак на мне хорошие, почти новые. Я их приобрел в комке по дешевке, знакомая есть, просто так добротные вещи не достанешь. Хороший костюм из чистой шерсти. В Глуме за такой 150 пришлось бы выложить.

Я все вещи для семейства достаю в комиссионке. Стоят они там намного дешевле. У супруги родственница работает продавщицей. Всегда нам оставляет самое лучшее. Родственница – добрая душа. Своих детей нет, вот она и старается для нас.

Говорят, что иногда вещи попадают в магазин с умерших. А я и этим не брезгую. Подумаешь, чем умерший хуже живого? Вещь, прежде чем попадает в магазин, проходит химобработку.

Моя Надя с этим согласна. Она всегда думает, как я.

Мы с ней вот уже два десятка лет живем в полном согласии.

Отдал я одному плащ, другому пиджак, а сам говорю:

– Подавитесь, гады!

Поверили.

Тут я одному и врезал.

Брякнулся он на землю. Лежит, как тюфяк.

Врезал не очень, чтобы очухался минут через десять. Не на горбяшке же его в отделение тащить. Другого взял на прием.

Перекинул через себя. Убивать я их не хотел, а приложил так, чтобы помнили старшину Алексеева.

В одну минуту весь этот спектакль закончился не в пользу этих хмырей.

Третий, поняв, что произошло с его дружками, пустился было наутек. Да где там, от меня далеко не уйдешь. Схватил как котенка за шиворот, да рожей о землю, о землю.

– Одевайтесь, – говорю, – девушка!

– Спасибо, – отвечает она.

Сама рада. Так в одной рубашке и повисла у меня на шее.

Мне от начальства за эту операцию вышли ручные часы.

В нашем районе орудовала целая шайка. Я как раз задержал главаря. За ними давно охотились.

Кличка у главаря была Косой. На один глаз прихрамывал слегка. Рожа омерзительная. Зверь, не человек. Даже среди урок такие попадаются не часто.

Крепко я его приложил. Он вместо десяти минут провалялся целый час.

Начальник отделения, капитан, сказал:

– Хоть бы ты его, старшина, совсем прибил. Намучались с ним.

Благодарностей, как я вам уже докладывал, полно. Только я не за благодарности работаю, а чтобы таким вот беззащитным гражданам помогать.

Куда только смотрит лагерное начальство? Поймаешь вот такого «Витюна» или «Колюна», ну, думаешь, пропел свою песенку, голубчик. Не успеешь оглянуться, а он опять на воле. Сбежал.

К женщине этой в деревне ходил целый год. Все бы хорошо, но бухгалтер дознался. Застукал на месте преступления.

Лежим в избе, как говорится, в натуральном виде, в чем мать родила.

Лежим.

Слышу, в сенцах что-то стукнуло.

– Кто там?

– Кот, наверное, – отвечает она.

Дверь открылась.

Муж в комнату вошел.

Хоть я не робкого десятка, а тут малость струхнул.

Бил он ее крепко.

При мне бил.

По полу она ползала в собственной крови. Я, признаюсь, малодушие проявил. Да и как тут заступишься, если виноват. А они законные муж и жена.

Как вспомню, до сего времени чувствую себя подлецом.

Меня не тронул.

Побоялся.

Да чего меня трогать. Я – кобель, потерся, потерся, дальше побежал.

Посмотрел, как он ее мордует, да из хаты вон. Пошел в лес. Со зверьми лучше, чем с людьми.

Больше я ее не видел.

Из колхоза после этого случая отпустили.

Вызвал председатель мать. Справку дал. А на словах добавил:

– Пусть убирается, да поскорей, а то милицию напущу!

В деревню больше не приезжал. Что мне там делать?

Кто-то говорил, что она после моего отъезда в район к родителям уехала. Потом он ее простил. Любил крепко. Баба хорошая. А у меня любовь как рукой сняло.

Помыкался в Москве порядочно. Сами видели. Не приведи Господь каждому такое.

Простудился.

Заболел.

В бреду каким-то образом оказался в подъезде дома, где проживала моя будущая жена.

Она в этот день по случаю квартального отчета возвращалась домой поздно.

Видит, что человек не пьян, а еле жив.

Привела домой. Напоила горячим чаем. Врача вызвала. А у меня температура под сорок.

Провалялся у нее целый месяц.

А как поправился, поженились.

Нога одна у моей Нади немного короче. А в остальном она женщина лучше не найти.

Сколько живем, ни разу не сказала грубого слова, хоть я иногда являюсь домой хорош.

Петр Петрович. Не тебе одному в те времена доставалось. На зарплату, которую выдавали, не больно проживешь. Промышляли кто чем мог. Хорошо, что на предприятиях выдавали талоны, которые в столовке можно было поменять на баланду да на кашу из шрапнели, так называли перловую крупу.
Старшина Алексеев. Я не говорю, что я один мучился. Я рассказал про свое житье и больше ничего. Одни жили хорошо, другие плохо. Я как в милицию поступил, стал жить хорошо. А ты мне рассказывать не мешай, а то схлопочешь, дрынды-бурынды!
Автор. Прошу вас, друзья, не ссорьтесь.

Я пишу книгу, в которой главное действующее лицо самоубийца Николай Сергеич, художник. Скажите на милость, кто будет читать длиннющий и довольно-таки несуразный рассказ старшины?
Настасья Петровна. Очень плохой рассказ. Грубый человек, что он может хорошего рассказать? Слышали, как он обошелся с бедной женщиной? Не заступился, когда ее

избивали. Только силой своей хвастается. С дикими зверями ему лучше. Вот бы и оставался с ними жить. А то все прутся в Москву. Из-за них москвичам деваться некуда!

Петр Петрович. Правильно говоришь, соседка.

Старшина Алексеев. Замолчи, гаденыш!

Петр Петрович. Что же это происходит, товарищ Автор. Ему все можно, а нам нельзя? Раз он милицейский старшина, значит, и главный тут?

Старшина Алексеев. А может, ты главный?

Петр Петрович. Я в главные не лезу, а свою историю мне тоже рассказать хочется.

Автор. Чувствую, что опять начнется драка. Кто-то должен уступить.

Петр Петрович. Ему не в первый раз затевать драки. Он без этого не может. Привык с преступниками обращаться. И нас держит за преступников.

Ведите, старшина, себя достойно и спокойно!

Старшина Алексеев. А что ты мне сделаешь, если я буду вести себя не спокойно?

Петр Петрович. Позвоню в милицию.

Старшина Алексеев. Рассмешил. Взгляните на этого кретина, он в милицию будет звонить. О чем думает твоя садовая голова? В отделении сейчас дежурит мой приятель. Звони. Если хочешь. Я сам позвоню. Предупреждаю, что тебе первому от него влетит. Он у нас такой. Сначала рыло намылит, а потом начнет разбираться, кто прав, кто виноват.

Петр Петрович. В другое отделение позвоню.

Старшина Алексеев. Там тебя пошлют куда подальше!

Настасья Петровна. Мужики теперь стали болтливее женщин. От теперешних уважения не жди. Когда приспичит, начинают вилять, говорят всякие комплименты. А сде-

лав свое, опять начинают: некоторые даже ругаются матом, грубят. Кормила эта женщина в деревне кобеля, поила. Обухаживала. А он? Даже не заступился, когда муж ее бил. Разве это настоящий мужчина? Муж имеет право поучить жену как надо жить на свете, но не так зверски.

Про то, как он соблазнял, как улащивал, помалкивает: «Не знаю, как соткнулись...»

Паразит.

Бесстыдник.

У нас вся милиция бескультурная. Ко мне один таскался такой. Ноги не мыл, нижнее белье менял в месяц раз. Разве это человек? Сидят они в отделении. Делать нечего, вот и начинают распускать руки. Зачем он меня ударил сапогом в живот? Я ему не жена! Петра Петровича чуть не убил, и хоть Петр Петрович человек гадкий, а мне его жалко. Я так этого дела не оставлю. У ихнего министра найду правду.

Старшина Алексеев. Уж и обиделась. Нельзя пошутить. Всего один раз стукнул, да и то в полсилы. Если бы изо всей, тогда другое дело. Я изо всей силы человека бить не стану. За что мне тебя бить в полную силу, если ты всего одну миску салата на голову мне надела, если бы ошпарила кипятком, тогда другое дело.

Настасья Петровна. Жаловаться я не пойду. Сказала просто так. Охота была по вашим вонючим отделениям таскаться, делать больше нечего что ли. Глядеть там на пьяные рожи.

Если у меня возлюбленный начинает драться, я его сразу выгоняю вон. Прежде мужчины были намного культурней, чем теперь. Мой муж, мы с ним прожили восемнадцать лет, не имел привычки пускать в ход кулаки или другие предметы. Теперь не найти такого хорошего человека.

Познакомились мы очень оригинальным образом.

Автор. Извините, Настасья Петровна, но ваш рассказ я перенес, чтобы не загромождать повествование, в конец книги.
Настасья Петровна. Все у нас с мужем хорошо складывалось. Познакомились, а на третий день отправились в ЗАГС расписываться. Он оказался человеком честным. Я его спросила:
– Как ты меня любишь?
Он ответил:
– Самой большой любовью!!
– А неземной?
– И неземной тоже.
Теперь таких мужчин нет. Теперь сразу начинают приставать.
Петр Петрович. Кто к тебе будет приставать, мегера?
Настасья Петровна. Теперь ко всем пристают. Даже к мужикам.
Маня *(к Автору)*. Можно я вас спрошу?
Автор. Пожалуйста, милая девушка.
Маня. Только я дура. Я всегда самые глупые мысли говорю. Думать совсем не умею.
Автор. Что вы, Маня, вы нормальная девушка.
Маня. Не знаю, как вам сказать. Скажите мне, дуре, есть у нас способ, чтобы оживить человека?
Автор. Я не совсем вас понимаю, как оживить?
Маня. Так я и знала.
Автор. Говорите, говорите, не бойтесь.
Маня. Можно оживить Николая Сергеича?
Автор. Нет. Наша медицина еще не дошла до подобного. Был в истории один такой случай, когда Спаситель оживил Лазаря. Но это ведь Божественный случай.
Маня. Жаль. Он такой хороший человек, вежливый. «Устал

я, говорит, Маня, сходите пожалуйста, голубушка, за водкой». Я, дура, поверила. Если бы я не пошла, ничего бы такого не случилось. Мне очень понравился Николай Сергеич.

Петр Петрович. Дуреха. Оживить? Понравился? Как он мог тебе понравится, если он лет на двадцать пять старше тебя?

Маня. Сама не знаю как. Он за мной ухаживал. Я его полюбила на всю жизнь. Говорил приятные слова. Я сама заметила, что он устал. Ухаживает он. И вдруг забудется. Вроде меня рядом нет. Он задумается, а я его потяну за рукав. Он как бы опомнится. Придет в себя. Другие мужики, как только останутся с молодой девушкой наедине, сразу лезут под юбку. Николай Сергеич не такой. За это я его и полюбила. Если бы он захотел, я бы перед ним разделась сама.

Настасья Петровна. Попробуй сама и оживи своего хахаля.

Маня. Вы шутите? Я покойников боюсь. Прежде я не знала, что такое любовь. Первый раз влюбилась.

Настасья Петровна. Заладила свое: полюбила, разлюбила. Есть у тебя другие слова?

Маня. Для других парней есть, а для Николая Сергеича нет. Другие были просто так. Я их не любила. Молодой человек на один вечер, в дискотеку прошвырнуться. Прежде я на пожилых не обращала внимание, потому что была глупа. Смешно, когда начинает ухаживать старикан лет тридцати. Смотришь, а у него на висках пробивается седина. Недавно как раз такой кадрился. Уверял, что полюбил безумно. Мне его любовь до лампочки. Полезла в карман, посмотрела, а в паспорте значится, что ему 28 стукнуло. Раздеваюсь перед ним, а у него слюна с губы капает. Когда девчонкам в школе рассказала, они ржали, как кобылы.

Другой водил в кино. Я его тоже бросила. Представляете – говорит, что я королева. С ума можно спятить. Разве я похожа на королеву? Вздумал посмеяться над бедной девчонкой.

Я его сразу поставила на место, сказала, чтобы он мне не говорил гадостей. Познакомились с ним. (Я тогда уже не училась в школе, а работала в химчистке. Надоело учиться.) Принес он пальто. Просит, чтобы почистили срочно. Потом повел, как водится, в киношку. Не успели поговорить, а он прямо в зале полез под юбку. Я ему за это врезала хорошо. Спасибо, что с Ириной познакомил. Оказалось, что они знали друг друга. О таких женщинах я всю жизнь мечтала. Теперь я начинаю понимать, как держать себя в обществе. Я благодарна Ирине за всё, за всё. За то, что мы с ней подружились. Этого парня я ни капельки не любила. Переспала с ним один раз ради Ирины. Николай Сергеич мне понравился сразу: такой добрый, обходительный, симпатичный. Те, которые были прежде, теперь кажутся мне стариками. А Николай Сергеич наоборот, кажется молодым. Я буду его любить вечно. Прежде я не догадывалась, что можно полюбить такого пожилого человека. А теперь вижу, что не в возрасте дело. Если человек симпатичный, то не важно, сколько ему лет.

Старшина Алексеев. Разговорилась. Перебила, а я рассказ еще не закончил.

Маня. Я вас не перебивала. Петр Петрович перебил.

Старшина Алексеев. Не важно, кто перебил, важно, что перебили.

Настасья Петровна. А меня Автор, как на профсоюзном собрании, лишил слова. Свадьба у нас была замечательная. Напекли целую гору картофельных оладьев.

Маня. Оставьте меня в покое. Я сейчас заплачу.

Автор. До чего мы довели девушку?

Петр Петрович. Доведешь ее. Она сама кого угодно доведет. Сиськи торчат, как пушки. На край света решила отправиться с покойником. Видели фифу?
Маня. Он живее вас всех.
Старшина Алексеев. Заткнись, дура!
Маня. От дурака слышу!
Старшина Алексеев. Жопа!
Маня. Кретин!
Старшина Алексеев. Сикилявка!
Маня. Дубина!
Старшина Алексеев. Потаскушка!
Автор. Перестаньте, старшина. Оставьте девушку в покое. Если будете продолжать ссориться, я вынужден буду уничтожить рукопись!
Старшина Алексеев. А нам до этого какое касательство?
Автор. Вместе с рукописью исчезнете и вы.
Старшина Алексеев. Мы?
Автор. Вы.
Старшина Алексеев. Хотелось бы посмотреть, как это произойдет!
Автор. Вы все плод моей фантазии. В реальной жизни вас нет. Я вас придумал, понимаете?
Старшина Алексеев. Чудной ты человек, хоть и Автор. Какой же я плод фантазии, если я служу в отделении милиции. Каждый день хожу на дежурство, имею четверых детей и жену Надю. Хотите, можете пощупать мою мускулатуру. Такую мускулатуру, как у меня, не создашь никакой фантазией. Слова эти насчет фантазии у вас слетели случайно, не всерьез. За такие невразумительные слова можно хорошо штрафануть, рубликов на пять. Легкомысленный вы человек.

Рукописью своей можете задницу подтирать. Нам от этого ни жарко, ни холодно.
Маня. А мы с Ириной не хотим, чтобы Автор уничтожал свою вещь.
Старшина Алексеев. Нашлись защитнички. Эх, не выпить ли нам?
Настасья Петровна. У этих милицейских коблов одна выпивка на уме.
Ирина. Он забыл, что находится не у себя в отделении. Быдло есть быдло. Хорошего отношения не понимает. Я – хозяйка квартиры, и прошу разговаривать со мной в вежливых тонах.
Автор. Уверяю вас, милые девушки, я пошутил. Как я могу рукопись сжечь, если работаю над ней второй год.
Старшина Алексеев. Плохие шутки, товарищ Автор. Шутки разные бывают. Недавно у нас на участке один гражданин проявил настоящий героизм, хоть медаль на грудь вешай. Помог нейтрализовать матерого преступника. А через неделю сам угодил в милицию. Украл что-то на заводе.

Вот это шутка, а вы говорите.

Сосед на кухне соседку ошпарил кипятком, тоже хороша шутка. Будут судить за издевательство над личностью.

Среди писателей тоже есть шутники, которые любят пофантазировать себе во вред. Фантазируют, фантазируют, а потом приходится их отправлять в дурдом.

Мы, Алексеевы, без вашей фантазии были, есть и будем. Это говорю тебе я – старшина Алексеев. На нас держится мир, а не на вас! Сколько нас, Алексеевых, миллион, два миллиона?

Послушайте.

Старшина набрал полную грудь воздуха и крикнул, что было мочи:

– Алексеевы, отзовись!

И понеслось отовсюду:

– Есть!

– Есть!

– Есть!

– Есть!

– Есть!

Автор. И все вы Алексеевы?

– Все!

Автор. И все служите в милиции?

– Все!

Автор. Задерживаете опасных преступников?

– Задерживаем!

Автор. А насчет самбо как?

– Самбой занимаемся все, как один!

Автор. А насчет того, чтобы заложить за воротник?

– Не прочь!

Алексеев из Армавира. Квартиру недавно получил новую. Предпочтенье оказали за хорошую службу.

Алексеев из Бийска. Я тоже служу в милиции двадцать лет. От начальников вижу одно уважение.

Алексеев из Ростова-на-Дону. И меня начальство уважает.

Алексеев из Магадана. И я получил трехкомнатную квартиру. Живу, как барин.

Голоса. Мы все получили новые квартиры.

Автор. Мистика. Я, видимо, схожу с ума.

Старшина Алексеев. Не сходишь. Я знаю, как сходят с ума. Перед тем, как поступить в милицию, целый год отгорбячил в психушке. Насмотрелся, как люди изображают из себя разные предметы. Один представил себя мухой. Мы ду-

мали шутит, а он по оконному стеклу пополз. Вот как обстоит дело с психами. Вам кажется, что все Алексеевы откликнулись на мой зов? Дудки. Многие на дежурствах, а многие дрыхнут в лежку с перепоя.

Петр Петрович. Выпьем за Алексеевых, за тех, которые служат в милиции, и за всех прочих, которые работают в других местах.

Старшина. Почему не выпить с хорошими людьми. От выпивки не откажусь.

Автор. Теперь я набросаю небольшой план событий, которые будут иметь место в тексте.

1. Взгляды нашего героя на жизнь, на искусство. Характеристика героя. Оценка его творчества.
2. Знакомство с Региной.
3. Развернутое описание литературного вечера на Абельмановке.
4. Выступление писателей: чтение стихов, рассказов.
5. Шизоидные выходки некоторых гостей.
6. Любовные отношения Николая Сергеича и Регины.
7. Поездка на Юг.
8. Появление адвокатского сына.
9. Скандал в ресторане «Гагрипш».
10. Последствия скандала.
11. Регина покидает Николая Сергеича.

Вот вкратце и все.

Ушла Регина от Николая Сергеича не просто так, а с заметным скандалом.

Говорили про этот скандал многое. Одни уверяли, что Регина распутная девка, сексуальная маньячка. Прошла за свое

коротенькое существование огни и воды. Что Николай Сергеич был не первым, с кем она обошлась таким недостойным образом. Другие настаивали на том, что искала она для себя мужика побогаче. Современного «Ротшильда», ничуть не меньше. Третьи плели невесть что. Уверяли, что Николай Сергеич импотент. И оказался неспособным удовлетворить ее непомерные запросы. Один молодой человек по фамилии Тархалов клялся и божился, что ему на это обстоятельство намекнула сама Регина. Но Тархалову верить нельзя. Соврет не охнет. Ради красного словца продаст мать и отца. Короче, известный всей Москве враль.

Друзья, хорошо знавшие Николая Сергеича, сплетню эту во внимание не принимали. Отмахивались от говоривших, как от назойливых мух.

Регина жила на широкую ногу. Сорила деньгами налево и направо. Была большеглаза, большерота, длиннотела. Одеваться умела. Делала это с вдохновением. Шмутки от фарцы за любые бабки.

При расставании произошел грандиозный, как я уже говорил, скандал в ресторане, который они обычно посещали в городе Гагра, известный на всем южном побережье.

Старшина Алексеев. Теперь, известное дело, скандалы случаются всегда. Мой приятель писатель Судаков, когда расходился с третьей женой, перебил в квартире всю мебель. Чуть дом не поджег. Пришлось вызывать милицию.

Судакову простительно. Псих. Да такой, каких не видывал белый свет.

Автор. Зная Николая Сергеича не один год, могу сказать с полной уверенностью: не мог он покончить с собой из-за такого пустяка, как этот скандал.

Мог просто послать ее ко всем чертям.

Была другая, более весомая причина, но какая? Допускаю, мог быть случай, стрессовое состояние, и нет человека.

Маня. Да что вы, он находился в этот вечер в замечательном настроении. Так нас всех смешил, так смешил. Мне не верите, Ирина может удостоверить.

Автор. Думаю, что он этими шутками как щитом прикрывался от свалившихся на него бед.

Петр Петрович (*пережевывая какой-то бутерброд и вытирая рот тыльной стороной ладони*). Вот я опять хочу вам сказать, товарищ Автор, вы нас одергиваете, не даете поговорить, заявляете, что мы чуть ли не мешаем писать вашу книгу, что вам нужно развивать сюжет без видимых помех. А сами забрались в какие дебри? Вам кажется, что вы рассказываете интересные вещи, а нам скучно, мы засыпаем. Не учитываете, что нам тоже хочется поговорить на всякие темы. Не желаете понять простой вопрос, что когда человек выпьет, ему охота поговорить о своем житье-бытье. Какой же вы реалист? Путаник, а не реалист. В нашем электротехническом деле попробуй вилку сунуть не в ту розетку, сразу получишь по мозгам. С электротоком шутки плохи. Меня ваш рассказ про Николая Сергеича не интересует, он проходит мимо моих ушей, я его не воспринимаю. А вы все суете его, суете в мои уши. Не понимаю, что можно рассказать про покойника?

Ничего!

Похоронят его завтра или послезавтра родственники, пустят для видимости слезу на свежей могилке. И разойдутся по домам. Был человек, нет человека. Все. Окончена повесть.

Давайте лучше поговорим о живых делах!

Маня. Не надо про живых. Они такие мерзкие. Мы с Ириной просим Автора продолжать. Нам интересно.

Петр Петрович. Про Николая Сергеича ничего, можно кое-как стерпеть. А про Абельмановку? Про нее с какой стати столько наговорено? Кому охота знать, чем занимается ваша богема, кроме специальных органов, которые призваны разоблачать подобные явления в нашей правильной жизни? Эти люди – стиляги и бездельники, а потому не хотят трудиться, как другие граждане, не могут найти место в нашем обществе развитого социализма. Всех их нужно отправить на завод, чтобы они там исправились и перевоспитались, чтобы они писали такие книги, в которых описываются производственные процессы.
Маня. Можете в туалет ходить со своими производственными процессами!
Автор. Это уж слишком, дорогой Петр Петрович. Я про Абельмановку не обмолвился ни одним словом. Откуда вам про нее известно? Да, в дальнейшем я намерен рассказать об этом, не теперь, не в этот раз. Пока же я слова этого не произносил. Всему свое время и час.
Петр Петрович. А планчик, который вы составили? Ну, думаю, наконец, и писатели принялись трудиться по плану, как все советские учреждения. А еще я заглянул к вам в блокнот. Так просто, от скуки. Заодно и стихи прочитал. Ничего, терпимо. В особенности как кого-то хоронили на Востряковском кладбище. Вот куда забрались, в какие дебри. Как фамилия автора позабыл. Не запомнил.
Автор. На Абельмановке многие поэты читают стихи.
Петр Петрович. Читая это произведение, я едва не прослезился. У электрика одного из нашего цеха фамилия схожа с этим поэтом, но стихов он не пишет. Зачем, если за это время он может починить пару утюгов или электроплиток. Ведь, подумал я, придет время, и меня погрузят на салазки

и повезут к свежевырытой могилке через все кладбище, как вашего покойника. А если салазок не дадут, что у нас вполне может случиться, то попрут на собственных горбах.

Там один критик собирался выступить, а вы ему не дали слова. Он бы разобрал ваше творчество поподробней, не как я. Критика приятно послушать. Люблю, когда критикуют, говорят интересные вещи. Я всегда на общих профсоюзных собраниях досиживаю до конца. Слушаю, как люди грызутся между собой.

Кроме стихотворения поэта Анри или Генри, есть у вас еще рассказ некоего пожилого писателя с иностранной фамилией.

Автор. Вы имеете в виду Холли?

Петр Петрович. Его самого. Этот человек такую несет околесицу, что и сам не понимает, что у него там такое. Ни одного живого слова. Одни тыки да брыки. Смех. Издевательство над современностью. В Америке или в Австралии пусть пишут подобные рассказы. Там прочтут всякую чепуху, если на рояле играют кулаками, а то и ногами. Они все там считают себя умниками. Если не поймут, то сделают вид, что понимают, и будут восхищаться.

Нужно этого Холли раскритиковать, научить правильному тону. Пусть пишет, как все, как порядочные люди, чтобы на человеческом языке, а тарабарщину оставит.

Вы думаете, что я не видел настоящих, достойных писателей? Если хотите знать, к нам на завод приезжают самые лучшие писатели. Недавно читал свое новое произведение «Тяпкин на том свете» товарищ Слабовский. И Глеб Филатыч Киселль приезжал, тоже что-то хорошее читал. Наши писатели стремятся в рабочую среду. Считается, что таким образом они изучают производственные процессы.

Говорю я это все, товарищ Автор, для вашей пользы. Главу про Абельмановку выбросьте из головы, чтобы не мешала.

Вот и Николай Сергеич, ему-то чего лезть, так нет, несколько раз вместе с Регинои навещал богему.

Там один раз художник Пробман при всех вены себе перерезал безопасным лезвием. До чего докатились!

Вы рассказ этого Холли преподносите публике не просто так, а как нечто необыкновенное, из рук вон выходящее. У нас новаторством может считаться только то, что идет на пользу обществу.

В Америке или в Австралии – там такое сразу примут на ура. Битники всякие, хиппи только этого и ждут. По улицам города ходят в чем мать родила. Красуются своими отвислыми жопами. В нашей стране тунеядцев нет. Все должны трудиться.

У вас, товарищ Автор, есть места почище абстракций. Что, скажите, нагородили про Англичанина? Для чего описывать иностранцев – что, у нас мало своих людей? Иностранцы сами по себе, а мы сами по себе. Нам иностранцы не указ. Они за морями и океанами, а мы тут. Касательства друг к другу не имеем. Пускают их теперь к нам туристами, а они шпионят. Фотографируют наши заводы и колхозы. Мы теперь с иностранцами живем в мире. Но нужно жить бдительно, товарищи!

Приехал Англичан в Москву. Зачем его описывать. Пусть ходит по улицам. Осматривает наши достопримечательные места под руководством опытного гида.

А как вы изобразили в этом рассказе про Англичанина наших поэтов? Они у вас целыми днями гонорары в ресторанах пропивают. Поэт – лицо нашего передового общества. Представитель интеллигенции, наша гордость и слава.

Чем занимается у вас представитель английской нации? Пьянствует. Вроде у нас своих пьяниц мало. Англичане могут пьянствовать. Денег у них куры не клюют, а у нас на учете каждая копейка.

Наши поэты тоже могут выпить, но не так, как Передуев и Линяев у вас в романе.

Одна девушка на работе рассказывала, что самого Слабовского видела пьяным в дугу в трамвае. Как она говорит, он настолько был пьян, что еле-еле шевелил языком. Но девице соврать, не дорого взять. Приглашал куда-то. Предлагал кучу денег. Врет конечно. Я лично не верю ни одному слову. Как можно, чтобы солидный начальник разъезжал по Москве в трамвае? У него собственный автомобиль вместе с шофером за казенный счет. «Чайка» или другая какая. Поэт Слабовский не мальчик. У таких начальников счет в банке длиной с версту. Зачем ему девушку приглашать, если у него целое войско секретуток и другого женского пола? Нет, тут что-то не то. Похожий на Слабовского попался человек. Вот и все!

Автор. Боже, когда же я продолжу роман?

Петр Петрович. Когда хотите, тогда и продолжайте. Нам какое дело. Мы за вас писать не собираемся. Теперь вот что скажите, если вы настоящий писатель, – мог Слабовский ехать в трамвае и к девушке приставать?

Автор. Не знаю. Машина у него своя есть, но она могла сломаться. У девушки он, скорее всего, спросил какая остановка, а она подумала бог весть что.

Петр Петрович. То-то и оно. Подумала не весть что. А вы скажите – что она подумала, если вы реалист, каким представляетесь. На деле получается, что вы не реалист, а мордернист.

Автор. Вы хотите сказать, модернист?

Петр Петрович. Вот именно. У меня это мудреное словечко не держится в башке.

Ирина. Зачем вы обругиваете Автора? Он хороший человек, а вы невежа и бескультурный хам! Мы с Маней любим культурных мужчин, а не такое плебейское хамло, как вы! Когда вы видите, что перед вами культурный человек, начинаете хамить.

Хам!

Хам!

Хам!

Петр Петрович. А вот сейчас мы посмотрим, кто из нас хам и бескультурный. Только взгляните, какие у Автора в романе происходят вещи.

Все вы прекрасным образом видели, как старшина Алексеев меня дубасил, видели? Так дубасил, что в другом месте от таких побоев человек сразу даст дуба. А я цел. Невредёхонек.

Старшина Алексеев. Радуйся, что цел. При желании можно повторить.

Петр Петрович. Видели, как он меня об хельгу долбанул башкой? Башка цела, хельга цела. Разве так полагается. На лице ни одной царапины. На что это, скажите, похоже? Так ведь на самом деле не бывает. В жизни все происходит по-другому. Видели, как я этого паразита, старшину, тяпнул за палец? Сами писали, что кровь:

Кап

Кап

Кап

А где кровь, куда она подевалась?

Крови нет. И все мы целы. Фантастика.

Просто вы, товарищ Автор, сошли с ума и порете белиберду, вот что я вам скажу.

Автор. Все может быть, может, и схожу.
Маня. От вас любой нормальный человек спятит с ума!
Петр Петрович. Еще раз скажу, что такие книги могут писать только сумасшедшие в дурдоме, куда вас в конце концов и отправят.

Теперь еще раз об Англичанине. Странные истории с ним приключаются. Он у вас даже покупает автомашину марки «Волга». Вы что, не знаете, что у нас, чтобы получить «Запорожец», нужно в очереди отстоять лет пять, а то и поболее? Мы не дети. Нечего нам рассказывать сказки. И о валюте, которую Англичанин из Лондона приволок, тоже скажу. Как это он такие огромные деньги, двадцать тысяч фунтов мог пропить за две недели? А он не только пропил, но его новоявленные друзья Передуев и Линяев под конец побежали к соседям занимать на бутылку. И заблудиться он в Москве не мог. За каждым иностранцем, лучше меня знаете, хвост из оперативников с Лубянки. Органы у нас заинтересованы, чтобы иностранцы по городу без присмотра не шастали зря.
Настасья Петровна. Лучше Кречетова писателя нет!
Маня. Я люблю самоубийцу.
Автор. А я люблю мороженый керосин!
Петр Петрович. Видите, что я вам говорил. У Автора поехала крыша.
Николай Сергеич. Я никого не осуждаю. Одним нравится Кречетов, другим Набоков или Андрей Битов, третьим Пастернак или Асадов.
Старшина Алексеев. А мне, что Асадов, что Фасадов, что Пастернак, что Лапсердак – одно!

Автор. Теперь ха-ха-ха! Подверните мне гайку. Разболтались шатуны. Храм хирима хрю. Хря хря! Зимамозу Грипоно-

за. Минутку. Сейчас продолжу. Самоубийца, бийца, вийца. Он теперь...
Николай Сергеич. Что с тобой, старик?
Автор. Гайки хрум.
Николай Сергеич. Да брось ты, старик, отдохни. Давай по рюмашке. И все будет о-кэй!
Автор:

Итак.

Самоубийца старшина Алексеев по фамилии Наполеонов жил в портфеле у одной благообразной старушки, бывшей работницы Наркомпроса. Возможно, что он жил не в портфеле, а в бельевом баке. Но это не имеет в нашем повествовании ни малейшего значения.

Вот что.

Он снимал угол у самого себя.

Красиво.

Бесподобно.

Больше негде кроме, как в Моссельпроме, как выразился один известный поэт. Там его и прихлопнули, говорят, что чекисты. Но едва ли. Кому нужен такой хлюпик.

Писал

Писал

А потом сам себя и приписал.

Любил конфеты монпансье.

Старшина Алексеев. Что городит этот человек, хоть он и Автор? Призываю в свидетели, я жив и здоров и в самоубийцах никогда не состоял. За что Автор меня обозвал самоубийцей? Самоубийца лежит себе на тахте. Он – мертвяк. Я к нему приставлен, как представитель власти. У Автора явное помешательство, я как-то сразу не разглядел. Мозги съехали на одну сторону. А может, он пьян? Трезвый человек

не станет на других наговаривать всякую ерунду. И с женой я не расходился. Так зачем мне комнату снимать? Я свою жену Надю люблю, хоть она и хромоножка. Можете про это спросить у писателя Судакова. Он тоже писатель, врать не станет.
Автор. Утверждаю, что самоубийца никогда не был самоубийцей, потому что он есть старшина Наполеонов.
Петр Петрович. Теперь я знаю, зачем старшина Алексеев забирался в бельевой бак. Он там искал треуголку. Какой же может быть Наполеон без треуголки?
Старшина Алексеев. Насчет треуголки ты верно говоришь, треуголка нужна. А насчет бака врешь. Как я в него могу забраться, если во мне весу более ста кг. А тебе, римская подлюка, хорошо врежу. У, гад!
Петр Петрович. Почему гад?
Старшина Алексеев. Я его раскусил сразу. Вижу: говно, а не человек.
Автор. Вначале я думал, что старшина Алексеев поселился в хозяйственной сумке временно, чтобы отремонтировать собственную квартиру, а потом удостоверился, что у него наметился окончательный разрыв с супругой.
Старшина Алексеев. Для чего мне ремонтировать квартиру, если я ее только недавно получил. Все на месте: ванная в ванной, сортир в сортире. Обои в цветочек тоже новые, не засиженные клопами, как у других. Треуголку старую я действительно потерял, а новую заказать не могу. Перестали изготовлять. А в провинции не имеют понятия об этом предмете.

Вот так, так, так!

Автор. Плата за комнату небольшая. Рублей тридцать. Так что старшине Наполеонову не стоило большого труда выкладывать деньги. А для старушки подспорье.

Старшина Алексеев. Это ты обо мне? Да для нашего с Надей бюджета это огромная сумма. Откуда у нас лишние деньги?
Автор. С Наполеоновым, который служил в милиции старшиной, мы встречались на художественных выставках и в кафе «Националь».
Старшина Алексеев. Да я, если хочешь знать, обхожу вашу «Националь» за километр. Что мне там делать? Туда наведываются одни аферисты. Я лучше с приятелем или с каким бомжем возле продмага соображу на троих. Ваша «Грицеональ» мне до фени!
Автор. Прежде Самоубийца слыл человеком жизнерадостным. Мы встречались во многих московских домах. И в ЦДЛ и в доме художников.

Так или иначе, но в последние дни я имел непосредственную возможность наблюдать его вблизи. А если добавить к этому слухи, ходившие по городу, то можно составить сносную картину подобной трагической развязки.
Старшина Алексеев. А я говорю, что прежде с Автором не встречался. На троих с ним не соображали. Вижу его в первый раз. Надеюсь и в последний. Может быть, приводили пьяного в отделение, но я в тот день был свободен от дежурства. А он думал, что это я. Тех, которых приводят в милицию, потом узнать невозможно. У них рожи делаются на обе стороны перекошенные, на человеческие не похожие. Я это к чему говорю:

Если Автор был пьян, когда в отделение приводили, то как его теперь узнать? Наполеоном он меня зря обзывает.

Ошибка.

Я не Наполеон! Я с Наполеоном состою в дружбе еще с той самой войны, а не с этой.

Туго тогда приходилось. Воюем против немцев, а генерал Брусилов нам помогает. Лежит за пулеметом системы «Максим» и строчит. А я подтаскиваю патроны. Он лежит, стреляет и одновременно разрабатывает стратегический план, как французов удобней победить. А потом все перепуталось. Когда я поступил на службу к Наполеону, все подумали, что я и есть Наполеон. А Наполеон был он, неведанный избранник, генерал Брусилов. Треуголка мне нужна. Свою потерял в бою. А Брусилов все стреляет, стреляет, как черт, а я гранаты и снаряды целыми ящиками подношу.

Тут команда:

– Вперед! –

Бежим

Лежим

Атакуем.

Берем с боем кафе «Националь».

Брусилов и тут не ударил лицом в грязь. Носится по залу. Обслуживает клиентов. Один бифштекс заказал, а он припер противотанковую гранату. Посетители лопаются от смеха. А из них выскакивают Наполеоны. Выскакивают и превращаются в Брусиловых. Десять Брусиловых, двадцать, сто.

В кафе тишина.

ПрорыРазрыв.

Который потом назвали Брусиловским.

Трикотажная фабрика под руководством Брусилова, потому что он директор. Выпускает трико дамское необъятного размера.

Трико выпускаются

Брусилов ругается

Потому что изделия на ходу из синих превращаются в желтые.

– Портачи, халтурщики, – возмущается Наполеон, – везде пролазы пролезут. Гонишь в дверь, они в окно.

Брусилов возмущается

Сражение продолжается

В конце концов все благополучно завершается.

Наполеон. В горах, скажу вам, господа, воевать значительно труднее, чем на ровном месте, потому что окна в кафе большие, но грязные.

Брусилов. Сойдет. Народ приходит выпить, закусить, а не пейзажами наслаждаться.

Старшина Алексеев. Мы как пустили очередь – а они все падают и падают, потом поднимаются, чтобы опять упасть.

Женщина. Купила в магазине трико, а оно такого размера, хоть на слона надевай. Обратно не принимают. Плакали денежки два рубля девяносто четыре копейки.

Старшина Алексеев. А пушки как ахнут, как ахнут, как на настоящей войне. А мы просто так.

Наполеон идет не спеша по улице Горького. В руке треуголка. За кушаком топор.

Старшина Алексеев. А у меня треуголки нет. Теперь их не изготовляют. Говорят, что Наполеоны все вышли, перевелись. Только мы вдвоем остались. Да Брусилов в придачу.

Николай Сергеич. Проснулся я в семь.

Зажег настольную лампу. Даже не лампу, а осветитель для просмотра картин, который у меня вместо лампы приспособлен.

Включил осветитель.

Шарю по столику.

Где часы?

Вот они.

Столик рядом с диваном, на котором сплю.

На столике книги и бумаги. Страшно не люблю, когда нужной вещи не оказывается на месте. Привычка дурацкая, а поделать ничего не могу, сколько ни старался. Вот «Петербург» Андрея Белого. Застрял где-то на сто пятидесятой странице, не могу дочитать.

Вот еще какая-то книга, тоже не окончена. И когда окончу, неизвестно. Старушку, у которой снимаю комнату, предупредил:

– Переложишь вещь на другое место, съеду незамедлительно.

Радиоприемник под рукой.

Дотянулся

Повернул ручку

Услышал щелчок

Приемник старый, Рига-6. Купил на толкучке за 15 р.

Главное утром, чтобы из-под одеяла не вылезать. А лежать и лежать, свернувшись калачиком, подперев щеку ладонью правой руки.

И еще пунктик. Если вещи не оказалось на том месте, где надлежит быть, весь день насмарку.

Вздор.

А по нервам вроде прошел электроток.

Ерунда.

Но чем больше успокаиваешь себя, тем острее напряжение. До такого доходишь состояния, что хочется выпрыгнуть в окно. Жаль, что комната на первом.

Автор. Эта маленькая деталь на многое открывает глаза. Является ключевым моментов в понимании причины самоубийства.

Николай Сергеич. Я что-то не то сказал?

Автор. Что ты, что ты, наоборот!
Николай Сергеич. После такой встряски никакая работа в течение всего дня не идет на ум. Думаю, что таким вот образом люди сходят с ума. Начинается с мелочей, с незначительного, а кончается петлей на чердаке или в сортире.
Автор. Понятно.
Николай Сергеич. Проснулся я в семь.

Вставать, хоть убей, неохота. Перевернулся на другой бок. Полежал. Убедился, что больше не уснуть. Чувствую, что мочевой пузырь вот-вот взорвется.

Ооо! Ааа!

В сортир идти неохота. Для того чтобы встать, нужно вытряхнуться из-под одеяла, а это выше моих сил.

Теперь мне сорок шесть, а вставать в уборную не научился, как в детстве.

Терплю

Живот трещит

Разрывается на части.

Фантазирую:

– Почему люди до сего времени не изобрели приспособление, чтобы не вставать, а совершать этот малоприятный процесс прямо в постели?

Уборная напротив.

Дверь в дверь.

Можно в одних трусах.

По утрам, может, и вы замечали, чувствуешь себя полуживым, разделенным на две половины. Взаимодействие между ними отсутствует. Голова подает сигнал: «Вставай, надевай порты и рубаху, открывай дверь, входи в сортир. Вынимай прибор из штанов, пускай струю в унитаз, чтобы она звенела и пела». Тело, как бревно, ни одного, даже еле заметного

шевеления. Человек мертв. Мозг работает судорожно, напряженно, с удвоенной энергией. Но выхода из создавшегося положения не находит.

Выхода нет!

В постели тепло, уютно, удобно. Комната небольшая. Десять квадратных метров. По сути дела чулан. Хозяйка – старушка, пенсионерка. Прежде работала секретарем у какого-то министра или в другом месте. Теперь никому не нужна. Старенькая старушка, седая, глуховатая при том, и совершенно белая, но живая: топ, топ, понеслась на кухню; топ, топ, поскакала в магазин.

Слышимость в квартире идеальная. Все слышно: что делается на кухне, что в ванной, что в уборной. Люди со временем перестают друг друга стесняться.

Привыкают.

Моя молодая соседка, что за стеной, частенько забывает закрыть дверь в туалете на задвижку. Иногда нарвешься, когда она, забравшись на унитаз с ногами, вывернув лоно, пускает струю. Смеется, стервоза, довольна. Вскрикнет, вроде испугалась. Но чувствуется, что это ей доставляет особое, сродни оргазму, удовольствие.

Плату за комнату старушка берет умеренную, 30 р.

То, что она слегка глуховата, мне на руку. Не слышит, что у меня происходит, когда гости, о чем разговор. Мне не надоедает. Зайдет раз в месяц, чтобы получить деньги за постой.

Мне кажется, что Автора слегка коробит от такого натуралистического изображения. Что поделаешь, такова жизнь. Он поторопился представить мою персону книжным героем, который не ест, не пьет, дам за задницы не лапает.

А я живу как все, без романтических бредней.

За молодой соседкой подглядываю, когда она в дырявом халате с одной пуговицей на животе выскакивает на кухню. Причем этот халат надет у нее на голое тело.

Весьма эротичная особа.

Хочется повалить ее прямо на кухне на пол и выебать за милую душу.

Догадывается бестия, что нравится. Нарочно иногда так повернется, что тело обнажается до самого пупка.

Проснулся я в семь.

Думаю, если людям рассказать про то, что взрослому человеку неохота подниматься по утрам в туалет, не поверят.

Уборная рядом. Слышно, как булькает унитаз. К этому бульканью я привык. Иногда не разберешь, то ль унитаз булькает, то ли в животе бурчит.

Все мы дети.

Только многие привыкли притворяться взрослыми. И чем больше притворяются, тем становятся смешней.

Дети мы, дети, разных возрастов и размеров.

Как только взрослый человек заглянет к себе в душу, так детское в нем и начинает проявляться.

Недаром взрослые, и я в их числе, страсть как любят рассматривать картинки в книжках, читать сказки Андерсена, братьев Гримм или Геннадия Цыферова, хотя все это стараются тщательно скрыть.

И только оставшись наедине с собой, становятся раскованней. Могут сплясать какой-нибудь загадочный танец, спеть песенку «Мишка, мишка, где твоя улыбка...»

Проснулся я в семь.

Лежу.

Мысли сами лезут в голову, как солдаты сквозь колючую проволоку во время атаки.

Здравствуй.

Приполз 1938 год.

Пошел прочь!

Было мне тогда 18 лет. Затащили дружки в пьяную компанию. Напоили. Только опьянел, девушка подсела. Не понимая, что делаю, принялся обнимать, целовать. Все смеются. Мне тоже смешно и весело. Потом оказались вдвоем в садике, в беседке. Трусики на ней разорвал, но так ничего и не получилось. Не знал, что нужно делать.

С другой в Костроме. Уже во время войны. В 1942 году. Успел побывать на фронте. Получил пулю, которая попала в правую руку. Отморозил обе ноги.

Госпиталь.

Запасной полк.

Высшие стрелково-тактические курсы.

Учебная бригада в костромских лесах.

Скука.

Ходили, впрочем, полуголодные.

Познакомились на пристани парома. Моста через реку в Костроме не было.

Несколько пристальных взглядов. Несколько случайных слов. И знакомство состоялось.

Некрасива.

Это заметил сразу.

Приземистое, нечистоплотное существо.

Что поделаешь, влечение к половому акту в таком возрасте огромно. На корову с тоски полезешь.

Эта лошадка быстро обучила меня всем премудростям случайной любви.

Жутковато.

Неприятно.

Хочется смыться, куда глядят глаза.

Потом втягиваешься.

Привыкаешь.

Ужасно, если женщина нечистоплотна. Первый раз удрал от нее. Она на кухню, а я в окошко. Спрыгнул со второго этажа. Едва не сломал ногу.

Через неделю снова у нее.

Простила.

Потом прихватил приятеля. И ему она подыскала подружку.

Та постарше. Но посимпатичней.

Завертелось все.

Закружилось в пьяном угаре.

Вакханалия.

Ходим по комнате голые, забыв уже, какая кому из нас принадлежит.

Так впервые я увидел вблизи обнаженное женское тело.

Вскоре отправили на фронт. И меня и моего дружка.

Про этих больше не вспоминал. Только теперь вспомнил. Всплыла в сознании вся тогдашняя картина. Лица женщин в картине плоские, как деревянные лопаты.

Ни глаз

Ни носов

Тела, однако, жопастые, грудастые, сильные, молодые.

Все мое существо восставало против подобной скотской любви. Потом убедился, что, в сущности, все женщины одинаковы. А если есть разница, то она микроскопически невелика.

Прежде мне казалось, что любовь возвышенна, неповторима, чиста.

Спасибо тебе, костромская лошадка, за урок.

Где ты теперь? Может, еще жива? Может, до сего времени вспоминаешь случайного лейтенанта?

Тем, которые начинают жить с женщинами рано, легче. Они привыкают ко всему, не понимая сути. Мне было 22. Ждал чего-то особенного, а напоролся на скотство.

Третья – тамбовская. Лежал в госпитале. Пуля попала в челюсть. Ранение тяжелое. Перед выпиской уже, сидя в столовой, полушутя говорю официантке, что в городе никого не знаю, придется ночевать на вокзале. Предложила свои услуги. Во время войны нравы упрощены. Не посмел отказаться.

Пришел.

У нее какие-то дела.

Сказала:

– Хотите, посидите дома, хотите, сходите в кино.

Дома одному сидеть не больно охота. Пошел в кино.

Перед сеансом танцы.

Играет военная музыка.

Солдаты на сцене с медными трубами. Девушки стоят у стены. Посматривают с вожделением во все глаза на музыкантов. В особенности на чернявого трубача. Чувствуется, что все в него влюблены.

Танцевать не стал. Полагая себя не совсем окрепшим.

Трубачу девушки строят глазки. Кокетничают напропалую. На меня не обращают внимания, хоть я офицер.

Трубач в новой, подогнанной по кости шинели. Шапка на нем переделанная под кубанку.

Чуб вьется.

На мне шинель солдатская. На сукне пятно от запекшейся крови. В этой самой шинели старшина и ординарец выносили меня тяжелораненого из боя.

Пулю получил от снайпера, видимо блеснули стекла бинокля, когда рассматривал позицию противника.

Окоп узкий.

Солдат битком.

Досталось моим спасителям. Волокли по дну траншеи. Противник лупит из минометов. Пыль столбом. Клочья человеческих тел.

Лед

Дон

Кровь

Мина – ах!

Пошли солдаты под лед.

Не выплывешь.

Вода ледяная. Больше двух-трех минут не продержишься на поверхности.

Лед хрупкий.

Солдаты один за другим под него соскальзывают.

Амуниция тянет ко дну.

На дворе декабрь месяц.

В молодости я был застенчив.

Потом обнаглел...

Однажды мы с лейтенантом Чесноковым оказались у казачек. Сами пьяны. Их тоже напоили. Завалились с ними. Та, с которой я, обвязалась для чего-то по голому телу мочальной веревкой. Так и отдавалась. Не мог снять.

Полк догнали на марше. Проснулись утром, в станице ни души.

Где полк?

Снялся и ушел в сторону фронта, пока мы еблись с бабами.

Старичок указал дорогу. Да мы и сами могли догадаться.

Потом говорили, что командир полка вызывал раз пять:

– Где командир роты автоматчиков?

Меня нет. За такое в трибунал можно свободно угодить.

В штрафную роту.

Пронесло.

Командир полка хороший мужик.

Как устроен мир. Сколько тогда всего происходило, сколько людей, с которыми хлебали из одного котелка. Почти ничего в памяти не осталось.

Где эти люди? Живы ли они?

Я рад, что сбросил с себя груз воспоминаний тех лет. Прошлое принадлежит прошлому.

Доброго вам здоровья, позабытые друзья! Потерло нас, покачало, потаскало по военным дорогам достаточно.

Сколько крови-то утекло, говорят 27 миллионов? Где там. Кто их считал, разбросанных по полям и лесам, и непогребенных до сего времени.

Доброго вам здоровья, и живые и мертвые.

Живите в мире!

Женщин у меня было потом предостаточно.

Теперь добрую половину не вспомнишь.

Были любовницы, и случайные на одну ночь, и так.

Неприлично, понимаю, рассказывать о своих связях с женщинами, но удержаться не могу.

Такова жизнь, господа!

1. Истеричка.
2. Неповоротлива даже в постели.
3. Приходила. Заводила радиолу. Раздевалась догола. Танцевала. Удивлялась, когда предлагал лечь в постель.
4. Всегда спешила
5. Грязное белье. Волосы расчесывала редко.
6. Деловита. Все рассчитывала по минутам.
7. Красилась так, что после нее в прачечной с трудом отстирывали белье.

8. Всегда опаздывала.
9. Алкоголичка.
10. Говорила каждый раз одно и тоже: «Посмотри, какие у меня красивые ноги, милый».
11. Родинка на правой ноге. Чуть выше коленки.
12. Изменяла даже с телеграфным столбом.
13. Говорила, что безумно любит мужа.
14. Считала себя интеллектуалкой. Когда-то прочитала роман Льва Толстого «Война и мир».
15. Спрашивала, что я говорю женщинам, прежде чем лечь в постель.
16. После соития прыгала минут двадцать, чтобы не забеременеть. – Говорили, помогает.
17. Неизвестно зачем приходила.
18. Любили подарки.
19. Непомерно огромные груди. При всяком удобном случае выставляла их напоказ.
20. Что ни день, то новая прическа. К остальному относилась равнодушно.
21. Называла меня Лапа.
22. Называла меня Рыбонька.
23. Любила рассказывать про то, как ее любили предыдущие мужчины.
24. Невероятно худа. Морила себя голодом.
25. Умела сносно приготовлять кофе.
26. Молчала.
27. Ходила голой по квартире. Чем приводила соседей в неописуемый ужас.
28. Не сводишь в ВТО, ночевать не останется. Ни разу не уклонилась от этого правила.
29. Ездила только на такси, представляете, в какую копеечку это влетало?

30. Ни за что не хотела раздеваться. Ложилась в постель в верхней одежде.
31. Любила выражение «Я этого не понимаю». Употребляла его во всех случаях жизни.
32. Ела и пила за троих. В ресторан ходить накладно.
33. Всем курортам предпочитала Гагры.
34. Спрашивала: «Ты меня еще любишь, бобик?»
35. Ходила во всем красном. Называл ее «Взбесившаяся свекла».
36. Жила в высотном доме на 28 этаже.
37. За любовь старалась получить деньги. Иногда получалось.
38. Рыдала по делу и просто так.
39. Волосатые ноги.
40. Познакомились на вокзале.
41. О Федоре Михайловиче Достоевском отзывалась, что он ужасный идиот.
42. Требовала, чтобы вылезал в окно. Хорошо, что жила на первом этаже.
43. Помешана на театре.
44. Зла, как кошка. Даже корябалась.
45. Кажется, любила пирожные «Эклер».
46. Крашеная блондинка.
47. Жена хорошего знакомого.
48. Кроме меня, имела еще трех любовников.
49. Знала английский язык.
50. Хорошо танцевала.
51. Ржала, как лошадь.
52. Об этой неприлично говорить.
53. Не могу вспомнить, что она любила.
54. Цистерна.
55. Вроде бы мы любили друг друга.

56. Близорука. Промахивалась. Целовала в нос.
57. Невероятно музыкальна. Пела даже в постели.
58. Никогда не оставалась ночевать.
59. Металлические зубы.
60. Приходила со своими простынями.
61. Уверяла, что впервые изменила мужу.
62. Что-то я от нее подцепил.
63. Дрянь, каких не видывал свет.
64. Если бы еще один горб, можно было сравнить с двугорбым верблюдом.
65. Любила стихи Роберта Рождественского.
66. Возил в Ялту.
67. Требовала, чтобы разошелся с женой.
68. Украла часы.
69. Хочешь не хочешь, веди в кабак.
70. Хотела иметь от меня ребенка.
71. Думала, что у нее красивое тело.
72. Не знала, что я женат. Допытывалась непрестанно.
73. Сексуальная маньячка. Пояснять неудобно.
74. Крыла матом не хуже постового милиционера.
75. Хозяйственная. Любила наводить чистоту.
76. Приходила, но никогда не хотела уходить. Приходилось выставлять силой.
77. Бешеная собака. Разговаривал при помощи палки. Редко, но помогало.
78. Нежна до неприличия. Сюсюкала: «Можно я поцелую тебя в лобик?»
79. Раздевалась мгновенно. Одевалась часа два.
80. Паскудина.
81. Ничего себе.
82. Рестораны называла кабаками, мужиков чуваками.

83. Работала в доме моделей.
84. Похожа на эскимоску.
85. Предполагала, что красива. Однако кроме меня никто на нее не польстился. Оказалась девушкой.
86. 28 лет. Четверо детей. С мужем отношения хорошие.
87. Этой казалось, что Николай Васильевич Гоголь игрок сборной футбольной команды страны.
88. Умоляла, чтобы я не рассказывал о наших отношениях. Сама трепалась об этом на каждом перекрестке.
89. Самая короткая встреча. Зашел к приятелю. Вместо него оказалась девушка. Повалил на диван. Через 20 минут она попросила, чтобы ушел. Мог вернуться приятель.
90. Употребляла духи «Красная Москва».
91. Громыхала, как грузовик.
92. Засыпала на самом интересном месте.
93. Каждый раз приходилось все начинать сначала. Клясться в вечной любви. Говорить, что она единственная.
94. Самая продолжительная связь. Полтора месяца.
95. Любовница – утешительница. Появлялась в трудную минуту.
96. Эта действительно была красива.
97. Скрипучий голос.
98. Что-то мягкое. Что-то теплое. Сомневаюсь, она ли это.
99. Был пьян. Кажется, у меня ночевала женщина.
100. Все время выясняли отношения. Больше в памяти ничего не осталось.
101. Встречались ночью. Лица не видел.
102. Ковырялась в носу.
103. Была ли она женщиной?
104. Туфли на страшно высоких каблуках.
105. Своего добилась. Познакомила с мужем.

Сколько народу погибло тогда. Про себя знал: останусь жив. И не ошибся. Сослуживцы не верили. На рожон не лез. Но и трусом себя не считаю. Опыт большой. Летит снаряд, а ты пытаешься определить, куда он бухнет. Погибали новички, новобранцы. Народ, прошедший через мясорубку, держался долго.

Мне везло. Рота автоматчиков, которой командовал, большую часть времени находилась при штабе полка, как бы в резерве.

Проснулся я в семь.

Где вчера носило? Заходил что ли в «Националь»? С кем-то о чем-то договаривался? Куда-то приглашали?

Полежу.

Может, вспомню.

Попал в последнее время в какой-то круговорот.

С кем встречаешься, с кем договариваешься, спроси через час, не вспомнишь.

Тоска

Непроходимая скука

Деваться некуда

Вот и торчишь в этом кафе вкупе с Голевым и Далацким.

Когда мы с лейтенантом Чесноковым отстали от части, тогда все обошлось.

В трибунал не попали.

Полк бросили в бой сразу, с марша.

Вызывает командир полка.

Думал, будет читать мораль. А в штабе военный совет.

За столом генерал, наш полковник и другие чины.

Командир третьего батальона красавец грузин стоит на вытяжку. Выслушивает боевой приказ.

Вижу, про меня забыли.

Присел в уголок.

Прикорнул.

Или я тогда в Тамбове в уголке задремал?

В Тамбове девушки.

Тут одни военные: полковники и генералы.

Один я лейтенант, да комбат, который застыл, как изваяние, дотронься, переломится пополам.

Про меня забыли.

Думаю.

Во сколько я к этой женщине должен возвратиться?

Чувствую, однако, что на утро готовится наступление.

Наконец кто-то вспомнил про меня.

Командир полка говорит:

– Вот еще командир роты автоматчиков вызван.

Меня кто-то успел растолкать.

Поднялся

Вытянулся, как комбат

Жду, что скажут.

Сунул генерал под нос карту:

– Вот тут правый фланг вашего полка, видишь?

– Вижу.

– Прикроешь своей ротой.

– Есть!

– Можешь идти.

– Есть!

– Погоди.

– Есть!

– Держи связь с соседним батальоном.

– Есть!

Комбат в ямке на берегу Дона. Залез к нему. На двоих места хватает. Наступление на рассвете. Сигнал – три зеленые ракеты.

Поспим часок.

Вперед, суки! Вперед! Спускайся на лед. Опускайся под лед. На дно Дона. В мерзлую воду. Смелей. В атаку, ура! Ура! Бей! Круши! Вставай! Ложись, если дорога жизнь!

Вперед

Назад

Вход

Выход

Вдох

Выдох

Давай патроны

Снимай кальсоны

Залезай в вагоны

Алло

Кто у телефона?

А я говорю, всех перебьют.

Впереди проволочное заграждение.

Рогатки.

Растаскивай рогатки!

Саперы!

Где саперы?

Саперы, вперед!

Грызите зубами колючую проволоку, еб вашу мать!

– Товарищ лейтенант, там одни трупы.

– Грызи зубами трупы!

Рота, потихоньку. Помаленьку к овражку подбирайся, в овражек забирайся...

Огонь

Огонь

Огонь

Сади из всех стволов!

Жопы не поднимать. Прячь жопы... новобра... бра... бра!

Патроны береги. Беги!

Товарищ первый, высоту взяли.

Дела неважные

Потери огромные

В одной моей роте... Про остальных говорить не приходится. Остальные, как бра... бра... новобра...

Мои ухитрились заползти своевременно в овражек.

Сидят

Лежат

Дышат

Приказываю им голов не поднимать, еб иху мать перемать!

Все в порядке, товарищ первый, все в порядке. С нас взятки гладки.

Только вот фрицы, гады, ухлопали моего зама лейтенанта Чеснокова, с которым мы вместе у баб... об... аба...

Что вы говорите, все оживут?

Чудеса в решете. Невообразимо этому рад.

А немцы, фрицы или итальянцы, как проклятые, жмут.

Если так будет продолжаться, они нас с высоты попрут. Что они уже и делали за последнее время не один раз.

Мы, товарищ первый, овражек заняли. Лежим с бабами в обнимку.

– С какими бабами?

– С такими бабами.

Вы думаете, что начальству можно, а другим нельзя. Каждый рядовой притащил с собой из соседней станицы по дебелой казачке.

Вот сейчас дам команду и они, как ошалелые, помчатся вперед на противника!

Будем держаться, драться до последнего солдата, до последнего патрона.

Товарищ полковник, товарищ первый, я говорю из медсанбата. Я держусь не за приклад автомата, а за нежную ручку медсестры. Весьма симпатичная девушка. Загляденье. У нее такие же голубые глаза, как у того немца, испанца или итальянца, которого я расстрелял в упор. Всадил весь диск.

Решето.

Говорю, что немец, испанец или итальянец превратился в решето.

Ну и немцы, ну и испанцы, ну и итальянцы – подлецы, лупят сразу из всех минометов.

Может это не немцы, итальянцы или испанцы?

Правда, говорили, что тут занимает оборону испанская «Голубая дивизия».

Может быть.

У нас окопчик узенький. Народу в нем тьма. Сотни две.

Я тут оказался случайно. Мои автоматчики в овражке. Пусть спят. Почему спят? Да потому, что три ночи перед этим не спали.

Со мной старшина роты и ординарец. Как его фамилия: Черный, Чернявый, Черногрудый, или Чернего, или Диего?

Теснота.

Повернуться в этой дыре нет сил. Как они меня раненого будут выносить?

Тяп, тяп, мины тяпают.

Тяп, человек пять, а то и более, кто в медсанбат, кто на тот свет.

Нет, это не моя кровь, я еще жив. Взыыы, просвистела очередная мина.

В медсанбате хорошо.

– Сестричка, можно я вас поцелую? Я не ощущал запах женщины целый год, можно? Дайте мне подержаться за вашу невообразимую ручку!

Привет. Всем, кто погиб, привет!

Доктор. Рана у вас, лейтенант, на удивление удачная. Еще бы пол сантиметра, и вам каюк, угодила бы в сонную артерию. Надеюсь, что вы это понимаете?

– Понимаю, понимаю. Снайпер оказался джентльмен.

А я в этого немца, итальянца или испанца всадил весь диск. 71 патрон, изрешетил его в пух.

Доктор. Не может быть!

– Клянусь.

Доктор. Интересная была бы операция.

– Что вы, доктор, от него ничего не осталось. Весь диск, 71 патрон, представляете?

Медсестра. Что прикажете, местную анестезию?

Доктор. Да. Пуля застряла на выходе, чуть ниже лопатки, была уже на излете. Видите, вот в углу рта входное, затем шея, плечо. Как она ему сонную артерию не перешибла? Тогда конец. Мгновенье и ничего нет. Счастливый вы человек, лейтенант. Удивительное ранение, можно сказать, уникальное. Возьмите пулю.

– Зачем?

– На память. Многие двуногие просят, берут на память. Потом на цепочку. И носят на шее.

– Не нужно, доктор. Не пулю. Медсестру не нужно отсылать. Сто лет не видел такой симпатичной девушки. Прежде был застенчив.

Жаль полковника. Отличный был командир, прекрасный человек.

Почему на Дону в этом году в декабре такой тонкий лед? Какое сегодня число?

Доктор. Вам зачем?

– Полковник убит в первый день наступления.

Правый фланг, за который я отвечал, так загнулся, что никакого фланга там, где он должен быть, не оказалось. Впереди немцы, итальянцы или испанцы засели в дзотах. Наша артиллерия не оставила живого места на этих высотах. За тридцать минут артподготовки артиллеристы выпустили 12 тысяч снарядов.

Фантастика.

В живых у них остался один немец, итальянец или испанец. Да и тот сошел с ума.

Ад!

Сущий ад!

– Полковник, передайте привет моим автоматчикам, которые, как и вы, попали в Ад.

Я жив!

Жив, черт подери!

Знал, что останусь жив.

Перед самым наступлением мы с лейтенантом Чесноковым ночевали у баб.

Рай.

Сказка наяву. Для чего она перепоясывалась мочалой?

Доктор. Не понимаю, что они там думают на передовой?

– А что?

– Возят в медсанбат мертвяков.

– Вы считаете меня мертвецом?

Доктор. Да не вас. Час тому назад привезли мертвого полковника. Спрашиваю, зачем? Говорят, скоты, нужно сделать операцию. Какая может быть операция, если он мертв? Если

бомба угодила ему в голову? Если от него кроме куска сапога и части подбородка ничего не осталось? Не могли, лентяи, похоронить на месте.
– Я знаю полковника. Это наш командир полка. Бомба разорвалась в нескольких шагах от него. Может, это не его сапог и подбородок? Там была такая каша, полегло не менее трех десятков человек. Злополучная переправа.
Доктор. Всех бы и хоронили в братской могиле, как полагается. Чего тут рассуждать. Мы не успеваем управляться с живыми. Мой помощник, военврач третьего ранга, смоталась к мужу.
– Жена погибшего полковника?
– Да.
– Бедная черепаха.
Доктор. Какая черепаха?
– В окопе у немцев, итальянцев или испанцев нашли черепаху. Она была мертва.
Доктор. Черепаха?
– Нет, полковая аптечка. На переправе погибла уйма народа. Если бы вы только видели, доктор, что там творилось. Самолеты вынырнули из-за высоты внезапно (дело случая). Никто не успел укрыться. Не могли, в самом деле, немцы, итальянцы или испанцы знать, что в этом месте скопление наших войск! Нелепое происшествие. Черепаха оказалась мертва. Не кормили. Потом ударили морозы. Немцы, итальянцы или испанцы удрали, а черепаху бросили.

Женщин у нас в полку не было совершенно. Какая у вас, сестричка, нежная, какая приятная рука! Как приятно пахнет ваша кожа! Я никогда не встречал...
Доктор. Это моя рука, оставьте ее в покое. Сестра теперь занята. Она пришивает подбородок полковника к сапогу. Нужно же что-то делать!

– Простите, доктор, во Владимире в соборе похоронен палец Александра Невского. Почему не похоронить подбородок полковника? А если есть кусок сапога, то этого больше чем достаточно.

Какой же я дурак, мне нужно было похоронить живот этого немца, итальянца или испанца. Бедный немчик, бедный итальяшка, бедный испашка, как мне его жалко. Они, понимаете, не приучены к морозам. От холода гибнут, как черепахи. Одна царапина и человеку каюк. Доктор, может человек погибнуть от одной царапины?
– Может!
– А если я ему оцарапал живот, всадил весь диск, 71 патрон? Там и хоронить, честно говоря, нечего. Как бомба шмякнула в человеческие тела, так все и потекло в разные стороны: шмяк, шмяк, шмяк! Всего одна штука, а сколько покойников, куча костей и мяса. Мудреное дело: каким образом удалось разыскать кусок сапога и подбородок полковника?
Доктор. Опознала жена.

Ясно.

Пришел я в Тамбове к этой женщине. Она уже дома.

Публика из кинотеатра разошлась, как только закончилась музыка. Картину смотреть не стали. Ее показывали уже в двадцать пятый раз. Девушки приходили, чтобы полюбоваться на музыкантов. Бомба, которая ухлопала полковника, могла угодить в кинотеатр. Такое бывало ни раз. В Тамбове все обошлось. Как только музыка перестала играть, девушки ринулись на сцену. Целуют чернявого. Оказалось, что все они в него влюблены. Что они ради него стоят весь вечер возле стены, а потом, как по команде, бросаются на сцену.

Урааа!

В атаку!

Что им оставалось делать, если в Тамбове, кроме случайных, вроде меня, одни музыканты.

Чернявый красавчик. Даже шестимесячную завивку сделал. Знает, бестия, что девушки ради него приходят.

Кинулись они на него.

Пуговицы

Воротник

Хлястик

Клочья белья.

Одна оторвала нос. Другая ухо. Третья кусок щеки.

Зал замер.

Прибежала милиция.

Поздно.

От чернявого остался один чуб.

От греха подальше я смылся из кинотеатра. Говорят, что он к утру сгорел.

Самая рьяная поклонница прижала чуб чернявого к груди и рыдала на весь город.

Добежал я до неприятельского окопа, а там уже наших солдат полно. Невозможно втиснуться. Немцы, итальянцы или испанцы бьют из минометов, как кувалдой по голове.

– Какая вы приятная, хоть работаете в госпитале официанткой.

– Прежде я была женой офицера. Такого, как вы. Он тоже лейтенант. Муж перед войной служил на самой западной границе.

Когда «они» напали, мне удалось добраться до Тамбова. Поначалу приходилось тяжело. Едва вместе с сыном не погибли с голода.

Я член Тамбовского городского совета.

Мужчин в городе почти нет.

– Какие у вас мягкие волосы, какие упругие груди.
– Тише, вы меня задушите!
– От вашего тела так приятно пахнет. Та в Костроме была не такая. Рабочая лошадка. И запах от нее исходил соответствующий. Пахло лошадиным потом.

У вас такие приятные глаза, брови. Стройные ноги. Вы у меня всего только третья.
– Милый, охота тебе заниматься подсчетом, терять напрасно время?
– Но я не знаю, что нужно делать, совсем не знаю.
– Целуй меня крепче, только не задуши!
– Можно я лягу рядом с вами?
– Нет, поздно. Проснулся сын. Я ухожу к нему.
– Но я...
– Поздно. Какой вы еще зеленый. Совсем мальчик, как сын, хотя такой большой.
– Но, вы у меня всего... Я был на войне. Я остался жив... Я знал, что не мог умереть... Если бы я не ушел в свое время от полковника, у которого я был адъютантом, я бы, как и другие, лежал... А доктор обдумывал бы, как сподручней присобачить кусок сапога к моему подбородку.

Женщина ушла от меня.

Я уснул.

Я настаивать не умел.

Я устал.

Я был еще очень слаб.

Я ничего не мог сделать для женщины, которая пригласила меня к себе.

Я робел.

Я не знал, что нужно делать, что говорить.

Я был еще...

Все остальные потом.

Потом все происходило на удивление просто.

Я говорил: раздевайся, ложись. И женщины раздевались, ложились. Как по команде, без излишних сантиментов.

Та в Костроме сама затащила меня на себя.

Утром женщина ушла на работу

Тамбов

Вокзал

Подбородок

Кусок сапога

Хлястик от шинели

Чуб Чернявого

Трубача разорвали на части

Разве он виноват, он, завитой барашек?

Ему хотелось жить

Красоваться на сцене

Дуть в трубу

Целовать девушек

Да, картина в тамбовском кинотеатре сложилась пострашнее, чем на войне.

В атаку я ходил несколько раз.

Первый раз под Москвой в 41-м с примкнутым к винтовке граненым штыком. Немцы не выдержали, побежали.

Другой раз на Дону. В тот самый день, когда был убит полковник. Бомба трахнула его по голове. Уцелел кусок сапога и подбородок. Опознала жена. Но она могла ошибиться. Хотя, если рассудить здраво, должно что-то остаться от человека, чтобы можно было это что-то похоронить.

В госпитале я эту официантку поначалу не замечал. Разговорились в последний день. Как ей хотелось иметь мужчину хоть на одну ночь. А я был непроходимо глуп.

Вот и все.

Да и ранение тяжелое. Провалялся в госпитале месяца три.

Ослаб.

Как вышел на улицу, закружилась голова.

Мы с лейтенантом Чесноковым тогда от казачек подхватили по трипаку. Триппер не страшен. Шут с ним. Ходили лечиться к одному врачу.

Доктор. Вы думаете, что у военврача одна забота – лечить ваши триппера, молодой человек? Есть приказ: всех заболевших этой болезнью направлять в штрафные роты!

Полковник. Вам кажется, что в штрафных ротах не люди?

Доктор. Здравствуйте, полковник!

Полковник. Вы не ответили на мой вопрос, милостивый государь.

Доктор. Спокойно, полковник. Ничего мне не кажется. Теперь речь не об этом. Ваша жена до сего времени не является на службу. Где она? Куда подевалась?

Полковник. Погиб муж. Нужно немного поплакать. Вы, доктор, черствый человек, а она сострадательная женщина.

Доктор. С вашим лейтенантом все в порядке. Пулю я из него извлек.

Полковник. Вы говорите о моем бывшем адъютанте?

Доктор. О нем.

Полковник. Неплохой юноша. Но глуп. Все время рвался на передовую, вроде там кормят медовыми пряниками. Война не только в том заключается, чтобы бежать вперед, кричать во всю глотку ура. Если бы этот паршивый мальчишка был возле меня, может быть я бы не погиб такой дурацкой смертью.

– Да, я обладал способностью предчувствовать приближение смерти и умело уклоняться от нее. Полковник прав, если бы... Но что об этом распространяться.
Полковник. Добрая половина полка здесь со мной.
Доктор. Веселей будет.
Полковник. Какое там веселье, если один без ног, другие без голов.
Доктор. Интересно.
Полковник. Из твоей роты, лейтенант, тоже полно народа. Сейчас прикажу им построиться. Произведу перекличку. Пересчитаю.
Доктор. Не считайте, полковник, не надо. Вам не нужно волноваться. Дышите глубоко.
Полковник. Как я могу дышать одним подбородком?
Доктор. У вас есть кусок сапога. Дышите им. На фронте случается и не такое. Иногда от человека остается одна пуговица. И с ней приходится возиться.

В одной деревне была у меня баба. Ну и толста. Ну и здорова. Таких толстых не видывал больше отродясь. Сама, как печка, залезла на печку. Я залез на нее. Так и не слезал до самого утра. Спим. Пыхтим. Ерзаем по горячим кирпичам.
Полковник. Из противотанковых ружей по «Тиграм» приказывают стрелять. У этих «Тигров» лобовая броня о-хо-хо. Прошу противотанковые орудия – говорят, нет.
Доктор. Сколько вам лет, полковник?
Полковник. Пятьдесят четыре.
Доктор. Для своих лет вы смотритесь прекрасно. У вас симпатичная жена.
Полковник. Мы живем с ней четыре года. Ей на прошлой неделе исполнилось 28 лет.

Доктор. Какая женщина!
Полковник. Только кажется. В постели, представляете, она не интересна. Даже... я бы сказал... Впрочем, скоро вы сами в этом убедитесь.
Доктор. Каким образом?
Полковник. Теперь, надеюсь, вы с ней переспите. Вы ведь ей давно намекали на это.

Проснулся я в семь.

Не могу вспомнить, где был вчера вечером, что делал? Больше не уснуть. В уборную вставать неохота. Протянул руку. Включил приемник.

Куда девалась девушка? Кажется, я вчера пришел не один? Она говорила, что ей нужно рано вставать на работу. Не испарилась же она? Неужели я так крепко спал, что даже не заметил, когда она ушла? Может, девушки не было вообще, а я видел сон, в котором ко мне приходила девушка?
Диктор. Потери убитыми и ранеными...

Кто говорит о потерях? Войны давно уже нет. А пропала всего одна девушка. Исчезла из моей постели.
Радиодиктор. В Южном Вьетнаме американские захватчики предприняли новое наступление, но оно закончилось поражением. В районе реки Меконг... самолет... недолет... перелет...

Лед!

– Опять лед?
– Пить, хочу пить!
– Дайте ему воды!
– Хочу пи-пи-сать!
– Не понял, повторите, прием?
– Хочу писать.

Полковник. Милая Джойс, ты будешь меня ждать? Я вернусь, я обязательно вернусь!

– В чем дело, полковник?

– Не знаю.

– Почему вы не включили катапульт?

– Отказала техника. Портачи. Никогда по-человечески не проверят. Только и знают, что в Сайгоне таскаться по борделям. Передайте Джессике, моей Джессике...

– Теперь, полковник, вас наградят медалью за храбрость. Мы все видели, как вы горели в своем «Громовержце». Вы храбрый человек. В газете напишут о вашей отваге большую статью. В конце укажут, что вы погибли смертью храбрых. Сгорели в снегах Южного Вьетнама. Упали на голый лед реки Меконг.

Полковник. Позвольте, в Южном Вьетнаме не бывает морозов. Река Меконг не замерзает.

– Не важно, не в этом дело.

Полковник. Я за точность информации. Я погиб на Дону в 1942 году. Мой лейтенант, которого я любил, как сына, остался жив. Теперь он совсем взрослый.

Над Вьетнамом погиб другой полковник. Полковник американских ВВС. Сгорел в самолете.

Классный пилот.

Отзывчивый товарищ.

Отважный офицер.

Пилот реактивного самолета.

Командир авиационного подразделения.

Мог бы не летать. Но его понесло.

Нервы.

Не выдержали нервы.

Полковник. Я тоже мог не присутствовать на переправе. Что поделаешь. Хочется быть примером для подчиненных.

Нужно показать, как умирают люди на войне.

– Интересно, вам, полковник, тоже не хотелось по утрам вставать в уборную?

Полковник. Вы обо мне?

– Нет, об американском пилоте.

Полковник. О нем я ничего не знаю.

– Бедняга этот полковник. Он, как и я, был лунатиком. Ходил ночью по всему дому. В таких случаях возле кровати кладут мокрую простыню. Хорошее средство. Лунатик мгновенно просыпается. В детстве я лежал в психбольнице.

Автор. Вот оно что, понятно, самоубийство произошло на почве нервного срыва?

– Да, на войне стрелялись именно по этой причине. Взвинтит себя человек, и пулю в лоб. У меня в роте таким образом застрелился один сержант. Молоденький паренек. Вы, полковник, не встречались случайно с ним на том свете?

Полковник. Я сгорел над Вьетнамом. Ракета зацепила левое крыло. Самолет потерял управление. Я ничего не мог сделать, чтобы спасти положение.

– Глупости! Не верю, чтобы теперь, как тогда, в сорок втором, убивали людей.

Нет!

Нет!

Нет!

Полковник. Но их убивают.

– Каким образом?

Полковник. И в бою, и по приговору военного трибунала. Тех, кто отказывается воевать, командиры расстреливают на месте без суда.

– Какой ужас, какая дичь! Теперь совершенно невозможно ходить в это кафе. Что они там вытворяют.

Полковник. Кто?

– Музыканты. Барабанщик лупит в барабан, вроде на него натянута шкура слона, а не папиросная бумага.

Полковник. Не верю, чтобы самолеты делались из папиросной бумаги. Вы ошибаетесь, вы еще не проснулись, лейтенант.

– Пусть убивают бумагу, а людей оставят в покое!

Там, на Дону, люди гибли без счета. Падали на лед под градом пуль и снарядов. Шли под лед сибиряки, парни из Подмосковья, из-под Ленинграда, вятичи, кривичи, суздальцы, владимирцы.

Проснулся я в семь.

Перевернулся с боку на бок. Мочевой пузырь трещит, как барабан, обтянутый папиросной бумагой.

Терплю.

Думаю, полежу еще часок.

В детстве у меня по ночам мерзли коленки. Плохо отапливали помещение. Не было дров. Зачем нужны во Вьетнаме дрова, если там стоит нестерпимая жара? А в джунглях вместо деревьев растут сбитые американские самолеты.

Почему же мерзнут коленки?

Еще бы, я стою по пояс в ледяной воде Дона.

Нужно добраться до туалета. Для этого необходимо перебраться на другой берег реки.

Хорошо, когда тебе двадцать лет, и ты не застенчив, как я.

Старшина Алексеев. Теперь можете убедиться сами, что не только Автор, но и самоубийца, которого я обязан охранять, сошли с ума. Нужно вызывать скорую.

Маня. Мы вам не позволим! Николай Сергеич здоров. Он целовал меня на дне рождения.

Старшина Алексеев. То, что мы называем винденцией, на самом деле является милицейской портупеей. Я – Наполеон!

Петр Петрович. Цвира. Мура. Радикура. Зимамура красота.

Настасья Петровна. Дрипа. Мипа!

Старшина Алексеев. Если теперь заказать треуголку, она будет готова не ранее 2972 года.

Петр Петрович. А я говорю, что теперь никто никого не догоняет, не обгоняет. Все делается по плану госплана.

Настасья Петровна *(в сторону Петра Петровича)*. Пойдем в другую комнату, я тебе не всю историю досказала.

Петр Петрович. Отстань, мымра!

Проснулся я в семь.

По радио сообщают, что во Вьетнаме идет война. Убивают ни в чем не повинных людей. За что убивают?

Если бы не мочевой пузырь, тогда бы я смог...

Однажды в детстве нас водили в театр. Какой это театр? Может, Большой. А может, Малый.

Там все было красное. Люди красные. Лошади красные. Сабли красные. И убивали они друг друга, как в Южном Вьетнаме.

Вот красный человек упал с лошади на красную траву. Из красной груди потекла красная кровь. Прибежали красные санитары. Забинтовали красного человека красными бинтами. Положили на красные носилки и понесли в красную деревню, которая находилась за красным холмом. Оставшиеся в живых красные люди вскочила на красных коней и поскакали в красное завтра по красной земле навстречу красной опасности.

Красные женщины встали на красные колени. И плакали над красной могилой. Из красных глаз катились красные слезы. Из красной земли на красных могилах вырастали красные цветы.

Потом красные женщины тоже вскочили на красных коней и полетели в красное далеко. Красные гривы красных коней и красные волосы красных женщин развевались на красном ветру.

Спектакль назывался:

«Красная звезда», «Красная Луна», «Красная Галактика», «Красная река», «Красная ночь», «Красное завтра».

Голубая девушка. Я больше всего люблю голубые цветы, голубые леса, голубые сумочки, голубой лед, голубое завтра.

Спектакль хороший. Запомнился. Происходило спортивное состязание. Люди вырывали друг у друга канат.

– Простите, я очень застенчив. Как вас зовут?

Голубая девушка. Меня зовут Мир Асимметричен.

– Какие у вас красивые голубые груди, какие стройные голубые ноги.

Голубая девушка. Мне все мужчины об этом говорят.

Если бы встать. Сходить в туалет, который тут. Рядом.

Голубая девушка. Я вас полюбила с первого взгляда. Такого со мной никогда не происходило. Я готова идти с вами на край туалета.

Сейчас встану. Надену портки. Нет, портки надевать не буду. Соседка еще спит.

Голубая девушка. Голубой цвет, голубой цвет, лучше цвета в мире нет. Я божественно люблю все голубое.

– Но вы ведь вся красная?

– Ошибаетесь, я голубая, голубая, тысячу раз голубая! Я работаю на Кузнецком мосту в доме моделей.

– Глаза у вас красные с красной поволокой.

– Не красные, а голубые. Вы заблуждаетесь. Мы так мало знаем друг друга. Я сейчас заплачу.
– Откуда вы взялись, такая красивая?
– Прилетела с Голубой звезды.
– Можно я вас поцелую?
Голубая девушка. Как вы можете невинному созданию говорить такие несносные вещи? Вы невежа!
– Но я художник.
Голубая девушка. Тогда целуйте... целуйте крепче. Да возьмите же скорей в руку зубную щетку!
– Зачем?
– В кафе «Националь» теперь без зубных щеток не пускают. Голев и Далацкий уже приобрели по одной.
– Где они достали?
Голубая девушка. Вы странный чувак.

Если встать. Сделать несколько шагов. Открыть дверь. За ней голубой унитаз.

Первая соседка. Почем брали это дерьмо?
Вторая соседка. Какое дерьмо?
Первая соседка. Что у тебя в кастрюле.
Вторая соседка. Это не дерьмо, а камбала. Тут была, там была!
Первая соседка. Что вы с ней намерены делать?
Вторая соседка. Жарить. Ты что, никогда не покупала камбалу?
Первая соседка. Не покупала.
Вторая соседка. А мы с мужем любим камбалу и всегда ее покупаем.
Унитаз. Уррр, гур, бур!

Унитаз приглашает меня на рандеву. Вставать, однако, неохота. Сейчас вернется Голубая девушка. Нет, она не вер-

нется. Она – голубой сон, который растворился в голубом унитазе.

Проснулся я в семь.

Лежу. В голову лезет всякая ерунда.

Недавно из Питера приезжал поэт. Выступал со своими стихами в какой-то библиотеке. Лежу и думаю:

– Был я с этим поэтом знаком или нет?

Мысль пустяковая. А отвязаться от нее не могу. Нелепая мысль. Но она поглотила все мое существо. Знакомы или не знакомы? Глупо. Смешно. Что это, отсутствие воли?

Подошел ко мне этот питерец. Заговорил. Даже руку протянул. Стою. Ничего не понимаю. Думаю:

– Первый раз вижу человека, а он мне протягивает руку, как доброму знакомому.

В свою очередь делаю вид, что тоже знаком с ним тысячу лет.

Для чего я вам рассказываю об этом поэте? Поэт, как поэт. Теперь таких поэтов из Питера в Москву привозят тоннами, вагонами.

Не поэт, а лошадь.

Стихи, если они никуда не годятся, прекрасный корм для лошадей рысистой породы. Морда у этого поэта суще лошадиная. И ржет он, как мерин. Протягивает копыто.

– Привет, Николай Сергеич!

– Привет, лошадь!

– Как жизнь в Москве?

– А как в Ленинграде?

– Стихи понравились?

При этом вопросе лошадь три раза грохнула копытом об пол. Что оставалось делать? Она ведь могла грохнуть не по полу, а по моей голове.

– Понравились.
– Какое в особенности?
– «Я помню чудную минуту».
– О да! Я над ним работал около двух лет. Представляешь, старик, сколько вложено?
– Представляю, представляю. Вы совершили лошадиный подвиг. Пора копыта менять на рога.
– Всему свое время. Приезжай, старик, в Питер, там продолжим разговор.

Думаю:
– Человек этот мне положительно не знаком, а обращается ко мне фамильярно, вешается на шею.

А что же тут, впрочем, такого? Если бы мы с ним встретились на необитаемом острове, тогда что? Там бы мы наверняка стали лучшими друзьями.

Унитаз. Пур, бур. Гур!

На необитаемом острове мы бы с этой лошадью сразу сошлись на короткой ноге, хотя он определенно мне не знаком. Теперь я окончательно вспомнил, что встретились мы в этот вечер впервые. В Ленинграде я был всего один раз. И общался только с друзьями. На необитаемом острове мы бы сразу бросились целоваться. Теперь же разговор не склеивался. Думаю:
– А может, все же?..

Погодя вспомнил, что один московский как две капли воды на него похож. Да не один, а десятка два.

Возможно, он подошел просто так, без всякой задней мысли. Я же испугался его копыт громогласных и соврал. Сказал, что его дерьмовые стихи мне нравятся.

Воля ваша, но такую лошадь я к себе на порог не пущу. Стихи у подобных поэтов рассчитаны на таких же кретинов,

как они сами. Да еще когда он говорил, у него с губы капала слюна. Нет, под одной шкурой я с таким поэтом спать не лягу, воля ваша.

Откуда берутся такие мало симпатичные, если не сказать, противные люди? Почему я ему сразу не сказал, что он мне неприятен? Вот почему: я заметил, что, прежде чем подойти ко мне, он довольно сильно лягнул одного хилого старичка, который жестикулировал обеими руками, разговаривая с очень толстой, неопрятно одетой дамой.

Что, собственно, может делать такая вот лошадь на необитаемом острове, скачек ведь там нет? Скачки поэтов происходят только в очень крупных городах: Лондоне, Москве, Париже и т.д.

Поэт-лошадь по фамилии Коневский, Лошадевский, Жеребевский, Гривов, Недоуздков, Чересседельников. Треклятая фамилия, не могу вспомнить во все утро. Память напрягается до предела, вроде от этого зависит вся последующая жизнь.

Удивительная способность мыслей привязываться к человеку, в особенности по утрам, когда голова пуста, а воля спит.

Что я вчера делал в «Национале»?

Да, вспомнил, слушал разглагольствования Далацкого. Он толкнул пространную речь неизвестно о чем.

Далацкий кого угодно опустошит.

А поэт из Питера, какой он поэт?

Почему в библиотеках стали производить скачки?

Поэт-лошадь. Так я и знал, что вы не знаете, как проехать к стадиону «Динамо». Чтобы попасть к стадиону, нужно сесть на 12 троллейбус, понятно?

Произнеся эти слова, поэт грохнул копытом и вильнул хвостом.

При чем же тут троллейбус, если туалет находится в нескольких шагах, а я не могу поднять головы. Если бы я встал, дополз до туалета. Но что-то придавило меня к матрацу. И не дает встать, еб твою мать!

Я ничего не могу. А вдруг от него воняет чесноком? Съест он меня, съест и губы вытрет копытом. Черт с ним, лишь бы перестал читать стихи.

Первая соседка. Зараза. Рыбу в раковине чистила, а убрать за собой забыла. Думает, дрянь, что я за нее должна убирать.

Унитаз. Дыр, быр, гыр!

Вторая соседка. Если бы ему десятку к зарплате прибавили. Три пол-литра можно купить на это десятку. Пусть на нее и пьянствует. А остальную получку приносит домой.

Петр Петрович. Под звериными шкурами теперь не спят. Даже эскимосы укрываются стегаными одеялами.

Николай Сергеич. Я ведь фигурально. Под звериными шкурами спать неудобно. Да и блохи спать не дадут.

Хотя у нас теперь и люди, как блохи, лезут в дом. Тебе хочется полежать на диване, почитать книжечку в спокойной обстановке на досуге...

Звонок.

– Привет, старик, мы к тебе на минутку.

Рожи совершенно незнакомые. Один из наиболее незнакомых бросается к тебе на шею с поцелуями, как к старинному приятелю.

– Давай водку! – кричат хором.

А где для них водку взять, если в доме ни гроша?

Гости уже как есть с ногами забрались на одеяло.

Слова им не скажи. Скажешь, схлопочешь по скуле или по чему другому.

Возможно, я преувеличиваю, возможно, так не бывает? Однако схожего случается сколько угодно.

Придут гости. Начнут всюду заглядывать. Залезут в холодильник. Выволокут еду. Не столько съедят, сколько разбросают по полу. Перепортят все, что можно перепортить, разобьют все, что можно разбить.

Зашел недавно приятель. Поэт. Хороший поэт. В трезвом виде человек замечательной доброты. А тут пьян. Лыка не вяжет.

С ним двое подозрительных. Хоть милицию вызывай. Эти двое и поэт способны только мычать.

Забрались на диван. Разумеется с ногами. Посидели.

Потребовали выпивку.

Сказал, что денег нет.

Один принялся шарить в шкафу.

Ничего интересного не обнаружил.

Побежали в магазин. Притащили две пол-литры водки. И так пьяны, а еще выпив, и вовсе раскисли. Один в особенности обнаглел. Орет:

– Поцелуй меня, гад (это он мне), я тебя так люблю. Не хочешь, я тебя сам поцелую.

При этих словах говорящий потерял равновесие и полетел на пол. Другой споткнулся об него и тоже полетел. Минут пять шкандыбалась эта троица. Помогать им нет желания. Пусть валяются, хорошо, что не лезут целоваться.

Купили в магазине кусок сала. Жрать не стали. Понатыкали в него окурков.

Вот ущерб, который я понес в результате посещения:

1. Сломали стул.
2. Разбили хозяйкину вазу.
3. Прожгли ватное одеяло. Один все пытался потушить об него сигарету.

4. Разбили два стакана, тарелку и вазочку для варенья.
5. Сломали столовую ложку.
6. Изорвали в клочья металлический обруч.
7. Сломали дверцу шкафа.
8. Облевали коридор и туалет.
9. Обругали молодую соседку.

Представьте, что пришли они не ко мне. А в приличный интеллигентский дом. К воспитанным людям, где мебель 18 века, гобелены, гравюры, статуэтки.

Ад! Сущий ад!

Бесплатное представление с битьем посуды, мебели, зубов и носов.

Один блюет
Другой пьет
Третий и пьет и блюет одновременно
Первый норовит залезть под юбку к хозяйке
Второй к дочери
Третий гоняется по всей квартире за бабкой

Нормальный дом превращается в сумасшедший дом. Через час в квартире остаются только эти трое. Хозяева разбегаются в разные стороны.

На необитаемом острове на все их чудачества не обратишь внимания. Сам примешься соскребать с них блевотину.

Этим я хочу сказать, что отчужденность внесла цивилизация. Город разъединил нас. Чем дальше от города, тем люди живут дружней, сплоченней.

В Москве этих троих обойдешь стороной за километр. В Казахстане не обойдешь, а поздороваешься. На Курильских островах первый бросишься к ним на шею.

Подошел ко мне в библиотеке поэт-лошадь, спрашивает про стихи. Я, говорю, тоже люблю есть по утрам овсянку.

Сам себе ее и варю. На этом мы и сошлись.

Потом заговорили о Боцком.

Я сказал, что знаю одного ленинградского поэта по фамилии Боцкий, что мне этот поэт положительно нравится.

Посмотрел на меня поэт-лошадь презрительно. Грохнул в очередной раз копытом, палец едва не отдавил.

– Боцкий? О каком Боцком ты говоришь? Может, не Боцкий, а Жоцкий, или Чёцкий, или Хоцкий, или Зоцкий?

– Да нет же, я говорю точно о Боцком.

– Боцкий, какой Боцкий? А, так бы и сказал, что имеешь в виду эту бездарь! Таких поэтов, как Боцкий, у нас в Питере хоть Неву пруди! Боцкий, ха-ха-ха! Рассмешил ты, старик, меня. Да у этого Боцкого, если хочешь знать, ни одной своей строчки, всё у меня содрал. Возьмет мое самое лучшее стихотворение и выдает за свое. Востенко другое дело. Востенко настоящий поэт. О Боцком нечего говорить. Читал стихи Востенко?

– Читал.

– Хорошие стихи?

– Хорошие.

– И только?

– А что еще?

– Востенко гений! В Москве его не понимают и никогда не поймут, не доросли. Последующее поколение примет, а не теперешнее. Москвичи пресмыкаются перед Боцким. Москва устарела. Москва – болото, в котором барахтаются почитатели Боцкого.

– Может, Востенко гений, не спорю. Но почему одновременно и Боцкий не может быть замечательным поэтом?

– Поверь, старик, один раз в жизни поверь, Боцкий ваш – говно!

– А вы знаете стихи Боцкого?

Поэт-лошадь. Знаю, читал много раз. Помню, в позапрошлом году он написал... Написал одно стихотворение, в котором... тором... тором есть одна строчка, которую сочинил я. И о которой один человек отозвался, что это находка нашего времени. Понимаешь, старик, Боцкий, с позволения сказать, – такая лажа. Читать его стихи невозможно по причине непроходимой скуки, сам удивляюсь, что ухитрился что-то прочитать.

– А Востенко читали?

– Востенко, какого Востенко? Первый раз слышу. Ну и тип, видать, ваш Востенко! Теперь на свете развелось много разной поэтической шушеры. Все пишут, пишут, пишут стихи, стихххи, хи-хи-хи-хи. Нужно всем им дать по мозгам, хрум, хром, храм! Востенко! Ха, ты меня убил! Есть у нас один помреж Востенко на студии «Ленфильм», вот уж не знал, что и он пишет.

Удивил ты меня, старик, удивил.

– Да я про того Востенко, стихи которого вы только что хвалили.

– Востенко? Как же, конечно знаю. Кто в Питере не знает Востенко! Читал его стихи много раз. Он мне сам их давал. Даст и скажет, бывало... Мы с ним у баб... Он одно стихотворение сочинил... В нем есть одна штучка, которую я в одном моем стихотворении и о которой один человек... Приходим мы с ним к Тамаре, а у нее девочки собрались: Нина, ты ее знаешь, Галя и Соня. Я сначала Галю, потом Соню и Нину, Тамару оставил под занавес.

Понимаешь, старик, еду из Питера в «Красной стреле», повесил пиджак на вешалку. А у меня его свистнули вместе с кошельком. Теперь сижу на мели, без гроша в кармане.

Одну поэтессу встретил в поезде, да ты ее знаешь, Венера Губошлепова, ну и ну, девчонка что надо. Пили мы три дня... А потом... Займи, старик, трояк, выпить, понимаешь, охота, а кошелек... Я тебе уже говорил... Как получу за новую книжку, сразу отдам, из Питера пришлю. С Боцким не якшайся, люби Востенко. Он этого стоит. Поверь раз в жизни, старик.

Надоела мне эта лошадь офигенно. Теперь я вспомнил, где я видел этого поэта. Он несколько дней тому назад шлялся в кафе «Националь» по столикам. К нам тоже пытался подсесть. Голев его попер.

Я тоже решил поступить, как Голев, чтобы отвязаться.

– Вот что, – говорю, – поэт-лошадь, если ты хоть одно стихотворение Боцкого или Востенко прочтешь, я тебе дам чирик без отдачи.

– Что ж, – отвечает поэт-лошадь, – если денег нет, сразу бы сказал. Нечего морочить голову честному труженику.

Отошел он от меня. Еще к кому-то прилип. Через минуту по залу разносилось:

– Боцкий говно! Востенко гений! Востенко стоящий поэт, а Боцкий, хрум, храм, хруп.

А в ответ доносилось:

– Я тебе дам, хрум, храм, я тебе по морде дам!

Поэт-лошадь. Я хотел сказать, что Боцкий... читать его... а Востенко...

А в ответ доносилось:

– Катись колбасой со своими Боцким и Востенко. Мы без них проживем. Ставь пол-литру!

Поэт-лошадь. Денег нет, клянусь виками и чичивиками!

А в ответ доносилось: «Ну и мотай отсюда, раз денег нет, хмырь, хмарь, хмурь!»

Поэт-лошадь. Да я ничего. Овес ноне вздорожал... За стихи мало платят... Мера овса, мера зерна, мера муки, мера водки, селедки!
Официантка. Простите, но больше 100 гр. в одни руки не даем. У нас кафе высшего разряда, а не забегаловка.
Поэт-лошадь. Я ничего, я так посижу.
Официантка. Теперь в наше заведение стали заходить лошади. Прежде не случалось такого!
Поэт-лошадь. Хрум!
Официантка. И все они гении:
Рявкин Тявкин Мявкин Лавкин Девкин Совкин Морковкин Мимизон Пивизон Ревизон Девизон Хигачев Мигачев Легачев Двигачев Сигачев Хигидан Зигидан Ригидан Живодун Кривокон и другие.
Поэт-лошадь. Знаю всех. Одни бездари. Только Востенко подлинный гений. Мы с ним один раз... Хрым!

А в ответ доносилось: «Имели мы твоего Востенко!»

Поэт-лошадь. Ничего вы не понимаете в искусстве.

А в ответ доносилось: «Дуй отсюда, сука, а то рожу на бок свернем!»

Официантка. Поэзия – это нечто, что можно сравнить только с цветами, с благоухающей весной. Поэт – творец! Он произносит заклинания над распластанным у его ног миром!
Посторонний. Какая в наш кибернетический век может быть поэзия? Цивилизация коренным образом изменила чувственное восприятие людей. Модернизм – вот основа современного творчества. Кому сегодня нужны Пушкины, Блоки, Брюсовы и т.д. Хотя в строчках Александра Блока есть что-то такое:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окликами пьяными
Весенний и тлетворный дух...

Но ведь в то же самое время писали Хлебников и Маяковский, не так ли?

Другой посторонний. Сейчас я приведу вам достойный образчик современного. Я согласен с поэтом, который ставил в пример другим творчество поэта Востенко.

Вот одно из его стихотворений.

Задача!
А=Я
Са (хватит)
Са (имеется много О)
--- = ОГО
ЗА
или
(возможна пауза)
для АХ!
 и поэтому
Что – неизвестно
Что?
        или
ХА
--- = О, ДА!
ДА
и этому ХЕ-ХЕ
        или
ХА=ХА
Что?

Чудо.

Не кажется ли вам, господа, что это стихотворение говорит само за себя?

ХА=ХА. Ура! Спать пора! Я чувствую, что после прочтения этого стихотворения у меня на спине выросла дверная ручка. Открывайте мою спину. Входите в мое завтра.

Ык!

Из моего живота выскочил билет на балет в Большом театре.

Вы обвиняетесь в том, что вы ФальшивоВостенко!

Поэт. Я?

– Да, вы!

Поэт. Но я не хотел. Это произошло непроизвольно. У меня из ноздрей вместо зубных щеток начали выскакивать деньги. Золотые червонцы царской чеканки.

Судья. Все ясно. Дальнейшие препирательства бесполезны. Вы приговариваетесь быть машиной по уборке картошки сроком на сто лет. Если будете вести себя в лагере хорошо

--- = О, ДА!

Тогда посмотрим, как быть

ХА=ХА!

Официантка. Не перебивайте меня. Я утоплюсь в бокале вина. Я еще не закончила говорить. Все всегда меня перебивают. Думают, если я официантка, то со мной можно обращаться по-скотски.

Поэт-лошадь. А я говорю, что Востенко

СУ-ДА=РП

Нашего времени.

А в ответ доносилось:

– Нам от вашего Востенко блевать охота, сейчас побежим в сортир!

Человек за соседним столиком. Зачем в сортир? Блюйте тут, прямо под столик.
Поэт-лошадь. Будете платить уборщице за уборку. Никто вашу блевотину не обязан подтирать задарма.
Официантка. Кроме Боцкого и Востенко, к нам еще ходят поэты Штуковский и Домойлов. Я бедная женщина. Всю жизнь приходится решать проблему:
– Дать или не дать?

Вот и эти чернявые пристают, что делать? Ехать с ними в гостиницу или не ехать? У нас в кафе план, вот и приходится задницей перед каждым вертеть, чтобы подороже делали заказ, не скупились. Муж жэковский водопроводчик, у них тоже план. Чтобы он утонул в своем водопроводе. Во саду ли в огороде зеленая роща, муж потонул в водопроводе, чего же проще. Пьянице туда и дорога.

Не смотрите на то, что я официантка. Если я с директором СП поговорю, он любого поэта напечатает без всякой очереди. Поэты бедненькие, все в очереди маются, дожидаются, когда выйдет книжка. Как только деньги получат, сразу к нам в кафе, а то и в ресторан, чтобы пропить поскорей гонорар.

Востенко тоже симпатичный мальчик, не сквалыга, хоть и хлюпик на вид.

Черномазые тоже пишут стихи. Днем на Центральном рынке торгуют редиской, в свободное от работы время шастают по издательствам. Ушлый народ.
Поэт-лошадь. Вы заказывали осетрину-с с хреном-с?
Посетитель. Заказывал.
Поэт-лошадь. Осетринки-с нет-с.
– А в меню есть, посмотрите.
– Записали по ошибке-с, а на самом деле нет-с. Если бы и была, я бы не посоветовал. Осетринка с душком-с.

Посетитель. Что вы говорите, любезный?
Поэт-лошадь. Осетрина тухлая, вот что я говорю! За последнее время совершенно перестали присылать первой свежести. Посетители вроде вас ругаются, жаловаться собираются. Поэтому я, как честный гражданин, предупреждаю.
Посетитель. Я не ругаюсь. С чего вы взяли, что я ругаюсь?
Поэт-лошадь. Возьмите шницель по-министерски. Осетрина дерьмовая. Я же забочусь о вас.
Посетитель. Нечего обо мне заботиться. Я сам о себе позабочусь.
Поэт-лошадь. Вы вот обижаетесь. Я же не виноват, что осетрина теперь в море ловится тухлая.
Официантка. Не стучите так громко копытами. Из-за вас я не могу сосредоточиться, подсчитать убытки и прибытки.
Посетитель. Сгинь, лошадь!
Официантка. Зря вы его прогнали. Он так добросовестно трудится. Мастер своего дела!

Проснулся я в семь.

Воюю с собственным пузырем. Соседки на кухне лаются. Лежу. Терплю. В ата... ра... Где я вчера был?

Ростов Тамбов Калуга Луга Омск Томск Сыктывкар Улан-Удэ Питер ветер
Кого-то мне эта лошадь напоминает? Может, он не поэт-лошадь, а поэт – паровоз, подъемный кран, автомобиль или самолет? Не хочу иметь таких знакомых.

Хочу в туалет много лет!

Всё к черту.

Полковник погиб на Дону в 1942 году.

Лед. Дон. Переправа. Снаряды. Бомбы. Одна угодила в мой мочевой пузырь.

Полковник погиб в дельте реки Меконг. Тресси будет ждать его сто лет.

Старая дура.

Получай, Тресси, кусок сапога и подбородок своего полковника. Больше ничего не удалось разыскать.

Тресси, открыв посылку, моментально превратилась в морщины, которые успел запечатлеть на холсте известный в Америке художник-морщинист.

Полковник в это время выступал вместе с поэтессой Губошлеповой на благотворительном вечере в помощь инвалидам Вьетнамской войны.

Полковник. Зачем он ушел от меня, этот паршивый мальчишка, мой адъютант. Он бы не позволил мне совершать очередной боевой вылет на «Громовержце», и Тресси не пришлось бы горячими слезами орошать джунгли.

Официантка. Странные времена, устраивают в кафе вечер поэзии, а приходят на него одни мертвые полковники.

– С одним из этих полковников я служил в пехотном полку в 1942 году. Полк почти весь погиб, остался там, на Дону. Часть людей пошли под лед, другие убиты при бомбежке.

Официантка. Я этого не знала. Как интересно.

Николай Сергеич. Молчать! *(К официантке)* Это я не вам, дорогая. Не разговаривать! Выполняйте приказ! В атаку! Туалет нужно взять! Товарищ полковник, докладывает лейтенант, командир роты автоматчиков. Как вы себя чувствуете на вечере поэзии, полковник, не напоминают ли вам стихи некоторых поэтов скрежет полета авиабомб или самонаводящихся ракет?

Вы говорите, что ничего не смыслите в стихах? Зато вы гениально подставили свой полк под удар противника. Самолет в одну секунду превратился в труху.

Поэт-лошадь. Я говорю, что кроме Востенко...

Николай Сергеич. Лежу под огнем не мин и снарядов, а под градом собственных воспоминаний. До тебя мне дойти нелегко, до уборной четыре шага.

Полковник. Вперед, лейтенант! Если не возьмем эту высоту, всех отдадут в трибунал. Всех – и этих, и тех, которые еще не родились!

– Товарищ полковник, встать не могу. Разрывается мой мочевой, боевой, дорогой пузырь!

Штуковский и Домойлов добросовестно выполняют приказ. Я им крикнул: «Штуковский, бей Домойлова, Домойлов, бей Штуковского!» И они лупят друг друга до сего времени.

Полковник. Неужели?

– Клянусь, тысячу раз клянусь! Ребята они хорошие, но в музыканты не годятся. Послушайте, как они ревут. Можно подумать, что играет Кремлевский духовой оркестр.

Певичка ничего, хоть и стара. Поет прилично.

Домойлов худ, как глиста. Штуковский лыс и угреват.

Официантка. Вы не подумайте, Николай Сергеич, чего плохого. Я с ними не... Они такие противные, жуть. Домойлов при всяком удобном случае старается свою глистообразную руку запустить под юбку. Не успеешь оглянуться, а она уже там, ощупывает заветное место. Противно и приятно от этого ощупывания одновременно. Говорят, что один из них импотент. Хотя теперь о многих распускают небывальщину без зазрения даже самые приличные господа. Они, когда приходят, всегда садятся за мой столик.

Однажды их отправили в отделение милиции.

Николай Сергеич. Штуковского и Домойлова?

Официантка. Их. Не хотели платить по счету.

Привели эту неразлучную парочку в отделение, а они ссылаются на госпожу Стайн. Говорят, что упомянутая госпожа должна за них заплатить. Кто она, это госпожа?

Николай Сергеич. Писательница. Приятельница Хемингуэя.

– Начальник милиции оказался таким же сумасбродом. Оказывается, они вместе лечились в одном дурдоме.

Обнимаются

Целуются

Боцкий тоже оказался там.

Приехал из Питера без билета.

Через час вваливаются всей компанией в кафе. Как вам это нравится? Пьянствовали весь вечер, до самого закрытия.

А потом взяли несколько бутылок коньяку и пошли к начальнику милиции в кабинет, где и устроили форменный бардак. Изнасиловали дежурного по отделению лейтенанта женского пола.

Поэт-лошадь. Боцкого выслали из Питера за всякие неблаговидные дела. Хотел из Исторического музея украсть шкуру мамонта. Могли свободно отдать под суд. Пожалели. Не его пожалели, а детей, которых у него шесть штук.

Вот какие пироги, мать вашу в овсы!

Официантка. Какое твое лошадиное дело, у кого сколько детей? Стихи поэта – это его дети! А твои лошадиные книжки – скажу директору издательства, чтобы не издавал. Постоишь в очереди лет двадцать пять, тогда будешь знать, как других ругать!

Поэт-лошадь. Да я... Я хотел совсем не то... Я...

Официантка. Больно теперь все стали разборчивы. Подали ему не то блюдо. Жри, что подали. Овес не тот. Паразит. Я тебе покажу жалобную книгу (*задирает юбку*), вот тебе жалобная книга!

Один критик. Никаких стихов ваш Востенко не пишет. Он их разыскивает на помойке. Теперь этот жанр именуется помоечным. А Штуковский и Домойлов...

Поэт-лошадь. Штуковский и Домойлов одно лицо. Фамилия у них Штуковско-Домойлов.

Официантка. То-то они всегда приходят вместе.

Поэт-лошадь. И одно блюдо заказывают на двоих.

Официантка. Правда, правда. Как это интересно!

Поэт-лошадь. Ничего интересного в этом нет. Скоро они будут покупать одни брюки на двоих.

Официантка. Если таким образом спарить все население, то народу станет вдвое меньше. А сексом можно будет заниматься сразу с двумя.

Поэт-лошадь. Выпить я люблю. Кто не любит. Все теперь пьют. Не так уж плохо в пьяном виде существовать на свете. Мычи себе на здоровье сколько влезет. Писать стихи, доложу вам, малоприятное ремесло. Голова трещит, а ты все сидишь, выдумываешь новые темы. А какие теперь есть новые темы? Никаких. Изощряешься, изощряешься, сидишь целыми днями в Ленинке, строчки выписываешь из книжек других поэтов. Официантом не в пример выгодней работать. Живые денежки заколачиваешь. Одних чаевых на чирик наберется. Меценаты теперь, чтобы помогать обездоленным поэтам, перевелись. Трояк попросишь, не дадут. Каждый старается унизить твою личность литературными выкрутасами. Автор вот присвоил мне наименование Поэт-лошадь, а какое он имел право переходить на личности?

Автор. Да что вы, любезнейший, вас под этим именем представил Николай Сергеич.

Поэт-лошадь. Рассказывайте сказки. За профана меня принимаете? Роман пишете вы, вы за все и отвечаете. Я на

вас обижаюсь не вполне, а так, немного, не всерьез. Если бы всерьез, я бы вам копытом по мозгам. Под лошадиным именем жить спокойней. Меньше спроса.

Николай Сергеич. Да вы же тогда в библиотеке сами так назвались. Сказали:

– Будем знакомы, Поэт-лошадь.

И копытом в придачу грохнули. Ваши слова?

Поэт-лошадь. Все недоразумения можно отнести за счет Автора. Роман у него на удивление бестолков. Диву даешься, как такой почтенный человек может писать подобную дребедень... займи, Автор, трешку?

Автор. Вот возьмите.

Поэт-лошадь. Да тут пять. Сейчас принесу сдачу.

Автор. Оставьте. Не нужно сдачи.

Поэт-лошадь. Достойнейший, век буду благодарить!

Старшина Алексеев. Тут вот эта лошадь вякала, что она любит выпить, и не воды, а чего-нибудь посущественней. Я, как вы сами могли почувствовать, тоже этим занимаюсь. Но стихи не пишу, и не собираюсь это делать. Если бы я писал стихи, а начальство про это дозналось, сразу бы из органов вышибли. Ужасно как начальство не любит писак, которые пишут заявления в центральные газеты.

Настасья Петровна. Всех, кто пьет водку, нужно отправлять на принудительное лечение, чтобы им там прочистили хорошенько мозги. Теперь в городе даже днем на улицах валяются пьяницы.

Официантка. Пусть пьют. Если не будут пить, как мы будем выполнять план? А про Поэта-лошадь Николай Сергеич ничего не выдумал. Иду на работу. Навстречу катится телега. А в нее впряжен он. Заметив меня, несколько застеснялся. А потом, заржав на всю улицу, замахал хвостом. Прохожие оглядываются,

думают, чудаки, что я способна завести любовь с какой-то лошадью. А этот мерин оправдывается, говорит, что на стихи теперь прожить невозможно, что на стихи овса не купишь, а купишь кукиш. Приходится в свободное время подрабатывать извозом.

А водку, гражданочка, для чего запрещать? Без водки першит в глотке.

Ирина. Ее давно надо за волосы оттаскать. Лезет в каждую дырку.

Официантка. Мы ее не собираемся бить. Когда придет в наше кафе, скажу швейцару, чтобы гнал взашей.

Настасья Петровна. Я в ваше кафе не хожу, не имею привычки. Туда ходят одни жулики. Меня кавалеры приглашают в ресторан «Москва», не чета вашему кафе. Там они покупают шампанское. А у вас шампанское не бывает.

Официантка. У нас не бывает? У нас в шампанском плавает селедка. А ты старая дура!

Настасья Петровна. Сама дура!

Напильников. Вот и я! Поспал немножко. Пока самоубийца пришивал кусок сапога к подбородку полковника, вздремнул. Напился вчера у Рубиловского. Нет, не у него. У него щепоть соли не выпросишь, известный всей Москве жадина. Голова, гадина, трещит. Выпил вчера целый литр. Кто-то тут говорил про Питер? Питер стал необитаемым островом. Людей нет. Остались одни реки. К Горобцу пришла Любка. Упились мы с ней в усть.

Питер – Европа. Москва – Азия. Утром Горобец заявил, что я облевал его картины. Врет, конечно.

Ленинград, Ленинград, он шагает на парад, он стоит во тьме ночной, как северный часовой, охраняет нас от западных прикрас. Что я плету... Извиняюсь.

Да, скифы мы!

В Ленинграде по Невскому, как в стародавние времена, гуляет чистая публика. Поет революционные песни. Ленинград – Европа. Тут тебя не будут грабить в темном переулке, как в Москве. Москва – Азия. Кричи не кричи – на помощь, чтобы защитить, никто не придет.

Старшина Алексеев. Правильно говоришь. В Москве грабители на крик караул внимания не обращают.

Напильников. Азиатчина из нас так и прет. Только мы привыкли, не замечаем.

Поэт-лошадь. В Ленинграде дома красивые, соборы высокие, реки широкие и глубокие, люди воспитанные, если попросишь, трояк дадут, оговаривать не станут. Напильников, займи трояк?

Напильников. Где я тебе возьму?

Николай Сергеич. Полковника мы тогда похоронили в братской могиле. Хорошо, что я тогда от него ушел. Чувствовал, что если в этого немца, итальянца или испанца весь диск не выпущу, то он прикончит меня. Изрешетил я его классически. Все удивлялись, как он после этого остался жив. Доктор сказал, особый случай. В животе у этого немца, итальянца или испанца оказалась черепаха, которую он перед самым началом боя проглотил из гуманных соображений, чтобы она не замерзла. Стреляю в него, а пули отскакивают. Я думал, что убил его, а он оказывается живее всех живых. Полковник был человеком мужественным. Он стойко принял удар немецкой бомбы. Если бы у него на голове была черепаха, то бомба наверняка соскользнула бы в сторону. И полковник остался бы жив, как этот немец, итальянец или испанец.

Полковнику приказали сесть в самолет и бомбить войска противника в дельте реки Меконг. Как смело он водил самолет на цель, пока сам не стал – цель!

Нет, Вьетнам вам не шутка. Тресси будет ждать, полковник, пока у нее останется в живых хоть одна морщина.

Ура!! Вперед! В атаку на черепах! Не знаю, почему мне всю жизнь снятся военные сны?

Официантка. Мне всех жалко. Востенко жалко, Поэта-лошадь жалко, директора издательства, Штуковского и Домойлова жалко, полковников тоже жалко.

Настасья Петровна. Что это за бесстыдница такая, у который на уме одни мужики?

Николай Сергеич. Официантка кафе «Националь».

Настасья Петровна. Нахальная баба.

Маня. Я очень сильно люблю Николая Сергеича. Если я перед ним раздевалась, то я от чистого сердца раздевалась, а не из-за разврата.

Официантка. К нам в кафе заходил один переводчик, который перевел стихотворение с калмыцкого на арабский, с арабского на английский, с английского на хинди, потом опять на калмыцкий, а потом выдал за свое. Я могу всех переводчиков назвать, которые посещают кафе: Писин Сисин Сисисин Мисин Висин Привисин Недовисин Соковисин и другие.

Поэт-лошадь. Все наши, питерцы. Один недавно перевел шум Балтийского моря на скрежет токарных станков. Питер – колыбель русской поэзии!

Официантка. Колыбель поэзии – кафе «Националь»!

Поэт-лошадь. Долго я терпел. Но больше терпеть не намерен. Москва устарела. Экзамены устраивают, знаю ли я наизусть стихи Боцкого и Востенко. А трояк попросишь, отказывают. Все столики в кафе обошел, ни один рюмку не поднес. В Питере не так, там сразу подносят, и не рюмку, а бутылку. Приезжайте в Питер, всех водой угощу из Невы!

Не жалко. В Москве мои стихи не печатают. Я уже пошел на хитрость. Стихи Александра Сергеича Пушкина выдаю за свои. Все равно не берут. Говорят, что не тот слог. А какой им слог нужен? Если бы в Москве был такой храм, как Исакий, если бы в Москве была такая река, как Нева, если бы в Москве хрум... Если бы в Москве храм...

Напильников. Чхал я на твой Питер со всеми его прямыми и прочими улицами!

Поэт-лошадь. В Питере не все улицы прямые.

Напильников. И на это я тоже чхал, потому что в Питере нет водки, одни ошметки, мать иху в подметки!

Поэт-лошадь. Рассмешил. Сейчас от смеха окочурюсь. Если хочешь знать, в Питере всюду водка. Даже в Неве вместо воды течет водка. В Питере тебя всякий угостит водкой. Даже из водопроводных кранов течет водка. А в Москве недавно в одном журнале критик Напильников обругал мои стихи, написал, что они слишком схоластичны. А я и слова такого не знаю. Иди, сукин сын, я тебя поцелую!

Официантка. Если вы будете орать, то порядочные люди перестанут посещать наше заведение.

Напильников. Это Лошадь ржет что есть мочи. Как только ему не стыдно?

Официантка. Поэту нечего стыдиться. Поэту все позволено, даже если он лошадиной породы. Все они бедные и несчастные, мне их ужасно жалко. Приходи завтра, голубчик, я тебя обедом угощу. К открытию приходи!

Напильников. Мне его, может, тоже жалко. Пусть первый не задирается.

Поэт-лошадь. Чего мне задираться, если я тебя одним копытом могу прихлопнуть. Не успеешь пикнуть.

Напильников. Только попробуй. Старшина милиции тут. Он тебя быстро приведет в чувство. Он у нас шустрый.

Старшина Алексеев. В Ленинграде не бывал. Всем курортам предпочитаю Южный берег Крыма. Хорошо полеживать на берегу, греться на солнышке! Когда волны морские щекочут тебе пятки.

Напильников. Вот мы с вами, старшина, и познакомились на Юге. Вы там были с одной очень красивой девушкой, которую отбили у одного художника или спортсмена. Я стоял в очереди в ателье индпошива, чтобы сшить брюки, а вы пришли заказывать треуголку.

Старшина Алексеев. Насчет треуголки правильно говоришь. Только заказывал я ее в городе Мариуполе. Насчет девушки врешь. Я своей Наде не изменяю. Не имею такой плебейской привычки, как некоторые двуногие.

Николай Сергеич. Теперь припоминаю, что со мной было в медсанбате. Операцию мне доктор сделал наспех. Торопился на свидание с женой убитого полковника. Если бы он опоздал хоть на минуту, там столько молодых офицеров, они бы не стали дожидаться, когда пожалует доктор. Из-за нее и так двое утопились, а один лейтенант проглотил собственный пистолет и скончался.

Доктор не растерялся. Он усыпил жену полковника, сказав, что она мертва. Офицеры погоревали и пошли в бой. На другой день они все погибли. А доктор приголубил жену полковника.

Вот наши войска пошли в наступление. Продвинулись на пятьсот метров в сторону противника, оставляя на каждом метре бессчетное количество трупов.

Полковник летит на «Громовержце». За ним следом летят клубы пыли и дыма. Господи, неужели ты не отведешь удар водородной бомбы?

На фронте тишина. Офицеры режутся в преферанс. Немцы спят в обнимку с итальянцами и испанцами. Раненых нет. Сгорел один полковник.

Какая это война. Доктор ругается, что в медсанбат притащили немца, у которого брюхо, как решето, а в желудке живая черепаха.

Доктор не стал делать операцию. Он удрал с женой полковника на Юг. Как только лед Дона тронулся, они сели на льдину и поплыли в сторону Азовского моря, прихватив с собой весь запас спирта.

Идет война. Горит земля. А я лежу в медсанбате. Стреляю из автомата в немца, итальянца или испанца. Иду в атаку.

Я – адъютант командира полка.

Я – командир роты автоматчиков.

В магазине автомата семьдесят один патрон. Живот у немца, итальянца или испанца один.

Я всадил семьдесят один патрон в один живот.

Это вам не шутка, когда горит кинотеатр.

Стою возле горящей стены. Мимо проходит девушки, как на параде.

На кровавом параде.

Несут подбородок и кусок сапога Чернявого. Все это хоронят рядом с животом кинотеатра.

Дал последнюю очередь и проснулся.

Кругом снег.

Мы с замом по строевой части отстали от собственного мочевого пузыря.

Теперь в трибунал.

– Алло! Полковник, есть на том свете трибунал?

– До свидания, полковник! Едва ли мы еще встретимся. Вам жить в веках, а мне умирать.

А ваша жена, полковник, теперь на Юге. Да здравствует Юг! Юг – наш друг!

Жена у полковника красавица. Не зря мы были влюблены в нее всем полком, хотя это считалось небезопасно. Полковник принимал строгие меры. Один капитан попытался ее поцеловать и быстренько угодил в штрафной батальон. Полковник считал, что правила нравственности надо соблюдать даже на фронте.

Мы все смотрели на эту женщину, как на диво.

– Вот бы ее всем полком, – думал каждый про себя.

За полковником и его женой в обозе возили великолепную цинковую ванну. Женщина должна быть хорошо помыта. Чтобы можно было целовать ее во все места, не стесняясь. Вы, полковник, целовали. А мы только представляли, как вы это делаете. Вы купались... да, купались не в ванной, а на переправе в собственной крови.

А я – жив! Да, черт подери, – жив! И буду жить до ста лет. Продолжу свой род до бесконечности. У меня теперь столько баб, сколько вам с вашей Марфуткой не снилось. Даже вот эта официантка мне симпатизирует. Заметили?

Проснулся я в семь.

Во рту неприятное ощущение. Значит, вчера выпивал. Зря выпивал. Но с кем? Зря я в живот этого немца, итальянца или испанца выпустил весь магазин. Надо было распить с ними пару бутылок «Столичной». А если бы они в меня, тогда что? Тогда бы мой живот хоронили в общей могиле.

Лежу.

Руки затекли.

Как мне дойти до тебя, мой любимый туалет?

В ата... сво... а... Что вы сказа... какая коза?.. да, глаза... лежу

лиц... ниц... Сколько у смерти лиц? Ты лицемер... мер... Нумер... немцемор... громовер... морщемер...

На стене идет бой. Гром... ор... вер... На стене кровавые пятна отечественной войны. Клопы. Мы с ними вою... не один год. Не квартира, а сплошной клоповник. Вот бы их всех из автомата!

Огонь!

Если не хватит людей, можно вместо них послать в атаку клопов.

Своего клопа нужно беречь, клопов противника травить ДДТ. Обливать керосином.

Я горю. Говорю. Встречаю зарю. Кинотеатр горит, заря горит. Мне жарко. Хочется пить, хочется в туалет. До тебя мне дойти... До убор... Четы... ре... шага... почем ры... принес раз... сам проси... магазин... дзынь... камб... бам... бы... ла... к нам... Радиоприемник. Присылайте в мой ад... говорят, что я не кра... бродит... пар... за мн... женат... а я... холост... мно...

Хватит. Галиматья.

Выключил приемник. Раза три нагнулся, раза три присел, чтобы поразмяться. Помахал руками. Натянул трусы.

Раз.

И помчался в туалет.

Думал, перестала на кухне галдежка, значит все ушли.

Ошибся.

Нарвался на молодую соседку.

Лается.

Я говорю:

– Не волнуйтесь. В атаку на туалет лучше всего ходить в одних трусах.

Продолжает лаяться.

Я говорю:

– На Дону мы всегда стояли в ледяной воде в трусах. Так приказывало начальство.

Она говорит:

– Сумасшедший художник, какой ты мужчина, если у тебя на заднице трусы драные? Не можешь купить новые поприличней, с рыбками или петушками?

Соседка ругается. А сама чуть не голая расхаживает по кухне. Я не возражаю. Рассматриваю ее тело с любопытством достойным подражания.

Вернулся в комнату. Натянул штаны. Сходил, почистил зубы. Побрился. Окончательно проснулся. Соседка ворчит. Никак не может успокоиться. Перегородки между комнатами тонкие, все слышно, что делается у соседей. Моя почти всю ночь с мужем занимается любовью, не стесняется. Мычат, сопят, стонут от сильного перенапряжения.

Дело не в трусах, я так понимаю, просто ей хочется поговорить.

Работает она в рыбном магазине. Питаются с мужем одной рыбой. Провоняли всю квартиру. Камбала. Тут была, там была. Муж электрик или мастер по ремонту велосипедов. Подхалтуривает. Прыщав до невероятности. Кажется, что очередному прыщику, если он вздумает вскочить, не найдется места. Не понимаю, каким образом соседка могла выйти за такого прыща? К тому же бахвал.

Жене говорит:

– Все женщины меня любят. Все обращают внимание. За какой хочу, за той и приударю.

Жена в слезы.

Похоже, была какая-то причина, что соседка вышла замуж за этого пескаря. Скорей всего, со зла. Ухаживал за ней, говорили, какой-то парень. Поматросил, а потом бросил.

Прозвище мужу соседки дали подходящее – «Пескарь», он и действительно, ужасно похож был на эту незначительную рыбешку.

Соседка, по моему разумению, тоже хороша стерва. Кажется, что от ругани получает неизъяснимое удовольствие. Жарит моя соседка и варит рыбу. На первое – рыба, на второе – рыба.

Сидит, поджидает муженька, чтобы закатить очередной скандал, а он припрется пьян в дупель, как мертвяк.

Проснулся я в семь.

Протянул руку. Включил приемник. Передают какие-то пошлые песенки на злобу дня. Вроде: «Москва моя, страна моя, ты самая любимая...» Кретинизм. Выключил приемник. Побежал в туалет. Нарвался на соседку. Насчет трусов она конечно права, нужно купить пар пять новых.

Хожу по комнате, процеживаю сквозь сито воспоминаний вчерашний день.

Вспомнил.

Встретил вчера хористку с «Мосфильма». Бабенка ничего себе, разбитная, без предрассудков.

Трещала она так, что я из сказанного ничего не уловил. Кажется, только приехала из Одессы.

– Иду, а навстречу ты, старик, вот удача. Если ты в Одессе не бывал, то не знаешь, что это такое. Красота! Блеск! Полный блеск! Море! Приморский бульвар. Памятник этому, как его?

– Ришелье?

– Ему самому. Купались до одури. Я с одним... Что в Москве? Сто лет тебя не видела.

– Слона по улице водили.

– Обманываешь?

– А в Одессе что?
– Понимаешь, я туда летала с этим... Да ты его знаешь. Режиссер. Старый маразматик. Он там снимает новый фильм. Картина так себе: он в нее, она в него. А потом на яхте уплыли на какой-то необитаемый остров делать новую посткоммунистическую революцию.

Не получилось. Жителей на острове не оказалось, одни обезьяны.

Целый месяц с ним жила. Таскала за ним горшки. А он, поц, поступил со мной в высшей степени неблагодарно. Теперь вызвал из Москвы другую. Да ты ее знаешь... Думает, что она, как и я, будет за ним выносить горшки. Тысячу раз кретин, тысячу раз дурак. Она его выжмет, как лимон. Мне, паразит, обещал роль в картине, не дал. Ждала, ждала, вижу, что водит за нос, уехала. На фига мне сдалась такая самодеятельность!

Целый месяц горшки за кретином таскала. Ничего, я хорошо ему за все отомстила. Горшок с мочой вылила на голову, во! Посмотрел бы ты на его рожу, умора.

Так мы и расстались.

Этой дохлятине, с которой теперь живет, сразу дал роль. Я на нее не в обиде, баба своя, хоть и стерва записная. Да ты ее знаешь. Слизняк этот одной ногой стоит в могиле, а все выдрючивается. Чем она лучше меня? Торчат одни коленки. Он решил, старый пердун, что я за ним обязана мочу выносить. Простата у него, аденома у него. Да чхать я хотела на его простату. С меня хватит. Пусть теперь Дольникова носит. Да она не станет. Она с его башки выдерет последние волосинки. Ух, гад! Ух, сука! Представляешь его омерзительную рожу в тот момент? Ссаки так и текут, так и текут. А он утирается рукавом. Ух, и довольна я собой!

Расчудесный получился спектакль. Да ты Дольникову видел не один раз. Баба симпатичная. Картина дурацкая. Обыкновенная совковая бодяга. Он ее, она его, а потом, черт его знает, что потом. Кажется, что еще шпион появляется во второй серии, но его быстренько вылавливают. И отправляют на необитаемый остров. Или отправляют, а потом вылавливают.

У меня его горшки стоят поперек горла. Лягу спать, закрою глаза, а они выплывают из мрака: маленькие, побольше и совсем большие, громадные. И все на моего Лысика похожи, все лысы. Раздеваюсь, а у него слюна капает с губы. Противно смотреть. А слова какие говорит при этом:

– А вот это ти-ти-титечка, а вот это пипочка.

Глядит, сюсюкает, а сам тычет мерзким пальцев в сосок. Как вспомню, на вас, мужиков, не хочется смотреть. Противно.

Хорошо, что художника встретила. Он чем-то похож на тебя, такой же стройный и высокий. Он на меня молился. Я ему позировала. Он говорил, что в этом вонючем городе не найти подходящей натурщицы. Я поняла так, что город он назвал вонючим для красного словца. В это время на бульваре цвела акация и пахло морем. А в остальном он прав. Позировать лучше, чем таскать горшки. Я к художнику хожу, а Лысик выходит из себя, ревнует. Художник с меня пишет колхозную Венеру. Ты помнишь, какая у меня фигура?

Все художники несчастные. Он теперь там скучает без меня. Картину ему писать неохота. Картина заказная. Ему в этой глуши охота посмотреть на голую бабу. Я это хорошо улавливаю. Но мне все равно.

Вот что я тебе скажу, с Дольниковой даже колхозную Венеру не напишешь. Лысик скоро примчится за мной в Москву, вот посмотришь. Хоть убей, не поеду. Куда ему деваться?

Дольникова говорила, что ей нужна роль, а горшки с дерьмом она будет выливать ему на лысину. А как снимут фильм, она тотчас даст ему отставку. Она такая. Она и теперь уже лупит его по лысине мухобойкой или чем попало. Дольникова теперь в Москве. Хочешь, познакомлю?

Режиссер – дрянь. Дольникова баба мировая...

Вот оказывается в чем дело. К этой Дольниковой мы собирались пойти сегодня вечером. Во всяком случае, договор был такой.

Завтракать пошел в столовку, которая напротив дома. Столовая грязная. Вонючая. А ведь находится она почти в центре Белокаменной. Народ заходит, в основном, чтобы сообразить на троих.

В буфете прошлогодние бутерброды. Рубленые бифштексы, похожие на подметки. Официантки – старые грымзы. Плавают по залу, как груженые песком барки.

Соседка жарит камбалу, которую таскает с работы. Пахнет вкусно. Им она давно опротивела, а я бы с превеликим удовольствием откушал кусочек, а то и два.

Забота о брюхе у гуливеров стоит на первом месте. Мне, честно, подтрунивать над ними не больно охота. Несчастный народ. Работают, как проклятые, на всяких вредных предприятиях, а зарплата такая, что если не воровать, концы с концами не сведешь. Возьмем опять же мою соседку. Попробуйте постоять восемь часов за прилавком. И все на ногах, на ногах, под градом недовольных окриков покупателей. Что же ей в жизни кроме камбалы остается? Ничего!

Вернулся из столовой. Приходящая женщина делает в комнате уборку. Покрутился, да чтобы не мешать, подался к художнику Ситникову, благо, живет он недалеко. И живет, с обывательской точки зрения, смешно.

Две небольшие комнаты. К потолку подвешены несколько байдарок, которые сам сконструировал. На столике два подсвечника. Повыше подвешена перед ликом Божьей Матери рубиновая лампада.

Пришел к нему.

На мольберте картина.

Спрашиваю:

– Картина, видать, уже закончена?

– Да что ты, Николай Сергеич, всего сделано работы процентов пять. Мало снега. Снега нужно добавить, чтобы монастырь и люди возле него все были в снегу.

Угощение обычное. Чай с сушками. Я ни есть, ни пить не хочу, но, чтобы не обидеть Василия Яковлевича, от стакана чая не отказался. И сушку одну пожевал.

Иногда, когда Василий Яковлевич в ударе, он любит рассказывать всякие истории, которые с ним лично приключались.

Вот одна из них. Можно сказать, в стенографической записи со всеми особенностями изложения с применением собственной орфографии.

Вот как ты Николай Сергеич мне гаварил какдата я тожа люблю гулять па парку Горькава загаваривать с симпатичнами девушками Харошее эта занятие я тибе скажу падайдешь к девушки и загаваришь с ней о хароший пагоди инагда пападаюца такии што ни отвичают можить ани стисняюца, а можить принибригают таким недостойным, с их точки зрения, абарванцем а можит ажидают сваих хахалий атвичать ани баяца парень увидит и будит нимношко гаряч и будит как зверь эта девушка можит пастрадать из-за моей ниасматритильности другии девушки саглашаюца пахадить са мной па парку инагда ани ходят со мной в кино антиресное я тибе скажу занятие знакоми-

ца с девушками я тоже стисняюсь падхадить к девушкам но я стараюсь приадалеть в сибе эту робасть инагда у миня из-под самаго носа другии уводят красивую девушку инагда девушки пападаюца красавицы как графини ана пахожа на графиню а работаит прастой работницей на фабрики такая девушка как загаварит сразу видно што ана не графиня а прастая хатя и пародистая имеет лебединую шею и глаза балшии с длинными рисницами адиваца ани не умеют вкус у них равин нулю ходят ани в банальных адеждах кагдя я им про эта гаварю ани миня ни слушаюца я на таких красавиц сматрю с удавольствием кагда ани малчат луче штоба ани все время малчали но ани не могут фсе время малчать аткрывают рот я не хачу слушать што ани гаварят я хачу видить совершенные формы женскаго тела

Адна девушка гаварила што ей все равно какой мущина лиш бы харашо адивался и вадил в ристаран другая гаварила што любит толька маладых высоких а я не падхажу а я ей гаварю што я стройный и высокий и денги в кармани есть ана гаварит што я старый и плоха адет што ей стыдна са мной хадить па парку на мне адеты на нагах кирзовые сапаги каторыи я купил на Приабраженском рынке я эта фсе ей сказал ана немнога са мной пахадила а патом ушла дамой

Што я замичательный художник таких девушик савсем не интирисуит ани думают што я абарваниц а не художник художник по их мнению должин харашо адиваца

А я адиваца харашо не люблю мне так хадить нравица как одет в истертой адежде джинцы каторыи я в свае время купил у адного знакомаго инастранца были прежди новыи а типерь разадрались на жопи но я на эту дырку палажил харошаю заплату

Если я гаварю типерь так ниправильно ты Николай Сергеич не абращай внимания я так гаварю патаму што интилегенты

слушают и им нравица што я так ниправильно гаварю девушки в парке маего разгавора тожа не стисняюца ани стисняюца што я плоха адет инагда в парки пападаются студентки ани не так красивы как прастые девушки и гаварят фсе время про сваи икзамины эти студенки удивляютца не таму што я плоха адет а што все знаю

Кагда девушки перистают стисняца я их абнимаю и ани ничего не гаварят

Теперь я тибе раскажу Никалай Сергеич антиресную ахуительную историю

Захадил ка мне нидавна адин водаправодчик он работаит у нас в жеке он происхаждения из народа и учитца в вечерний школе мне с ним антиресна пагаварить я хачу узнать о чем он думаит этат вадаправочик он хоть и служит в жеки на малинькой должнасти а член партии патом кагда он кончит школу он пайдет учица далши а патом будит начальникам будит рукавадить другими людьми как им надо работать а можить будит рукавадить искуством я адну картину нарисавал спициально для ниго штобы он на нее фсе время сматрел и училси панимать настаящее искуство у него дома прежде висела плахая рипродукция с картины Шишкина Мишки пусь типерь любуица на маю картину

Был у нас в училище 1905 года адин студент он тоже интересавался искуством он бегал па фсему училищу собирал прафсаюзныи взносы начальники училища не магли без него абайтись рисавать у этаго студента время не аставалось и он ат нас значительна атставал па этай причини начальники стали продвигать его по абчественой линии

Аднажды какда мы акончили училище я его встретил на улице Горькава возли моссавета я прахадил мима магазина где прадавались кавры а он идет навстречу я с ним поздаровался

а он мне гаварит как паживаешь я гаварю што живу ничево себе патом мы абминялись фсякими другими дижурными любезнастями и разашлись в разныи стораны он хадил в магазин пакупать сваей жине михавую шубу ани шубу купить не смагли апаздали пришли кагда шубы расхватали другии люди

Типерь этат мой знакомый работаит в цк камсамола он сказал тагда штобы я зашел к ниму пагаварить я ни стал его абижать сказал што абизатилно зайду

Так мы разашлись в разныи стораны аднажды я зашел к ниму в цк возле двери там стоял человек в военной форме с наганом в кожаной кабуре этат часавой спрасил меня к каму я иду я назвал фамилию знакомаго часавой сказал штобы я посидел на диванчике какие бывают в обчественых мистах диривяныи с откидными сиденьими а сам стал званить по тилифону патом пришел дижурный с краснай павязкай на рукаве и мы с ним пашли на четвертый итаж на стенах каридора висели копии с известных фсем картин копии плахии а платят за них бальшии деньги я бы на этих халтурных картинах нарисавал настаящии картины щтобы ани любавались в каридори тишина я думал што сатрудники фсе ушли абедать а патом из дивирей кабинетов стали выглядывать разныи лица и разглядывать миня на мне надета рваная тилагрейка и драныи джинцы через пличо пирикинута пративагазная сумка сам пративагаз я выбрасил за нинадобнастью а сумку аставил очень харашая сумка в нее удобна класть всякие вещи патом дижурный падвел миня к двери на каторой висела табличка зам зав в эту дверь мы вашли и увидили симпатичную сикритаршу у сикритарши на стале стаит три телефона синий белый и красный дижурный ушел сикритарша сказала штобы я падаждал а сама скрылась в другую комнату мне паказалась щто ана прашла сквозь дверь толька я заинтерисавался как эта магло пранзайти как

ана апять аказалась переда мной ана раскрыла ширако дверь и я вашел в кабинет из этаго кабинета можна сделать харошую мастерскую на палу лижал настаящий красавец пирсидский кавер жалко што он лижит на палу и па нему ходят разныи лица в грязной обуви такой харoший кавер можна выставить на любой выставки в кабинети агромный писминый стол такой бальшой што на нем можно спать как на кравати над сталом партрет владимира ильича тоже написан маслиной краской как и картины в каридори и тоже халтурный такии партреты надо заказывать толька харошим художникам каторыи умеют харашо рисавать у миня от такой бесхазяйствинности фсигда начинает балеть душа знакомаго каторый сидел за сталом я не сразу заметил так я заинтерисавался красавцем кавром мой знакомый тоже миня не заметил он в эта время писал патом он заметил миня патаму што я кашлянул он пиристал писать палажил ручку в бальшую бронзавую чирнильницу каторая перед ним стаяла он улыбнулся дижурной улыбкой и сказал штобы я садился в кресла я увидил што знакомый миня не стисняица и мы стали с ним гаварить мой знакомый абищал дать фсякую харошую работу за катораю дают харошие деньги я атветил што бальшие деньги мне не нужны што у меня фсе есть я получаю пенсию за сваю шизоффринию и мне этих дениг хватаит я пакупаю триску и пирловую крупу и варю из них суп патом я ушел начальник астался у себя в кабинети кагда я ухадил на миня ище больше лиц сматрело из двирей ани думали што я ни панимаю што ани смотрят на миня как на диковинного зверя еще раз я видил знакомаго в цдри там была адна бальшая выставка он сидел в призидиуми значит ево еще больши павысили в должнасти мой знакомый каторый работаит в жеки тоже можит стать таким бальшим начальникам я типерь его васпитую штобы он панимал настаящее искуство...

Не дослушав историю, попрощался с художником и пошел домой. Открыв дверь, обнаружил записку, засунутую в щель. Вот ее содержание: «Лысик прислал телеграмму. Дает роль. Лечу срочно в Одессу. К Дольниковой зайди сам. Она тебя любит. Целую. Твоя навеки!»

Догадаться от кого эта записка не составляло большого труда. Нет, к Дольниковой сегодня не пойду. Лучше к Волину на Абельмановку.

11 сентября. *(Выписка из дневника Волина).* В комнате ни души. Я и кошка. Два независимых существа. Живем, не мешая друг другу. Заходил (как всегда не вовремя) поэт Асмоловский. 33 года. Верзила. Обувь 45 размера. Человек весьма схематичный, но неплохой товарищ.

Положительное – обладает большими знаниями.

Отрицательное – не способен анализировать явления.

Наговорили друг другу кучу любезностей: какие мы выдающиеся, умные, гениальные. Плакать хочется.

Занял четыре рубля. Не отдаст. Уходя, наступил кошке на лапу.

12 сентября. *(Из дневника Асмоловского).* Савелий Волин. 47 лет. Длинный. Худой. Страдает болями в желудке. Интеллигент из низов. Самоучка. Наиболее яркое воплощение «черной» литературы. Отношусь к нему хорошо. Хотя о нем упорно говорят, что он служил в КГБ. Кого-то избил во время следствия. Если что и было, виновата эпоха. Как положительное отмечаю в нем свой, хотя и резкий взгляд на мир, на жизнь. Проявляется это во всем: и в поэзии, и в быту. Но взгляд этот весьма ограничен. Смотрит на мир из помойки.

Моралист.

Желчен.

Но честен.

Думается, что так и останется старым холостяком до конца дней своих.

Читает мало и это малое читает бессистемно. В основном всю информацию черпает из разговоров с более начитанными приятелями.

Волин – человек недалекий.

Думается, что его судьба – оставаться второстепенным поэтом.

Если бы ему встретилась хорошая девушка, жизнь его стала бы оживленней.

Мне не безразлична его судьба. Скорее наоборот. Но как помочь человеку, который в свои сорок семь лет пишет с ужасающими грамматическими ошибками? Который самонадеянно переоценивает свои возможности, не понимает духа редакций?

Его литературные советы (которые он раздает налево и направо) наивны. Я бы сказал, глупы. В Горьком тоже был комплекс самоучки. Но он сумел стать начитаннейшим человеком своего времени. Сел на спинной хребет культуры.

Волину этого не дано.

И действительно, Асмоловский прав. Какие только слухи не ходили по Москве о Волине. Друзья в эти слухи не верили, считали его человеком безупречной репутации. А Волин посмеивался. И в некотором роде тешился, что о нем-де столько всего болтают. Считал, что слухи – это нечто вроде рекламы.

Николай Сергеич не разделял подобного мнения. Считал, что нельзя позволять говорить о себе дурное, что нужно пресекать подобного рода наветы.

Волин на это отвечал:

– Вот и о вас поползли по Москве малоприятные разговорчики, что на Юге в Гагре или Пицунде что-то случилось малоприятное.

Николай Сергеич сердился. Отмахивался. Давал понять, что не очень приятно слышать подобное. Пусть этим занимаются непоседливые московские девицы вроде Рики или Лилианны.

Встречал Волин Николая Сергеича неизменно радушно, как старого приятеля.

И Николай Сергеич тоже по своему хорошо относился к этому задиристому, а порой и просто нетерпимому своим крайним снобизмом человеку, да еще непоследовательному в своих суждениях. Сегодня он хвалит импрессионистов, а назавтра они уже, с его точки зрения, никуда не годятся. Объявляет гениями всех времен Малевича и Хлебникова. Под горячую руку доставалось и Александру Сергеичу Пушкину, Репину, да и Блоку вкупе с Маяковским, и доставалось частенько.

Приемы по средам. Двери открыты для каждого. Народу иногда человек пятьдесят. Половина сидит на полу.

Вечерами, бывает и часто, читают стихи. Спорят потом. Каждый свое наперебой как на рынке долдонит. Волин не вмешивается. Молчит. Пусть. Лишь бы не дрались, не будили соседей, которые мигом в милицию с жалобой даже в ночное время не ленятся – мчатся, как звери.

Николаю Сергеичу стихи Волина нравились своей незамысловатой простотой. Мировоззрение в них небольшое, так, зарисовки с натуры. Даже какая-то детская непосредственность в них проявляется, что привлекает, бесспорно. Стихи небольшие по объему. От двух строчек и до двадцати, не более.

Так думал о стихах Волина Николай Сергеич. И Автор в свою очередь согласен с ним вполне.

Лет десять, а может пятнадцать Автор с поэтом знаком. Встретились на какой-то выставке. Много их было тогда, и наших и западных. Время то с легкой руки Эренбурга называлось оттепелью.

Волин читал в этот вечер много, потому что просили.

Поэт был в ударе. Читал давно написанные вещи, что с ним за последнее время случается редко.

Пользуясь случаем, хочу познакомить вас с творчеством Волина.

+ + +

Время семь,
На дворе темь.
Ему не охота
Идти на работу,
Хочется спать.
Может, на всё
Наплевать?
Пусть увольняют,
Отдают под суд,
Надоел
Ежедневный труд:
Скрежет прессов,
Грохот станков...
Вдруг вскочил,
Как шальной...
Потом вспомнил –
Выходной.

ДВЕ СМЕРТИ

Дуб. Клен. Береза. Лес. Сосна. Ольха.
За лесом луг. За ним крутая впадина.
Внизу камыш. Осока. И река
Сверкает, извиваясь, словно гадина.

И сразу же за ней в деревне Надино
Могила воина, фронтовика.
На шпиле надпись: «Здесь в боях за Родину
Погиб сержант 145 полка».

А в сельсовете слышен пьянки гам,
Собрались гости из района там.
Сегодня праздник. Юбилей колхоза.

Миронов настебался до сшибачки.
Орал и охал. Ползал на карачках.
И умер утром дома от склероза.

Или

+ + +

Вот тут на углу остановка трамвая,
Вот тут проживает бухгалтерша Рая,
Вот тут я ей клялся: «Моя дорогая!»
Вот тут шли мы в ЗАГС 25 мая,
Вот тут в сентябре от нее удирая,
Едва не попал под колеса трамвая.

Или

РОССИЯ

Степь. Солнце. Пыль. Ковыль. Лес, как утес.
Обманна даль. Просторы – океан.
Вот кораблей заморских караван
Все ближе, ближе, смотришь, сена воз.

За далью город. Тощих ряд берез.
Провалы улиц. Баня. Ресторан.
На площади гранитный истукан.
В больницах рак. Склероз. Туберкулез.

В театрах пляска. Звякают мониста.
В парткоме заседают коммунисты:
Идет распределение квартир.

На фабрике собрание, за мир.
Дают получку. Значит, будет пьянка.
В бараке надрывается тальянка.

Или

+ + +

Вот сосед мой, как собака,
Слово скажешь, лезет в драку.
Проживаю я в бараке,
Он в сарае у барака.

Или

+ + +

На стенке барака у входа в барак
Написано: «Кто прочитает, дурак!»

Или

+ + +

На днях у Сокола
Дочь мать укокала.
Причина скандала:
Дележ вещей.
Теперь это стало
В порядке вещей.

Или

+ + +

На вечерку собралися к Фене.
Вот пришел шофер колхоза Сеня.
Села Феня к Сене на колени,
На коленях хорошо у Сени.
Только Сеня предлагает Фене
На минутку удалиться в сени.
Вышли в сени. А в сенях на сене
Шевелятся молча чьи-то тени.
«Чертовщина!» – возмутилась Феня.
«Лезем на чердак!» – ответил Сеня.

Или

+ + +

Кто-то выбросил рогожу,
Кто-то выплеснул помои,
На заборе чья-то рожа,
Надпись мелом: «Это Зоя!»

Двое спорят у сарая,
А один уж лезет в драку...
Выходной. Начало мая.
Скучно жителям барака.

Или

+ + +

Я в милиции конной служу,
За порядком в столице слежу,
И приятно на площади мне
Красоваться на сытом коне.

Или

+ + +

На окне цветочки,
В комнате уют,
У сарая бочка,
Рядом водку пьют...
У соседа дочку
В это время бьют.

Или

+ + +

В метро не пустили, заметили – пьян.
На улице быстро сгущался туман.
Он лег на асфальт у кирпичной стены,
А ночью с него были сняты штаны.

Или

+ + +

У меня соседи, словно звери.
Изъясняются со мной обычно так:
«Черт, куда тебя несет, седой дурак?
Закрывай живей на кухне двери!»
У меня соседи, словно звери...
Наше место жительства – барак!

Или

+ + +

Он говорил: я люблю их тела.
Речь между ними о женщинах шла.

Или

+ + +

В коридоре спорят двое.
Так себе, обычный спор:
Кто-то выплеснул помои
Из квартиры в коридор.

«Посмотри, нашли помойку,
Это Семкина опять!»
«Вот бы ей головомойку,
Стерве этакой, задать!»

Или

\+ + +

В пивной галдеж. И едкий
Махорки вьется дым.
В пивной на табуретке
Сидит сапожник Клим.
В пивной на табуретке
Уснул сапожник Клим.
Галдеж в пивной и едкий
Махорки вьется дым.

Или

\+ + +

Она в манто. А на манто
Лисица – чернобурка.
Она в манто. А на манто
Таскал финансы Шурка.

Или

\+ + +

Вино Рейнвейн. Вино Кагор.
Закуска винегрет.
Напьюсь. И лягу под забор.
Вот я каков – поэт!

Или

+ + +

В квартире у Зои
Цветные обои,
На койке перина,
На окнах гардины,
Халатик на Зое
Из ситца в полоску...
Она продавщица
Пивного киоска.

Или

+ + +

На стене висит афиша,
На асфальте дворник Гриша.
Смотрит Гриша на афишу.
На афишу. И на крышу.

Пригревает солнце крышу,
Вот и каплет на афишу.

Или

+ + +

В магазине у прилавка,
Как обычно, бабий гам:
«Что пристала, как пиявка,
Отцепися, в морду дам!»

В магазине гам и давка,
А на улице апрель.
Продавщица за прилавком
Отпускает вермишель.

Или

+ + +

У палатки сторож Тит,
Прислонившись к стенке, спит.
А в палатке были воры:
Ловко взломаны запоры.
Ну а Тит спокойно спит.
Вот теперь ему влетит.

Или

+ + +

Он официант.
На руке салфетка,
На манишке бант.

Со столов объедки
Бережно домой
Носит он в газетке.

Если ж выходной,
Из-за денег едко
Лается с женой.

Трезв бывает редко.

Или

\+ + +

В углу во дворе у барака сарай,
Повесился в нем кладовщик Николай.
Немало он продал и пропил добра,
Ревизию делали в складе вчера...
Стоял на дворе ослепительный май –
Народ окружил злополучный сарай.

Или

\+ + +

Икру и пирожные ели,
Коньяк и шампанское пили,
По счету платить не хотели,
Затем их швейцары лупили.

Или

\+ + +

В квартире сыро. Денег нет. Беда.
Куда деваться, как в дальнейшем быть?
Вот в лотерею если б выиграть, тогда,
Конечно, можно было б и зажить.
Сегодня вторник, или же среда?
Не знаю. Надо бросить водку пить.
Пойду, хвачу последний раз сто грамм
У Машки в долг. Когда-нибудь отдам.

И еще

+ + +

В пивной накурено. Петров торчит у стойки.
Получка вся. Теперь конец попойки.
Домой он не спешит, предчувствуя расплату.
Ленивый летний день катит лучи к закату.

Или

+ + +

Рыба. Икра. Вина.
За витриной продавец Инна.
Вечером иная картина:
Комната, стол, диван.
Муж пьян.
Мычит:
«Мы, бля-я!»
Хрюкает, как свинья.
Храпит.
Инна не спит.
Утром снова витрина.
Рыба. Икра. Вина.

Или

+ + +

Ресторан. Ковры. Гардины.
Груди. Затылки. Спины.
Вина. Бокалы. Шум.
Иванов угрюм.
Выпил.

Вспомнил, что было вчера.
Дом. Дети. Дележ добра.
Соседей рожи.
Изрубил сапоги, гардероб.
Щепки. Куски кожи.
На жену заорал: «Зебра,
Загоню в гроб!»
Теще переломал ребра.

Или

+ + +

Весь день торчу в пивной.
Без водки, как шальной.
Выпьешь, организм успокоится.
Жена говорит: «Пропоица!»

Или

+ + +

Жил за городом. На даче.
Покупал билет.
Кассирша не дала сдачи.
Ругался на весь вокзал.
На последнюю электричку опоздал.
В гостинице без паспорта
Не пустили в номер.
Ночевал на улице.
Простудился. И помер.

Или

+ + +

Зал ресторана набит до отказа,
Слышатся звуки знакомого джаза,
Пенятся, искрясь, бокалы вина.
Девушка в беленькой блузке пьяна.
Ей неприятно и хочется спать...
Кто-то нагнулся ее целовать.

Или

+ + +

Он объяснялся Тоне
В таком тоне:
«Наши сошлись пути,
Давай поженимся,
Вдвоем легче по жизни идти!»
Купил к свадьбе подарок, халат.
Через месяц выяснилось, женат.

Или

+ + +

Он и она в кино.
Им не до кино.
Идет спор,
Начатый где-то разговор.
Он шепчет:
«Хочу тебе добра»,
На экране рявкнули:
Урраа!

Или

+ + +

Лето.
Открыто окно.
На столе в бутылке вино.
На улице детский писк,
Женский визг.
В руке измятый конверт.
Вспоминается март,
Тогда от него ушла жена.
«Не люблю, – заявила она.
Теперь пишет:
«Скоро вернусь назад».
Он рад
И не рад.
У нее такая привычка,
Она истеричка.

Или

+ + +

Надоело!
Осточертело!
Свидания – наказанье,
Скука,
Пытка!
Однако,
Продолжаешь встречаться,
Начинаешь влюбляться,
Привязываешься, как собака.

Или

+ + +

Напился. Пел песню: «Широка моя страна».
Произносил знакомых девушек имена.
Любимую звали Риммой,
Нелюбимую Симой.

Или

+ + +

Познакомились у Таганского метро,
Ночевал у нее дома.
Он – бухгалтер похоронного бюро,
Она – медсестра из родильного дома.

Или

+ + +

«Мороз сегодня крепкий», –
Поеживаясь зябко,
Один – который в кепке,
Сказал другому – в шапке.
А тот в ответ на это:
«А ты что ж думал, лето?»

Или

+ + +

Работал на заводе «Мосштамп».
Ремонтировал штамп.
Кто-то по ошибке включил рубильник...
Раздавило, как муху, остался один напильник.

Критик Осетров. Пригласили в дом, сказали, что будут читать интересные, порядочные поэты. А что получилось? Давно не слыхивал подобной чернухи, и вот напоролся на крепчайший маразм выжившего из ума немолодого человека.

Редакции журналов буквально заваливают подобного рода галиматьей. И каждый требует, чтобы напечатали и как можно скорей. Ну, если человек присылает стихи из провинции, с завода, если это труженик полей, такому труженику простительно писать плохие стихи, когда ему писать вообще, если он у станка или в поле работает целый день. Посоветуешь такому поэту от станка побольше читать, углублять знания, он и рад. А ведь этому так называемому поэту такой совет не дашь.

Только человек, презирающий, эпатирующий общество, может позволить себе выносить на всеобщее обозрение слабенькие в художественном отношении вирши. Есть еще в нашей стране любители извратить действительность, любители перебирания грязного белья.

Поэт Волин смотрит на мир, на общество из глубины сточной канавы. Не говоря о том, что стихи его беспомощны и подражательны. Там же, где он самостоятелен, он производит еще более гнетущее впечатление. Все дело в том, что он своими стихами пытается привить людям эстетику безобразия. Отсюда и наблюдается в стихах нагромождение всяких ненужных скучных ужасов, которые навевают на читателя непроходимую тоску.

Цитирую:

Обозвала его заразой.
И он, как зверь, за эту фразу
Подбил ей сразу оба глаза.
Она простила, но не сразу.

Или вот квинтэссенция кухонных, состряпанных наспех ужасов.

Цитирую:

На кухне две соседки
Вели заядлый спор.
Одна кричала едко:
«Твой муж Андрюшка – вор!»

Другая тотчас метко
На это ей в ответ:
«А у тебя, соседка,
И вовсе мужа нет!»

Кстати говоря, мне представляется, что вульгарное слово «заядлый» здесь употребляется неверно, да и не к месту.

Из цитированных стихов видно, что все окружающее представляется автору сплошным, бесконечным кошмаром, выхода из которого – нет!

Цитирую:

У меня соседи, словно звери!
Изъясняются со мной обычно так:
«Черт, куда тебя несет, седой дурак,
Закрывай скорей на кухне двери!»
У меня соседи, словно звери...
Наше место жительство – барак!

С удовольствием, смакуя, поэт пишет и о побоях, о тех, которые умирают от пьянства, о других, не искорененных пока еще в нашем обществе пороках. Что это, глупость или

нежелание видеть те достижения, которые имеются у нашего народа?

Все это представляется более понятным, если вспомнить о том, что главная цель подобной низкопробной поэзии – опоэтизирование всякой нечисти, дряни, мерзости, какой бы характер они ни носили, в чем бы они ни выражались. Представляю, как автор-отшельник сидит у себя в домике и строчит, скрипя грязным пером, вот такие строки.

Цитирую:

Здесь зарыто Марусино тело.
Замуж не выходила. Говорят, не хотела.
Сделала 22 аборта.
К концу жизни была похожа на черта.

Но избранная манера письма, помоечное мировоззрение, чуждое нашему обществу, жестоко подвело автора.

Его философские познания, способность анализировать явления ниже всякой критики.

В конце чтения, когда тема несчастной гулящей Маруси исчерпала себя, автор принялся обличать искусство, показывая это через разговор двух обывателей, мужчины и женщины.

Цитирую:

Любишь *(соблюдаю орфографию автора)*
Соловьёго-Седого
Да
Балет
Нет
Ерунда
Бред

Опера – свинство
Симфония – хамство
Завязалось знакомство

Но беда вся в том, что злоба – чувство не поэтическое. Можно опоэтизировать гнев, досаду, но никогда – злобу. Озлобленность стоит вне поэзии, как вне поэзии стоит следующее доверительное признание.

Цитирую:

Мы все отчасти проститутки.
Вот я – ведь дома не был сутки.
А где я был? У Нюрки спал.
А что жене своей сказал?
Сказал, чтоб не было скандала:
«Дела, начальство задержало!»

Скучно. Занудно. Холодно. И глупо. Изящества в этих строчках ни на копейку. В стихах Волина существуют две крайности: уродливое подражание и признание в ненависти к окружающей действительности. Далеко не всякая правда происходящего становится правдой поэзии!

Скажу без обиняков: большинство из прочитанных тут стихов написано под прямым воздействием и очевидным влиянием Саши Черного.

Далее хочу обратить ваше внимание на атрибуты авторской речи: «рыло», «пьянка», «звери», «зараза», «аборты», «клопы», «тараканы» – все эти слова антихудожественны, натуралистичны.

Думаю, у Волина со временем могут появиться стихи о здоровом коммунальном быте. Ведь не живет же он теперь

в бараке, а в нормальном каменном доме с паровым отоплением, с газом, с горячей водой, с ванной, поди?

Для чего делать перекос на нашу ежедневно изменяющуюся жизнь?

Волин. Залупу конскую тебе в нос!

Автор. Простите, вы, мне кажется, не готовились к выступлению, а произнесли свою речь экспромтом, поэтому у вас проскальзывают некоторые неточности. Вот, к примеру, слова, которые вы относите к разряду запрещенных, – ведь почти все русские поэты и писатели употребляют эти или подобные слова.

Критик Осетров. В своем выступлении я использовал некоторые свои статьи и рецензии не на эти, но на подобные неудобоваримые стихи.

Автор. Будем надеяться, что вы не собираетесь публиковать свои скоропалительные опусы.

Критик Осетров. Собираюсь. Пора положить предел халтуре в советской замечательной литературе. Что скажут Там, прочитав приведенные выше поэтические строчки? Уверяю, что все вражеские голоса откликнутся с превеликим удовольствием. Я старый человек. И скажу:

За державу обидно!

И еще замечу, господа хорошие, те самые вещи, о которых пишет поэт Волин, разработаны другим, я бы сказал, гениальным поэтом нашей эпохи Семеном Дымокуровым.

Но как разработаны, божественно! Вы только вслушайтесь в его звукопись, всмотритесь в каждое слово.

Цитирую:

А женщина белье стирала,
Стирала женщина белье.

Тема одна, а исполнена она по-разному. У Дымокурова мы видим возвышенность чувств, прозрачность, петь хочется, прочтя эти замечательные строчки.

У Волина – грязь, смрад, злоба. Нечем дышать в его затхлом мирке. Поэт Семен Дымокуров смотрит на мир с недоступной для некоторых поэтической высоты. Волин – сквозь призму клозета.

Как приподнял, как превознес Дымокуров слово – женщина! С какой полнотой, с каким чувством оно произносится поэтом!

А женщина белье стирала,
Стирала женщина белье...

Ни одному современному поэту не удалось так филигранно отшлифовать, так удачно употребить слово – женщина.

Волин в своих стихах скользит по поверхности жизни. Плохое видит, поднося к нему увеличительное стекло. Дымокуров ввинчивается в суть, старается осмыслить самые мелкие события действительности, обобщить их.

Да, женщина стирает белье. Но из стихов Дымокурова видно, что делает она это из любви к любимому человеку. Черная работа приносит ей светлую радость. Это вам не «Марусино тело», не «22 аборта»!

Волин ползает по земле на четвереньках, Дымокуров шагает по ней во весь свой гигантский рост, гордо подняв возвышенную голову.

Автор. Вы закончили?

Критик Осетров. Закончил. Ухожу. Не могу оставаться в подобном богемном, а вернее, деклассированном обществе!

АБЕЛЬМАНОВКА

Савелий Волин проживал в описываемое мною время возле Крестьянской заставы.

+ + +

Вот Крестьянская застава.
Жду. Должна приехать Клава
Не поздней шести часов –
Пусть завидует Петров.
Вот Крестьянская застава.
Не приедет, видно, Клава.
Время скоро семь часов,
Видно, с Клавою Петров.

Крестьянская застава. Пролетарская площадь. Абельмановская улица. Кинотеатр «Победа». За ним убогие одноэтажные домишки с полуподвалами, которые тянутся до мясокомбината им. Микояна.

В одном из таких (окошки маленькие, наполовину в земле) полуподвалов Волин снимает у алкаша Петровича небольшое помещение. Номер дома не помню.

Вход со двора. Найти нетрудно. Ворота напротив кинотеатра.

Удобств никаких. Дровяное отопление. Топят печь иногда, чтобы не замерзнуть.

Про печку Волин всегда забывал. Гости придут. Насобирают во дворе и вокруг кое-какие дощечки. Вода замерзает в чайнике и в кастрюле. Ничто не спасает от холода. Приходится спать в верхней одежде и в шерстяных носках.

Стены каменные, толстые.

Полы дощатые. Щели такие, что ногу сломать ненароком можно вполне.

Комнат две. Одна из них вроде бы служит гостиной, другая спальней, где койка железная ватным одеялом покрыта. В гостиной потертый диван и десяток хромоногих стульев в придачу.

Убираются комнаты редко. От этого воздух становится затхлым, а на кухне гора грязной посуды и пахнет кислятиной.

Иногда, как прекрасное видение, появится сердобольная девушка, пол подметет и перемоет посуду.

Трамвай возле дома. Сошел, и в подворотню, как в колодец, которых теперь в Москве почти не осталось. Прежде такие ворота любили купцы. Запирались на ночь засовы и вешались замки килограмма два весом.

Пройдешь подворотню, взору предстанет зеленый лужок небольшой. Слева сарайчики стоят, как старушки и старички. В них соседи хранят кое-какие дровишки для зимнего времени. Один Волина, но пустой. В нем он иногда спит, когда надоедят гости. Дверь в полуподвал, как пройдешь подворотню, направо. Запомни, чтобы зря не тыкаться носом в другие места. Она зеленого цвета, клеенкой обита. Звонка нет. Стучи ногой что есть силы. А лучше всего сразу дерни за ручку, скорее всего она не закрыта. В сенцах темно. Ничего, пробирайся на ощупь. Но упаси тебя, не сворачивая в сторону. Двигайся прямо. Иначе наскочишь на железную бочку, в которой вода. Ох, и загремит она. Ноги себе отобьешь.

Если повернешь налево, попадешь в уборную. Встречный марш сыграет тебе унитаз. Лучше всего постоять в темноте, пока глаза не привыкнут, пока не различишь в полутьме

другую дверь, обитую тоже, но не клеенкой, как входная, а мешковиной.

Дерни эту дверь на себя. Войдя в комнату, не пугайся, будь готов ко всему. Мыши будут сновать.

Волин на стенку повесил плакат, чтобы гости мышей не пугались и не трогали их. Стульев берегись – прежде чем сесть, попробуй, прочно ли они стоят на полу. Все эти стулья выброшены гражданами на помойку и подобраны Волиным для своего жилья. Тараканов, как и мышей, не опасайтесь, они тут ручные, не укусят и в карман не заползут.

Многие стулья имеют не четыре ноги, а три.

Так-то вот!

Вешалки нет. Если в пальто, можешь повесить на гвоздик в стене, а лучше пройти в другую комнату и положить на кровать.

На кухне уже перед приходом гостей торчит человек пять заросших щетиной и грязнодлинноволосых, переминаются с ноги на ногу, исполняя своеобразный похмельный танец. Соображают на бутылку. Кладут кто по рублю, кто трояк, в старую кепку.

На грязной тарелке на столе остатки квашеной капусты, на газетке килька, которая в лавке стоит 50 коп. за кило, и ломоть черняшки.

Все эти типы – художники, да какие: талант на таланте: Анатоль Дверев, Травинский, Тятницкий. И еще двое, если не ошибаюсь: мистер Мишель Пробман и сэр Эд Танберг.

Случайный гость от такой обстановки приходит в неописуемый ужас. В какой вертеп он попал? Не притон ли? Не пришьют ли так себе, за будь здоров?

Не пугайтесь, не пришьют.

Никто и пальцем не тронет. Тут ты в полной безопасно-

сти, как у Христа за пазухой. Самое большое, предложат положить рублик в кепку.

Пришедший в растерянности стоит посреди комнаты, не знает, что сказать. Тут, как спасительный якорь, подходит к нему хозяин со словами:

– Что же вы стоите, дорогой, раздевайтесь! У нас без церемоний. Проходите вот сюда в комнату.

Гость после ласковых слов, обращенных к нему приветливым хозяином, косится слегка то на Травинского, то на Дверева. Кажутся они ему подозрительными. Больно уж разбойные рожи. У одного густая черная борода, у другого хищными огоньками сверкают маленькие глазки.

– Испугались? Ничего, привыкнете, они ребята славные, знакомьтесь.

Гость робко всем по очереди протягивает руку.

– Рублик на водку они у вас потребуют. Что, уже потребовали? Шустрый народ. Пальто повесьте на гвоздь или положите на кровать. Да раздевайтесь, раз пришли. Чего стоите, как изваяние?

После подобного дружеского окрика гость начинает приходить в себя. Делает, что от него требуют. Снимает пальто.

Волин. Шапку засуньте в рукав. Вы инженер? Очень приятно.

Гость. Меня к вам послала Вика Ваневская. Сказала, что у вас вечерами читают стихи молодые поэты.

Хозяин берет гостя под ручку и проводит в комнату. Где собралось уже человек двадцать пять. Кто на койке сидит, кто на стульях, а некоторые на полу, газету под себя подстелив. Гость закашлялся от табачного дыма, плотность такая, что можно подвесить топор.

Шел разговор.

В комнате:
– Ах, какая замечательная выставка в Мосхе на Беговой! Первый раз разрешили. Не были? Сходите обязательно. Получите истинное удовольствие.
– А кто там?
– Да наши все, московские леваки.
На кухне:
– Водку притащил? Перцовка? Где брал?
– Где-где, на Крестьянской в гастрономе.
– Давай ее сюда, голубушку, ставь на стол. Осторожней, гад!
В комнате:
– Жаль, что вы не слыхали. То есть, я хочу сказать, хорошо, что не слыхали. История блеск: Телепенников, вы его все знаете, недавно на последней выставке в Академии получил лауреата, а за что? Нарисовал доярку с автоматом в руке. Так вот этот Телепенников разошелся с Варенниковой, которая прежде была любовницей Маренникова. Что у них творилось в квартире, перебили весь фарфор, весь хрусталь. Потом Варенникова забрала все его картины и смылась пока не известно к кому.
На кухне:
– Жопа, разлил не точно, долей еще глотка два!
В комнате:
– Она так прекрасно вяжет, я имею в виду Туманскую. Не могла она ему испортить вещь. У нее, можно сказать, золотые руки.
На кухне:
– Давай, бля, еще стакан. Видишь, человек пришел?
На кухню не вошел, а вполз весь в грязи художник Топильский.
– Где это тебя так?

– В траншею угодил. Еле вылез. Если бы не один пьяный мужик, пришлось бы кукарекать до утра.

В комнате:

– Не перебивайте! Пришел к известному художнику сын известного композитора. Художник уже умер. Композитор тоже умер. Оба умерли почти в один день от тоски по настоящему искусству. Так вот этот сын покойного композитора хотел украсть рисунок покойного художника. Да жена покойного художника заметила: «Что это, – говорит, – у вас за пазухой?» А тот в ответ издает одни мыки.

На кухне:

– Вчера, бля, у Горобца поддавали всю ночь. Дали прикурить. Одной водяги литров пять. Коньяк был. Шампань была. Участковый потом приперся, тоже выпивал. «Здравия, – говорит, – желаю!» Откуда он взялся, мы так и не сообразили. Потом Люба пришла, потом Катя и еще девчонки. Я почему-то утром оказался с Дверевым в одной постели. От него чесноком прет, как из пивной бочки. Потом к Вешникову поехали, потом к Дешникову. А потом у Телепешникова в Беляево еще двое суток пили. Он живет рядом с Плешниковым. Так вот этому Плешникову кто-то на плешь насрал, когда он спал. Кажется Дешников. Обвинили почему-то во всем меня. Хотя я не срал на него, а ссал.

Жену Плешникова использовали вместо половой тряпки. Блевотину ей на кухни вытирали.

В комнате:

– А нас сегодня стихами будут угощать?

– Интересно, кто будет читать?

– Говорят, Пудяков.

– Кто он такой?

– Переводчик.

– А я думала актер из МХАТа.

На кухне:

– Водка вся. Эй, Тятницкий! Где Тятницкий, куда он, блядво, подевался?

Под столом Тятницкий. Выволокли. Стряхнули пыль.

– Ползи, Тятницкий, в магазин, пока не закрыли.

В комнате:

– У одной знакомой на Арбате в квартире выставили картины художника Яковлева. Клево. Если пойдете, скажите, что от меня. Там уже побывало пол Москвы. И Костаки, и Санович, и Глезер, и Талочкин. Говорят, что и Травинский и Дверев побывали.

Дверев. О нас толкуют. Может, займут трояк?

Травинский. Не дадут. Собралась одна шваль, как и мы, у которой в кармане вошь на аркане. У Волина просить совестно. Давайте подожжем эту халупу со скуки. Погреем руки у костра!

Дверев. Не выйдет, Волина жалко. Он друг.

Травинский. Вот и Петрович пришел. Петрович, давай бутылку. Не дашь, халупу твою спалим вместе с дерьмом!

– Где я вам возьму?

– А вон из кармана горлышко торчит.

Петрович. Участкового позову!

Травинский. Тятницкий, куда ты запропастился, опять под столом? Вылезай, сейчас Петровича будем бить!

Дверев. Сам, сука, на халтуру каждый день у нас напивается. А теперь бутылку пожалел!

В комнате:

– Травинский – это тот, который рисует травки?

– Не травки, а цветочки.

– Неправда. Он рисует абстрактные картины.

– Абстракционист? Люблю абстрактное искусство!

На кухне:

– Об абстракционизме толковищу развели. Может попробовать занять?

Петушка им дали. Волин дал. На стол положил незаметно.

В гастроном пополз Пробман в обнимку с Тятницким.

Дверев. Свиблово. Дома вечером не застать. Только днем. Торчит допоздна у старухи Посеевой.

– Люблю, – говорит, – ее, сучку, больше всех на свете. За что люблю, не знаю, но люблю!

Гнала в шею. Потом привыкла ко всем его чудачествам.

Говорят, что картины теперь за него пишут многочисленные жены. Которых у него нет счета. Одних выгоняет, других привечает.

Припрется от старухи Посеевой часа в два ночи. И дрыхнет потом до самого обеда.

Проснувшись, скликает жен. Они вокруг него в кружок присядут и слушают, что скажет муженек дорогой. А он сказать ничего не может.

Будильник: тик-так!

В голове: тик-так!

Веки сами смежаются.

Голова сама на две половины распадается.

Постепенно удары будильника превращаются в удары молотка по башке.

– Ай, ой! Мертвый я или живой?

Какие тут могут быть картины? До вечера бы дожить.

– Женушки, жены, пишите за меня, выполняйте заказ, пишите добросовестно. Войдите в мое пиковое положение. Голова не варит, руки и ноги не шевелятся. Покупатели будут. Вчера

подцепил одну гренландскую утку, хочу ему сегодня парочку картинок всучить.

Жены сидят, ни полслова Двереву не говорят. Жаль бедного страдальца. Слезы у них из глаз капают.

Видя, что жены готовы творить, что они возбуждены и взбудоражены, он раздает им краску и бумагу, которые лежат у него в сундучке под кроватью. Место священное. Ни одна живая душа не имеет права прикасаться к этому сундучку. Если прикоснется, немедленно из дома изгоняется.

Получив материал, жены по приказанию Дверева к рисованию приступают. Которые не приступают, дурака валяют, получают на первый раз хороший окрик.

Таким нерадивым он говорит:

– Что вы сидите, бездельницы? Задаром кормить не буду. Живо за дело!

– Мы не знаем, что сегодня нужно малевать, какие сюжеты. Поэтому и сидим так.

– Малюйте, что выйдет. Не выводите из терпенья. Буду злой. Буду ругаться. Будут вам колотушки.

Жены рисуют. Стараются. Дверев на постели лежит. Чешет левой рукой ляжку правой ноги. А правой рукой держится за похмельную голову. Охает, ахает.

Жены спрашивают: что с тобой, муженек дорогой?

– Что-что, не видите что? С Горобцом вчера по бутылке на брата. А потом еще бормотухи приняли без счета.

Жены тоже ахают:

– Ах, ах, ах.

– Нечего ахать. Рисуйте картинки.

Только два человека имеют законное право не рисовать: сам Дверев и самая молодая жена, которая ходит на рынок и приготовляет пищу для всех, а Двереву кофе приносит в постель.

Это доверено ей.

Рисовать она пока не умеет. Пока она только учится.

Те жены, которые рисуют, окончив работу, лежат кто где, задрав ноги до потолка, книжечки почитывают.

Правила у Дверева такие: жены слушаться должны во всем. Ослушницы наказываются строго, вплоть до бития по мордасам.

Случаи неповиновения случаются редко. Один раз жены подняли бунт – почему им не дают выходных? Двереву пришлось пойти на попятный, дать задний ход. Стал отпускать по воскресным дням, чтобы они имели возможность немного развеяться, сходить в кино или на танцы в городской парк. Дискотек, как теперь, тогда еще не было в помине.

– Краску, суки, – говорил Дверев, – экономьте. За краску приходится платить большие деньги. Это нужно очень хорошо понимать. Бумагу тоже не расходуйте зря. Если рисуешь коня, а он не получился, сделай козу. Чем коза хуже коня? Не получилась коза, обезьяна получится наверняка. Если уж и обезьяна не выходит, пририсуй ей усы, выйдет казак или калмык обязательно.

Жены стараются. Машут кистями проворно. Только локти мелькают. Если какая зевнула, краски подцепила больше чем надо, Дверев немедленно запускает в нее какой-нибудь предмет, который оказывается под рукой: стакан или еще что, пивную бутылку, ботинок...

У жен от этого действия на лице и на других местах появляются синяки. Разве усмотришь, сколько подцепила краски, если соседка рассказывает интересную сплетню.

«Это гарем, – скажете вы, – настоящий гарем!»

Нет, тут гаремом не пахнет. Все жены бывшие. Он с ними не спит. Только одна, последняя, которая не умеет рисовать, служит подстилкой, да и то очень редко.

Дверев о своих бывших женах выражается так:
– Жалко баб. Без меня пропадут. Не хочется их гнать. Своей жилплощади не имеют, потому что приехали из разных других городов счастья искать в московских пределах. Пусть рисуют картинки. Польза от этих картинок большая. Фирмачи дают за них баксы. Сам делать нужное количество не успеваю. Они мне помогают.

Окончив работы, жены к Двереву подбегают. Он им ставит оценки, кому четыре, кому три, пятерок не ставит. Заработанные деньги делит поровну всем.

Все громче голоса в комнате. Все громче голоса на кухне. Битье посуды на кухне. Русским духом запахло на кухне.

В комнате:
– А я был на вечере поэзии в Литературном музее. Выступали молодые: Симак, Рязанов, Говорухин и другие.
Голос. Так им уже за шестьдесят!
– Так объявили.

На кухне.
– Мурло, бля! Куда, бля, из стакана девалась водка?
Травинский. Пробман, бля, вылакал.
Танберг. Не уважаешь ты меня, Миша.
Пробман. Я тебя, бля, уважаю, Эд. Люблю и уважаю!

Народ все прибывает. В комнатах тесно. Многие стоят на улице, обсуждают последние московские слухи и сплетни.

Вошел восточного типа мужчина. Еще не старый. Но волосы с проседью. Хотел прошмыгнуть мимо художников. Не получилось.

Послышались голоса:
– Бутылка где?

– Вот она.

– Выпьешь с нами?

– Нет, сегодня не могу. Хочу поработать.

Это поэт Генрихович. Известный в литературных кругах модернист.

За ним показался Тархалов. Бутылки у него не оказалось. За ним еще кто-то, кажется Ситников с рыжей спутницей, которая оказалась дочерью мадам Стивенс. Эта спутница, кажется Ася, кому-то под задницу подложила «шутиху». Вонь пошла по всему помещению. А сама просидела весь вечер, рта не открыла.

Автор. Для чего я это рассказываю? А, вспомнил, просила Ирина, хозяйка квартиры, где произошло самоубийство. Ей хотелось узнать, как ведут себя богемные люди. Так вот и ведут!

Пьют
Блюют
Пишут в свободное время стихи, картины
Спорят, кто талант, а кто бездарь до хрипоты

Те, которые в комнате, тоже к середине ночи напьются. Верхняя одежда – пальто, куртки, шубы – давно уже слетели с гвоздей. Валяются на полу. Входящие вытирают ноги о какую-то шубу, думая, что это половик, который постелил предусмотрительный хозяин.

Вот и Николай Сергеич появился. Кивнул кое-кому, в том числе и поэту, и уселся рядом с девушкой.

Приехал известный юморист Пожарик. И сразу начал рассказывать хохму:

Знаменитость эта пела песенки на эстраде, которые пользовались огромным успехом не только у публики, но и у началь-

ства, снималась в кино, и в Колонный ее приглашали во время торжеств.

После трудов праведных Знаменитость любила заглянуть в ресторан «Метрополь». Там знали и столик для нее оставляли.

Сидит Знаменитость. Песенку под нос себе напевает: «Помирать нам рановато, У нас дома есть еще дела...» Или что-то в этом роде.

Увидев Знаменитость, официанты засуетились с особым стараньем и почтеньем. Вот и метрдотель на цырлах скачет, вроде его наскипидарили.

– Извините, сразу не заметил, что изволите? Ах, как приятно, что пожаловали! Есть осетринка первой свежести. Можно по-монастырски сварганить.

Несется метрдотель на кухню. Хватает сачок, и к фонтану. Но Знаменитость машет. Рыбы она не желает. А желает котлетку де валяй.

Знаменитость, пока не готова котлетка, услаждает себя икоркой под водку. Стопок пять уже хлопнул. Устриц в наших ресторанах не бывает со времен нэпа, а икорка пожалуйста. Можно есть столовыми ложками. Столик укромен. Мягкий диван. Приятно посидеть часик после концерта. Отдохнуть после бурных аплодисментов поклонниц. Сегодня – и как они пронюхивают, бестии, – когда выходил с черного хода, налетели, едва не оторвали детородные причиндалы. Еле успел увернуться. Хорошо, что подоспел, как он их именует, городовой.

Поев смачно, Знаменитость вразвалку направляется в кабинет директора ресторана, чтобы звякнуть знакомой актрисе. Вечер еще не окончен. Нужно как-то убить время. Лучше у женщин.

Позвонил.

В ответ:

– Приезжай поскорей, голубок. Я одна и скучаю.

Захватив бутылку шампанского и бутылку коньяка «Юбилейный», выйдя на улицу, взметнул руку, как семафор.

Тотчас такси, как из-под земли.

– Садитесь пожалуйста, жду вас уже целый час.

Шофер знает, что подобная знаменитость может не заплатить по счетчику. Если напомнишь, схлопочешь по роже.

Сегодня шоферу, можно сказать, повезло.

Настроение у Знаменитости благодушное. Котлетка вкупе с икоркой улеглась в желудке нормально. Шеф-повар постарался. Знает, что и в рожу знаменитость в случае чего может запустить, не моргнув глазом. Милиция если и приедет, чтобы усмирить дебошира, постарается дело замять.

А шофер теперь целую неделю будет рассказывать коллегам, как он с ветерком по Москве прокатил любимца шоферской братии. Поет он среди других песен одну про то, как баранку сжимал, кажется, пьяный шофер. Или наоборот.

Подъехали к дому сталинской архитектуры на Ново-Песчаной. Шофер не успел моргнуть глазом, как Знаменитость выпорхнула из машины – и в подъезд, в лифте на девятый этаж.

– Хрен с ним, – подумал шофер про себя, – отыграюсь на других седоках!

Актриса красива, большеротогрудиглаза.

Поклонников хоть отбавляй. Один из-за нее повесился, одного пришили.

Комната. Ковер на полу, привезенный в подарок каким-то министром. На стенах картины, иконы. Свечи кругом. Электричество терпят только на кухне и в туалете.

Дальше анекдот. Дверь Знаменитости открыла голенькая актриса.

– Дорогой, как хорошо, что поторопился. Дуй в ванну, раздевайся и в постельку.

Знаменитость поспешила. Скинула с себя одежонку. Глянула в зеркала на порядочный уже животик. И в комнату. А там полно гостей. Все во фраках, как на диппприеме у посла Перу или Никарагуа.

Знаменитость застеснялась. Бросилась, чтобы одеться, но поскользнулась, брякнулась на пол и проехала метра два по паркету на собственном животе, что вызвало всеобщее одобрение присутствующих.

Человек, сидящий на низенькой скамеечке. Эту историю я слышал месяца два назад у Лозовских.
Николай Сергеич. Общеизвестный анекдот.
Человек, сидящий на низенькой скамеечке. Да что вы говорите?
Николай Сергеич. То и говорю.

Регина. Этой особе будет отведено в романе достаточно места.
– Что это за мужчина? – поинтересовалась она у своего кабаноподобного спутника.
– Ты о ком, дорогая?
– Вот о том седом.
– А – так, один художник-неудачник. Друг хозяина дома. Ходят слухи, что он стукач.
Регина. Симпатичный человек, он мне нравится.
– Так он же старик. Наверняка ему уже за сорок.
Регина. Познакомь.
Кабаноподобный. Не бузи.
– Не хочешь, познакомлюсь сама.
Кабаноподобный. Николай, тут с тобой хотят познакомиться.
Николай Сергеич *(беря светский тон)*. О, я весьма польщен.

Регина (*кокетливо*). Я тоже несказанно рада.

Николай Сергеич. Значит, мы рады взаимно.

Регина (*еще более кокетливо*). У нас вышел спор, сколько вам лет.

Николай Сергеич (*еще более кокетливо*). Это так важно?

Регина (*еще более кокетливо*). Женское любопытство.

Николай Сергеич (*еще более кокетливо*). С вашего разрешения, сорок шесть.

Регина (*играя огромными глазами*). Как вы еще молодо выглядите. Я бы вам больше тридцати не дала.

Николай Сергеич. Приятно слышать. В особенности от вас.

Регина (*делая широкие глаза*). Почему от меня?

Николай Сергеич (*протяжно*). Потому, потому что вы мне нравитесь.

Регина. Вот как?

Кабаноподобный. Моя невеста.

Регина. Не слушайте его, он вам наговорит... (*Тихо к Николаю Сергеичу*). Надоел, как горькая редька.

Николай Сергеич. Но сегодня вам придется быть с ним?

Регина. Давайте вместе слушать стихи. Я так люблю слушать стихи.

Николай Сергеич. Давайте, милая девушка.

Регина. Вам какие стихи нравятся больше?

Николай Сергеич. Такие, как вы.

Регина. Я о стихах, ха-ха!

Николай Сергеич. А я о вас, хи-хи!

Регина. А мне нравятся такие, как вы.

Николай Сергеич. Какие?

Регина. Загадочные.

Волин. Извините. Поэт задерживается. А вот мой друг Холли изъявил желание прочитать рассказ.

Холли. **Я его написал под впечатлением лунной ночи, когда бродил одиноко среди лесов и полей девственной природы.**

ПЛАНКА АБРАТОРА

Было 66 минут 33-го. Погода стояла прекрасная. Плюс 86 по Цельсию.

Планка Абратора чувствует себя хорошо, нежась в черных лучах восходящей Луны.

Каменные глыбы величиной с высотные дома колышутся и плывут по волнам раскаленного океана, набегая на берег, на котором лежит и нежится Планка Абратора. Красавица Планка.

Были минуты, уходящие в сторону, когда с большим трудом удавалось восстанавливать необходимую примодуру.

Но сегодня день выдался что надо.

Следы, оставленные Громарой на боку Планки Абратора, и рези в нижней части живота почти что не ощущаются.

Ощущение прекрасного переполняют душу Планки, красавицы Планки. Она думает, что следы на боку и рези в нижней части живота так прекрасны.

С кем еще может случиться такое? Нет, ни одно существо не испытывало подобного случайного счастья с того самого времени, когда наша Земля вошла в среду криманондис берт.

Жаль, что ни враги, ни друзья не знали об этом.

– Я хочу, чтобы они вместе со мной были тут.

Так рассуждала Планка Абратора. И это ее волновало больше всего.

Как Планка Абратора благодарна за то нападение леопарда из-за куста в городе Туманба. В этой пустыне, живущей надеждой об Ирсе.

Теперь уже переполненная счастьем Планка не могла припомнить, каким образом она оказалась у стен этого города.

Пирамистура гурака фистмитут шалеба шумирктут витрапуж зарнава гаркурга преода итрильце шунепа рамарумакопа косксаж яцватимица дрогука жубак умазир дряпыштец дертутмос амука исмотра итжамси шушума шушума шушума жоника капара порфасиц меаму индирткус шаройма эрбица узеха хучина

Теперь о себе. Я – ученик корабельного Таля, сын Глески и Негурша, что переплыл Амивальтицу сам и на этом закончил свое прикосновение к величию Мариса

Я прошел все стадии обучения и теперь познал Граимтоил. Ни страх перед Велом ни робость перед Таинка ничто не смогло остановить моего увлечения Бигунтой

Но затем Планка Абратора вошла в мою жизнь беспредельно.

Я старался уловить момент существования без Радимахи

Вы ведь помните как обстояло дело с этим Курукой Я уверен что помните

Любовь к Планке Абратора навсегда разожгла мою пень

Рама табура лезет из моего подсознанья тут уж и я ничего не могу предпринять чтобы повысить Микургу которой не время еще пить ритимургу А спешка может повредить настроенью всего Окудалма

Планка Абратора где ты теперь отзовись теперь никогда а потом будь вчерашняя ночь

Одного не пойму у тебя для чего поскочу и у ног на бегу подержи за порог на лету. Буду знать

Ямица лепеша самукра физостма

Слияние тела со свиртицой всюду считается делом нечистым Я никогда не поверю что так может поступить моя несравненная Планка она и без этого получит что нужно у нас

и на Вотме и будет признанье и будет непорва и будет растуска и только не звука о Мутне

Ханшила емутсы кочилна вен варл порала еоха ковирна метелка злотемце соора савила симатку в пещере там где слияние двух темит там и у жиги свои отклоненья откроется сразу за веком щибра

Усвоить засурвицу вот что теперь и всегда на весу не туда унесу где ягурк где дальвморж

Трудно ингаре приходится с этим бороться услышать те звуки теперь невозможно молчанье в любую погоду и даже у тех отдаленных стояний на нербе где камни давно набегают на берег широкой волною где Планка Абратора нежится в черных лучах восходящей Луны

Ккомберца дорга жемусба шемастрица даеда даданка ладунка

Планка Абратора может если захочет добиться вниманья у многих

Восток на закате теперь как и многие годы потом

Планка Абратора может оставить себя в черных лучах восходящей Луны что не многие могут Планка Абратора может подняться высоко теперь надо всеми

Важно другое, кому поклоняться теперь кто с нами и Планкой

Жара у карбуса такая что нету терпенья у самы

А город до капельки весь растворился в моем подсознании беспомощен я ничего не хочу

Хочу одного слушать песню Планки как она тихо поет про себя о Планка твоих мелодических песен теперь не хватает твои многогранные бедра меня не смущают

милая милая милая преврати меня в камни которые набегают на берег и ласкают твои мелодичные груди я хочу пить о Планка твою золотистую тень без конца которую ты оставляешь в просторах Вселенной

Я – сын корабельного Тала

О моя Планка

Вы поняли только любовь принудила меня записать эти гвели

стох вак хос

ромс гит кремс

И еще о себе у меня провалилась татруса не найду теперь никогда

Хорош мир пятьсот миллиардов световых лет не срок для Планки

О дорогая я с тобой навсегда

Слушайте все сумма трех Вселенных равна одной Планке Абратора

Планка минус и плюс

Там где лучи у завсходной Луны лежала она никуда не уйдет пусть лежит

Планка Абратора

Планка Абратора

Планка Абратора

Ты

Я

Больше никого

Ничего

Кабаноподобный. Что за беспардонный лай? Давно не слыхивал подобной чепухи.

Пригласили на стихи, а читают какую-то галиматью.

Холли. Может быть. Не знаю. Поток.

Кабаноподобный. Не обижайся.

Холли. Я не обижаюсь. Мне все равно хвалят меня или поносят.

Кабаноподобный. Гвамила. Дермита. Винесма. Винитва. Загара – это гибель искусства! Заведите меня.

На кухне: – Сматываемся. Сейчас начнут вызывать милицию.
– Думаю, что моя спутница разделяет это мнение?
Регина. Мне очень понравился рассказ этого симпатичного человека.
Кабаноподобный. Пойдем, дорогая, нас ждут у Вычегубовых!
Регина. Сейчас.
Кабаноподобный. Ты идешь?
Регина. Да.
Николай Сергеич. Жаль, что вы уходите, милая девушка.
Регина. Что я могу? Видите, какой он злой.
Николай Сергеич (*тихо*). Вижу. Он даже клыки выставил вперед, как шпаги.
Регина. О, как я страдаю!
Николай Сергеич (*еще тише*). Давайте увидимся в другой раз?
Регина (*тихо*). Когда хотите.
Николай Сергеич (*еще тише*). Ну, хотя бы послезавтра.
Регина (*тихо*). Где?
Николай Сергеич (*очень тихо*). В кафе «Националь» в девять.
Регина. Договорились. Я пошла.
Человек из угла. Какой идиот пригласил этого типа?
Волин. Которого?
Человек из угла. Того, что с клыками.
Волин. Мой хороший знакомый.
Человек из угла. А я думал, стукач.
Молодой человек. Разрешите, я прочту стихи?
Человек из угла. Что это за чуваш?
Бледная девушка. Это не чуваш, а татарин.
Человек из угла. Понятно.

Волин. Читайте, молодой человек. Не обращайте внимания на их чудачества.
Другой молодой человек. Я приступаю. Я немного волнуюсь. Я всегда волнуюсь. Я не могу не волноваться. Минутку.

+ + +

И жизнь потухшего огня,
И жизнь подохшего коня,
И жизнь разрушенной стены,
И жизнь заглаженной вины,
И жизнь пролитого вина –
Кому-то видимо нужна.

Волин. Очень даже прилично. Вы у меня на Абельмановке впервые?
Молодой человек. Да, впервые.
Волин. Читайте.
Молодой человек *(откашливаясь)*. Я прочту стихотворение, которое написал вчера.

+ + +

Красота на свете существует,
Простота на свете существует,
Благородство тоже существует,
И уродство тоже существует,
И вражда на свете существует,
И нужда на свете существует,
И раздумье тоже существует,
И безумье тоже существует.

И над всем над тем, что существует –
Пошлость беспредельно торжествует!

Человек из угла. Что это за еврей?
Бледная девушка. Это не еврей, а армянин.
Человек из угла. Понятно.
Волин. Давайте послушаем поэта.

+ + +

Гора
Ты и Я
Гора
Мы ведь друзья
Гора
Разреши мне с тобой объясниться
Гора
Я имею право напиться
Гора
Ты мне киваешь
Гора
Ты меня понимаешь
Гора
Теперь уходи
Пора
Я желаю тебе добра

Бледная девушка. Браво! Браввиссимо! Какое замечательное стихотворение! Вы – гений! Гений нашего упадочного времени!
Еще одна девушка. Мне очень, очень, очень!

Еще одна девушка. Очень-очень и мне!
Голоса. Тише вы!
Молодой человек. Стихотворение «Осень». Оно из того же цикла, что и предыдущее. Мне говорили... Я так доволен, что меня пригласили...
Человек из угла. Что это за армянин?
Бледная девушка. Это не армянин, а русский. У вас что, не все в порядке со зрением? Если так, закажите очки.
Человек из угла. Понятно.
Волин. Продолжайте, молодой человек.

ОСЕНЬ

С плеч людей
Слетают головы
С плеч деревьев
Облетают листья
С плеч Галактик...

Лысый человек. Слушай, сосед, что это за девушка?
Человек с редкой бородкой. Которая?
Лысый человек. Вот та черняевенькая?
Человек с редкой бородкой. Рита Осокина. Прежде была женой художника.
Лысый человек. А теперь?
Человек с редкой бородкой. За капитаном дальнего плавания.
Волин (*к поэту*). Продолжайте, молодой человек!
Молодой человек. Придется сначала.
Волин. Конечно.

ОСЕНЬ

С плеч деревьев
Облетают листья
С плеч людей
Слетают головы
С плеч Галактик
Сваливаются Звезды
С плеч Вселенной
Падают Галактики
И так каждый год
Осень орудует топором
Как палач
Плачь
Мировая система
Плачь
Лей
Мировая система кровь
Лей

И еще

В моей комнате
Четыре угла
В каждом углу
По четыре стола
Кажется мне в темноте
Что это не столы
А огромные штампы
У которых вместо глаз
Настольные лампы
Если в комнате
Включить свет

Можно убедиться
Что в ней ничего нет

И еще

Все дышало у моря
И в море
И дальше
Рыба
Пропуская через себя
Массу воды
Девушка
Ложась после купания
На раскаленную гальку
Собака
Обнюхивающая что-то в кювете
И одновременно
Работая животом
Как мехами
И все не дышало
Все разлагалось
Рыба
Выброшенная морем
На скалы
Девушка
Взятая морем
И еще не найденная
Водолазами
Собака
Сбитая автомобилем «Победа»
Все было одновременно
И одновременно
Ничего не было

И еще

Я из небытия
И существо мое
Опять уйдет в небытие
Здесь интересен
Сам процесс
Как я возник
Как я исчез
И вновь когда
Возникну Я
И есть ли Бог
Небытия
И как небытие
Ведет
Учет
Кто сколько ест
Кто сколько пьет

И еще

Родился
И будучи младенцем
Так много гадил
Что не успевали
Стирать пеленки
И всю последующую жизнь
Страдал поносом
Он гадил всем
Вонючий гад
Закончивший свой век
В психиатрической больнице

(Ниже будет рассказан случай, действительно бывший в мастерской у одного известного художника. Кто-то привел сотрудника КГБ. Перепуг был полнейший, хотя сотрудник не скрывал, в какой организации он служит. И что пришел он к художнику не вынюхивать, а посмотреть картины и поговорить с умными людьми. И что у него этот день выходной.)

Некто. Я тоже хочу сказать несколько слов о стихах.
Голоса. Кто это, вы не знаете?
Лысый человек. Взял да зашел. Дверь открыта.
Бледная девушка. Скажите кто вы, вас тут никто не знает...
Некто. Я майор госбезопасности. Курирую культуру.
Бледная девушка. О, ужас!
Майор г.б. Чего это вы так перепугались?
Бледная девушка. Вас перепугались, разве не видите?
Майор г.б. Разве я кусаюсь?
Бледная девушка. Кусаетесь. Вы нас предадите!
Майор г.б. Начнем с того, что предать я вас не могу. Логики нет, милая девушка, в ваших рассуждениях. Безопасность – моя работа. А предатель может быть только из числа ваших. Да, собственно говоря, что вы такого сделали, чтобы вас предавать? Не знаю, чего могут бояться честные люди? Преступники – те храбрецы, ничего не боятся. Тюрьма для них как родной дом. А вы?
Волин. У меня двери открыты для всех, хоть министр, хоть пролетарий.
Майор г.б. Наивернейшая постановка вопроса, двери открыты, значит все чисто, никаких тайных замыслов. Так что, милая девушка, зря вы так побледнели.
Человек из угла. Она бледная от природы.

Майор г. б. Хочу сказать, что в комитете тоже люди работают. В основном, честные, преданные своему делу. Толковые. Иногда, что там говорить, встречаются кретины. Но таких не много. Очень строгий отбор. Пора с гэбеманией покончить. Взрослые люди, не дети.

Судите сами, если бы я против вас что-то затевал, разве бы вы узнали, какая у меня профессия? Свободно мог бы выдать себя за инженера или коммерсанта. Да и литературу я знаю не хуже вас.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь...

Есенина узнаете? А вот из Пастернака:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

И сам, признаюсь, пописываю. Так что скрываться мне от вас смысла нет. То, что у Волина собираются по средам, мы знаем, что на этих средах происходит, тоже знаем, что он за человек, осведомлены. Так чего вы, собственно напугались?

На кухне:

– Мы не испугались. На бутылку дашь, скажем спасибо.

Майор г. б. Возьмите, тут хватит на две!

На кухне:
– Димочка, дуй за водягой. Попроси там что ли с черного хода.
Майор г.б. Записочку дам. Будет у вас водка!
На кухне. Благодарствуем!
Майор г.б. На здоровье.
Человек из угла. Что это за испанец?
Бледная девушка. Это не испанец, а майор г. б.
Человек из угла. Забирать будет?
Бледная девушка. Говорит, что не будет.
Рита Осокина. А как вас зовут, товарищ майор?
Майор г.б. Михаил Федорыч.
Рита Осокина. Как Федора Михайловича Достоевского, только наоборот.
Волин. Давайте все же дослушаем поэта!
Майор г.б. Стихи у поэта красивые, современные, ничего не скажешь, хотя тумана в них напущено предостаточно. Мне, воспитанному на Репине, Пушкине, Толстом, не совсем понятна тенденция ухода от окружающей нас действительности.
Холли. Я почти закончил. Осталась самая малость.
Волин. Вот ты, дружок, нам эту малость и дочитай! А потом выступлю я в роли тяжелой артиллерии.
Другой молодой человек. Хорошо.

+ + +

Таскалась со всеми
Женщины
Пожимали плечами
Говоря

Ну и времена
Мужчины добавляли
Достукается
Сука
И не зря
Достукалась
Родила
Сына
Рыжего кобеля
У которого
Вместо приапа
Выросла
Пятая лапа

И еще

Продается рояль
Почти новый
Дека треснута
Клавиши желтые
Педаль сломана
Струны лопнули
Ножки выскакивают
Краска облупилась
Пюпитра для нот
Нет
Если ударить по клавишам
Из рояля
Можно извлечь звуки
Напоминающие
Мяуканье голодного кота

И еще

Любовь
Удивительная штука
Помню твои глаза
Твои плечи
Бедра
Цвета озерной лилии
Ноги
Стройные
Как у кобылицы
Груди
Два вымени
Имени твоего
К сожаленью не помню

И еще

Полюби меня сука
Сука
Полижи
Мою руку
Сука
Обними
Мои плечи
Сука
Заскули по человечьи

И еще

Земля
Жена Марса
Луна
Их дочь

Дождь
Плач Земли
Ураган
Ссора с мужем
Марс
Пьяница и бабник
Недавно
Спутался с Венерой
Земля рыдала
Содрогаясь
Мы говорим
Произошло землетрясенье

И еще

Я постепенно
Опускаюсь на дно
Туда
Где люди хрюкают
Мычат
И скотский образ жизни
Для них
Единственная форма
Существования
Чем ниже
Опускаюсь Я
Тем ближе к Богу

И еще

Я
Бесчисленное количество миров
Заключенных во мне

Мир
Левой ноги
Мир
Левого пальца на правой руке
Мир
Диафрагмы
Мир
Желудка
И поджелудочной железы
Миры
Которые не знают
О существовании друг друга
Но которыми руководит
Мой Мозг
Социологи
Этих Миров
Выдвигают
Идею равенства
Завоеватели покоряют
Новые пространства
Ученые стараются
Разгадать
Суть Мироздания
Не подозревая
Что Мирозданье
Это Я
Мое Сердце
Солнце
Моей Вселенной

И еще

Ночь
Проведенная без сна
Меня таскала
По дворам
Пока я не уснул
Там где стоял
Мой длинный сон
Напоминал мне ночь
Что я провел
Без сна
Ночь
Длинную
Как этот сон

Холли. Я закончил. Я устал. Я... Я падаю на стул. Я засыпаю. Со мной так происходит всегда.

Бледная девушка. Еще раз хочу сказать, что это самобытно и несравненно.

Холли (*сквозь дрему*). Вы находите?

Бледная девушка. Да, я нахожу!

Холли. Вы прекрасны, как чистый лист бумаги.

Бледная девушка. Вы находите?

Холли. Нахожу!

Бледная девушка. О, как это прекрасно!

Холли. Давайте познакомимся поближе.

Бледная девушка. Я хочу быть вечной вашей поклонницей.

Волин (*к Холли*). Поздравляю тебя от души с новыми стихами и с новой девушкой.

Холли. Спасибо, друг!

Волин (*к бледной девушке*). Рад вас видеть у себя в мастерской. Приходите в следующую среду запросто.
Холли. Еще раз спасибо.
Человек из угла. Что это за чеченец?
Бледная девушка. Это не чеченец, а замечательный поэт.
Критик. Я бы хотел сделать небольшой доклад по поводу стихов поэта, который перед нами выступал.
Автор. Ваш доклад в романе не запланирован.
Критик. Я прочту небольшой доклад, всего часа на полтора. О таких стихах можно говорить весь вечер.
Автор. Боже милостивый. Полтора часа. Да вы меня загоните в гроб со своим докладом.
Критик. А кто вы такой, чтобы указывать, сколько докладывать?
Автор. Автор романа.
Критик. Какого романа?
– Вот этого самого.
Критик. Какого, какого?
Автор. Да вот этого, где вы возникли как непрошенное действующее лицо.
Критик. Так почему же вы не даете мне слово, если я действующее лицо?
Автор. Непрошенное действующее лицо.
Критик. Зажим критики. По роже вам за это дать мало. Не хотите ли по роже, господин хороший?
Автор. Не хочу.
Критик. Так полу́чите.
Автор. Придется пойти на хитрость. Иначе от него не отделаешься.

Можете говорить хоть три часа. Но предупреждаю, что в нашей компании присутствует майор госбезопасности.

Предупреждаю, как соратника по перу.
Критик. Где, который?
Автор. А вот тот, в сером костюме. Он возьмет на заметку все, что вы скажете.
Критик. Кто вам сказал, что я хочу выступать? Я пришел послушать стихи. Стихи оказались плохими, несовершенными. Теперь каждый школьник пишет такие стихи.
Автор. А майору стихи понравились. Эти стихи безболезненно можно посылать в комитет...
Критик. В какой комитет? Что вы себе позволяете! У нас цензура отменена.
Автор. В комитет по печати. А то, что отменена цензура, плохо. Прежде, до революции, можно было сослаться на инструкцию, по которой цензор не имел права отклонять произведение, подать на него в суд. А теперь каждый редактор творит, что ему заблагорассудится.
Критик. Не я затеял этот разговор. Не я буду за него отвечать.
Волин. Вы, майор, что-то хотели нам рассказать, передумали?
Майор г.б. Не могу. Только что получил сообщение. Открылось новое, государственной важности дело. Так что я вас покидаю. Продолжайте вечер без меня.
Бледная девушка. Как же вы получили сообщение, если никуда не отлучались? И к вам никто не приходил...
Майор г.б. Ах ты, любопытная вострушка. Всё-то тебе надо знать. Видишь вот эту пуговицу на моем пиджаке?
Бледная девушка. Вижу.
Майор г.б. Подставь свое нежное ушко. Слышишь музыку?
Бледная девушка. Слышу.
Майор г.б. То-то, музыка передается специальная. Таким образом получаю нужные сигналы.

Бледная девушка. Не встречала ничего подобного.
Майор г.б. А теперь разрешите откланяться. До свидания. Рассказик вам вместо меня перескажет Автор, он мастер по этой части.

АНГЛИЧАНИН ТЯПНЕМ

Приехал в Москву из Англии, из Лондона или Ливерпуля, Англичанин. Может, он прибыл не из этих городов, а из других. В паспорте значился город Лондон. Так и мы будем считать.

Привез Англичанин из Лондона целый чемодан денег.

Для чего?

В гостинице для него питание бесплатное. Все свое пребывание он оплатил еще в Лондоне в турагентстве.

Сидит Англичанин в номере гостиницы «Метрополь» и несчастную судьбу свою проклинает.

Думает, как ему деньги, которые привез, потратить. Не везти же их обратно в Лондон?

Друзья засмеют.

Если бы он отправился на Суматру или на Мартинику, там всё ясно, там думать не надо, там за тебя администраторы и официанты думают, а денежки сами, как птички, из кармана выпархивают.

Спустился Англичанин в ресторан. Просидел до закрытия, до одиннадцати часов.

Поднялся в номер, прихватив с собой несколько бутылок «Столичной». В номере пьет.

Ругается Англичанин на чем свет, по-английски, разумеется. Приехал за экзотикой, а вместо экзотики мороз на улице под тридцать градусов дерет. Выйти из гостиницы невозможно. Бардаков нет. Ночных баров нет. Ресторан закрывается рано.

Народ, показалось ему, ведет довольно скучный образ жизни.

– Хоть плачь, – думает он.

Думает Англичанин об одной беде, а другая к нему, как тать в ночи, подкрадывается.

Среди ночи кончилась водка. Звонит в ресторан. Бормочет английские проклятия.

Только через переводчика удалось выяснить, что нужно этому типу. Ресторан закрыт. Буфетчик ушел домой.

Официант кричит Англичанину:

– Финиш, финиш!

Англичанин кричит официанту:

– Водка! Водка!

Англичанин, как все англичане, мудрён. Прожив в гостинице несколько дней, сообразил, стал водку ящиками брать про запас.

Пошло дело хорошо.

Пьет, пьет Англичанин, а деньги не убывают. Как было в чемодане двадцать тысяч фунтов, так и осталось.

На улице мороз. Город при такой холодрыге не осмотришь. Побегал минут пять вдоль кремлевской стены, да в номер.

Собачий холод.

Дунешь – пар валит.

Плюнешь – плевок замерзает на лету.

Посмотрел на градусник, а на нем 35, и не по Фаренгейту. Будь здоров. Для британца холод неслыханный. Москвичи, и те спешат в метро, чтобы капельку согреться.

Ругается Англичанин, а поделать ничего не может. Просился домой, отказ. Еще не кончилась путевка. Дата вылета на самолетном билете стоит, через которую не перескочишь. А раз так – сиди, дядя, и не рыпайся!

Скучает Англичанин один в огромном непонятном городе.

Войдите в его положение, по-русски он ни бельмеса не смыслит. С посольскими, которые иногда заглядывают, якшаться надоело. Посольские почти все из аристократических семей, а он плебей, и родители у него плебейского происхождения.

Устроил он один раз для посольских прием. Короче, попойку. И так надрался, что один из секретарей еле-еле довез его на машине до гостиницы.

В посольстве – скука, в гостинице – скука.

В Лондоне или Ливерпуле у него свой круг знакомых и друзей, с которыми можно выпить, поболтать от души. Девушки в нужных домах, где можно повеселиться на славу. А то и в Париж свободно махнуть. А в Париже, известно всему миру, не заскучаешь.

Единственный человек, с которым Англичанин находил общий язык, была горничная. Старушка лет пятидесяти. Простая такая, чистенькая. По-английски старушка не понимала, а Англичанину сочувствовала. Жалела.

Утром он с горничной поговорит. Среди дня явится переводчица, поговорит с ним казенным, трепанным-перетрепанным языком.

А вечером, как стемнеет, что прикажете делать?

Не выдержал Англичанин. Плюнул на все. Бросился в город. В темноту. В мороз. Выпил крепко. А пьяному, как гласит пословица, море по колено.

Ходит пьяный Англичанин по городу. Каким-то чудом оказался на площади Восстания возле высотного дома.

Не поздно еще было. Часов семь, восемь. Но темно. Фонари от сильного мороза блекнут. Гастроном уже закрыт.

Стоит на дворе суровая зимняя ночь.

Англичанин селезенкой чувствует, что плохи его дела. Хмель проходит. В такую лютость можно ведь свободно замерзнуть.

Обращается к прохожим, пробегающим мимо, произносит слова: «Метрополь», сеньк-ю!

Кто его поймет на площади Восстания?

Прохожие от его слов шарахаются в стороны – не иностранный ли шпион? Спешат домой в уют.

Пошел он к Садовому кольцу. Поднимает окоченевшую руку. Хочет остановить такси. А такси, как и прохожие: мимо, мимо, мимо, как обычно, ищут клиента побогаче, в шубах, а не таких, которые в пальтишках, а руки прячут в рукава. Москвичи это знают распрекрасно. Англичанину такое невдомек.

Шел Англичанин, шел, каким-то чудом оказался возле Дома литераторов, что на улице Герцена.

В этом писательском доме всё есть, даже ресторан. В который пускают одних писателей по специальным удостоверениям.

Англичанин об этом писательском клубе не имел ни малейшего представления. А если бы и сунулся, то получил от ворот поворот.

Дом огромный. Догадаться, что в этот доме, русскому невдомек, а Англичанину и подавно.

Видит, однако, Англичанин, что выходят из этого дома люди и входят в него, приостановил свой отчаянный бег. Стоит возле парадного. Трясется. Щелкает зубами. Бормочет что-то невнятное.

Писатели выходящие видят: стоит человек и трясется, но им невдомек, что ему нужно.

Писателей винить тоже нельзя, откуда им известно, что это за птица, может из молодых, поджидает даму?

Англичанин настолько замерз, что вот-вот брякнется в сугроб.

Что бы с ним было, неизвестно, если бы не Ангелы-Хранители. У каждого смертного есть свой Ангел-Хранитель, который в нужный момент приходит на помощь.

У Англичанина оказалось сразу два ангела.

Ангелы были пьяны вусмерть. Еле держались на ногах. Вышибли их только что из клуба. Хотя оба они числились законными писателями. Директор товарищ Прилиповский приказал вышибить.

Они перед этим пьянствовали уже суток пять беспробудно.

Первый Ангел поэт Передуев

Второй Линяев

У Передуева, как выяснилось, только что вышла книжка в издательстве Советский Писатель.

Вот эти деньги они и пропивали. К этому времени еще рублей триста оставалось, которые они намеревались пропить.

Скандал они в клубе закатили грандиозный, кажется, кому-то набили морду или директора обозвали мудаком.

Вот их и вышибли по-российски с пинками под зад.

Прилиповский крикнул вслед: чтобы месяц не пускать! Говорили еще потом, что они не только Прилиповского, но и самого Ухалкова куда-то послали. А одной официантке задрали на голову юбку за то, что она отказалась дать им водку.

Официантка не виновата, ей приказали, чтобы этим двоим не давать.

Одно бесспорно, скандал в ЦДЛ они учинили. На улицу их за это вытряхнули.

Для этой специальной цели держат в клубе парочку вышибал из бывших каратистов.

Схватили вышибалы Передуева и Линяева за шиворот, а они и затрепетали в лапах у этих монстров, как рыбки.

Выволокли наших поэтов на мороз – пусть прохладятся, подышат свежим воздухом.

А им мороз не страшен. Они ведь родились не в Англии или в Ливерпуле. А являются коренными москвичами. Им не раз в такой мороз приходилось отдыхать на снежной постельке.

И, как видите, живы и здоровы. Лежат на асфальте, пока не отправят в вытрезвитель.

Вывалившись из Дома литераторов, они по инерции пролетели еще метров пять. И сразу загорланили:

Мне лярва ноги целовала, как шальная,
Одна вдова со мной пропила отчий дом.
А мой нахальный смех всегда имел успех,
А моя юность пролетела кувырком...

Англичанин, как увидел Ангелов, так сразу все понял. Вот они спасители. И нимало не задумываясь бросился к ним в объятья, забормотав что-то по-английски. И даже не по-английски, а на каком-то несуществующем языке. Каким образом Передуев и Линяев догадались, что перед ними англичанин, а не турок или эфиоп, – одному Богу известно, ведь по-английски они ни бум-бум.

Но догадались.

Мгновенно сообразили, что человек в беде. Что выручать надо человека, которого они сразу окрестили Англичанином.

Передуев, перестав петь, так и крикнул:

– Смотри, гадство, Англичанин!

Бросились они навстречу друг другу с такой скоростью, что чуть проходящую мимо старушку не сбили с ног.

Обнимаются, как братья, как жители одной планеты, встретившиеся далеко в Космосе: на Марсе или на Венере.

Страх за свое будущее из глаз Англичанина улетучился.

Линяев пробовал неуверенно протестовать, высказываясь в том духе, что лучше с иностранцем не связываться. Но все его протестующие попытки повисли в ликующих на всю улицу кликах.

Передуев подмигнул хитренько Линяеву: знаю, мол, что делать!

Поволокли они Англичанина в ЦДЛ.

Швейцар, который только что помогал вышибать из клуба эту парочку, грозно спросил:

– Куда?

Линяев. Ты что, ослеп что ли, борода, не видишь, что Англичанин с нами? Осел!

Швейцар. Дураков ищите, а они давно перевелись, какой это англичанин, это такой же пропойца, как и вы. И нос у него красный.

Линяев. Он у него от сильного мороза красный.

Швейцар купился. Администратора поблизости не оказалось. Администратор сообразил бы в чем дело. Швейцар – лицо зависимое. Эти, когда при деньгах, трешку на чай бросают.

Перехитрили они швейцара.

Передуев. Башка, перед тобой натуральный англичан. По-нашему ни слова не понимает.

Швейцар. Где вы его подцепили?

Передуев. Сам Ухалков поручил клуб ему показать. Пусть знает, что в нашей стране тоже есть клубы для литераторов, где они отдыхают по вечерам.

Швейцар засомневался:

– А когда это он вам велел?

– Когда-когда, а вот только сейчас, когда в машину садился. Мы с Линяевым стоим, размышляем, куда податься. А Серега кричит: «Эй, голубчики, выручайте, навязали, понимаешь, англичанина, а я на совещание спешу в Министерство культуры. А потом еще на одно совещание, а потом еще на одно. Дел по горло. Погуляйте часик по клубу, покажите иностранному гостю достопримечательности».

У швейцара не выдержали нервы.

Проиграл сражение швейцар.

Он только полшага в сторону сделал. А они ухитрились в эту лазейку проскочить. И Англичанина – за собой. Англичанин, отогревшись несколько в прихожей, локтем оттирает швейцара в сторону от двери.

Знал швейцар, что Ухалков ни при каких обстоятельствах не мог этим пропойцам поручить англичанина. Не те люди, не те! И в машину Ухалков садиться не мог, потому что в это время находился в клубе. И действительно проводил совещание в Зеленой гостиной с молодыми московскими критиками.

Не выдержали нервы у швейцара. Дрогнул швейцар. Забыл, что час тому назад сам с тов. Ухалкова стаскивал сапоги и лисью шубу.

Дрогнул швейцар всего на одну секунду. Но этой секунды оказалось достаточно, чтобы Ангелы-Хранители проникли в клуб.

Спохватился швейцар, но поздно. Передуев и Линяев куда ни шло, а англичанина не будешь обратно на улицу вышвыривать.

Махнул швейцар на все рукой.

– Пусть идут, что с ними поделаешь? Скажу, что черным ходом прошли, бестии полосатые. Отбрешусь.

Плюнул с досады на дорогой ковер, который под ногами. Надоели они ему под самую завязку. Того и гляди, на неприятность нарвешься.

Ангелы тем временем тащат Англичанина в раздевалку. Раздеваются, пока церберы не прискакали. Знают, что раздетых, без пальто труднее выставить на улицу. Одевать пьяных для гардеробщика труднее всего. Ему пальто подставляют, чтобы он руки в рукав просунул, а он голову туда старается запихнуть. Вот и возись с ними.

Англичанин ожил окончательно:

– Сеньк-ю, сеньк-ю!

Понял Англичанин, кто его враги, кто недруги. На швейцара смотрит косо. Приноравливается, чтобы врезать в челюсть или в бок апперкот.

Передуев заметил, отвел руку. Не дал ударить.

Повезло Линяеву и Передуеву. Теперь их из ресторана никакими судьбами не выкуришь.

Идут они по ковровой дорожке через гостиную в ресторан, как три богатыря. Прямо идут, не шатаются, вроде и не пили перед этим. Мимо писателей идут, которые книжки читают, сидя на диванчиках, в шахматы играют, байки друг другу рассказывают. Писатели в основном народ смирный, законопослушный.

А эти рады. Только что на морозе прохлаждались, а теперь в тепле, в казенном уюте.

Вот усаживаются они за свободный столик. Справа писатели, слева писатели – все удивляются: как эту пьянь обратно в ресторан пропустили?

– Лена, Леночка, давай поживей. Видишь, Англичанин с нами? Нужно, понимаешь, поскорее его ублажить.

Теперь лафа. Теперь им всё подадут. Водку подадут. Жратва им не нужна. Для этой цели существует рукав, которым в крайности можно закусить.

Кухня в доме литераторов высший класс, повара отличные, готовят вкусно.

Но Передуеву и Линяеву эти тонкости кулинарии неизвестны. Уже говорилось, что жратву они никогда не заказывают. Если уж очень захочется, возьмут в буфете по бутерброду, чтобы заесть.

Если бы в ресторане подавали кильку, или соленые огурцы – от такой закуски они бы не отказались.

Самая подходящая закусочка под водочку!

Им после выпитого стакана водки никакие бифштексы не нужны. Их полагается запивать красным вином, а они никаких вин отродясь в рот не брали. Для них вино – вроде коровьи ссаки.

Подошла официантка:

– Что, мальчики, будете заказывать?

Передуев. Чего возьмем?

Линяев. Тащи три бутылки водки!

Официантка. Водки нет. Кончилась.

Передуев. Тащи коньяк!

Официантка. Сколько?

Линяев. Четыре!

Официантка. Закусывать будете?

Передуев. Три стика.

Линяев. Нафига – ты, что ли, жрать их будешь?

Передуев. Неудобно перед Англичанином.

Линяев. Тащи один для Англичанина. Да чтобы кровь с него капала!

Официантка. Попрошу шефа.

Через десять минут все было на столе.

Коньяк они сразу рассовали по карманам. Даже Англичанину засунули одну бутылку. Не зря они проделывали эту операцию. Только спрятали, как примчался Прилиповский. Орет на весь зал. Машет руками. Чуть официантке не зацепил по физиономии.

– Спиртного этим не подавать!

Опоздал Прилиповский всего на один миг. Поздно. Коньяк в надежном месте. Обыскивать ведь не будешь.

Англичанин, как увидел коньяк, от радости даже запрыгал, захлопал в ладоши:

– О-кей! О-кей!

Линяев тем временем рюмки в стороны, разлил одну бутылку в фужеры. Англичанин от удивления вытаращил зенки. У них в Англии свои мерки, грамм по двадцать пять. А тут, с его точки зрения, лошадиная доза. Передуев свою порцию выпил с вдохновением, даже от удовольствия крякнул. Линяев от него не отстает. Англичанин смотрит на них оторопело.

Передуев. Пей скорее, пока Прилиповский не прискакал.

Взял Англичанин фужер обеими руками, посматривает на своих Ангелов. В глазах ужас. Но молодец. Выпил. Только поперхнулся слегка. Откашлялся. Смотрит на пустой фужер и глазам своим не верит.

Передуев. О-кей!

Линяев. О-кей!

Англичанин. О-кей!

За соседним столиком писатель ерепенится. Требует администратора. Куском ветчины от злости чуть не подавился. В чем дело? Оказалось, что вместо соли целую перечницу перца высыпал себе в суп.

Прилиповский несется. Не разобрав в чем дело, Передуеву и Линяеву грозит кулаком.

Передуев и Линяев на эти инсинуации директора клуба ноль внимания. Предчувствие, однако, такое, что из клуба их вскорости вышибут. Соображают, что в таком случае делать. Коньяку у них непочатых три бутылки, значит, можно к кому-нибудь в гости.

Линяев. Пусть Англичанин попросит еще пару бутылок, ему не откажут.

Передуев. Жопа, как же он попросит, если по-русски ни бельмеса?

Линяев. А ты скажи, что переводишь его слова на наш язык.

Передуев. Ну ты и голова. С такой головой почему не министр культуры?

Англичанин. О-кей!

Передуев. Лена, Леночка, принеси еще пару бутылок. Вот эта английская обезьяна требует! Лорд английский, понимаешь, член парламента. Ухалков велел.

Официантка в буфет. А в дверях Прилиповский. Официантке грозит:

– Не сметь! Расшибу! Зашибу! Уволю! Под суд отдам!

Передуев. Теперь жополиз и минеральной воды не даст.

Линяев. Вижу. Дать бы этому турухану в глаз.

Англичанин. О-кей!

Линяев. Все понимает, дундук английский.

Передуев. Ты за ним посматривай. Он Прилиповского собирается бить. А нам теперь это как-то не в дугу.

Линяев. Да я и так уже посматриваю.

Передуев. А вообще – надо сматываться пока не поздно!

Линяев. Если бы ты знал, как хочется засветить фары Прилиповскому. Подожди, я ему хоть раз звездану!

Передуев. Не лезь. Вызовет милицию. Придется киснуть в вытрезвителе.

Линяев. Плевал я на милицию. Бутылкой бы его по свиной башке!

Линяев взял со стола бутылку. Поднялся, но на ногах удержаться не смог. Встал на четвереньки и пополз в сторону Прилиповского.

Прилиповский слинял. А на его месте возникла пара вышибал. Подхватили Линяева под ручки и поволокли к выходу. Ноги у Линяева болтаются на весу, как чужие.

Линяев, как только вышибалы подхватили его, притих, вроде не он собирался бить Прилиповского, ноги нарочно поджимает под себя. Прием такой, пусть тащат.

В доме литераторов провинившихся писателей не бьют. Приходится вышибалам обходиться с ними культурненько. Инструкция Прилиповскому дана твердая: на мороз выгонять можно, а бить нельзя. Одного избили, так он на Западе книгу об этом опубликовал.

Англичанин, видя, что Линяева поволокли, как мешок с паклей, ринулся в бой. Да Передуев успел перехватить его:

– Ничего страшного, старик, мы ведь и так собирались уходить. Все в порядке. А с этими оглоедами лучше не связываться. Дадут локтем в бок исподтишка.

Англичанин после выпитого коньяка лыка не вяжет. Кое-как доползли до раздевалки, а там вышибалы на Линяева натягивают пальто. Злятся. Ничего у них не получается. Линяев корчит уморительные рожи, да все норовит попасть в рукав головой.

Одели их с горем пополам. Подталкивают к выходу.

Передуев орет:

– Дорогу, кролики-алкоголики!

Линяев отзывается:

– Куда теперь двинем?

Передуев. Куда-куда, а никуда!

Линяев. Шутишь?

Передуев. Айда в «Метрополь»!

Линяев. А с этой английской кикиморой что будем делать? Эй, живоглот, куда нам с тобой?..

У Англичанина на все один ответ:

– О-кей!

Передуев. Где твоя гостиница?

Англичанин. О-кей!

Поговорили они с Англичанином. И, как им показалось, до всего договорились. А раз так, то и затянули песню на всю Вселенную:

Когда качаются фонарики ночные
И черный кот бежит по улице, как вор,
Я из пивной иду, я никого не жду...

Линяев. Куда все же погребем?

Передуев. Погребли к Самотуровой. И Англичанина с собой. Человек же он. Не замерзать же ему на улице.

Линяев. Погребли.

Англичанин моментально усвоил это словечко. Но оно у него получалось на какой-то свой лад «погибли». На что Передуев ответил, что погибать они не собираются, раз у них в кармане три бутылки коньяку. А если нужно, то еще у таксиста можно купить по дороге.

Англичанину понравилось говорить по-русски. Заладил:

– Погибли, погибли!

– Вот придурок, – сказал Передуев, – слова по-человечески не может выговорить!

С грехом пополам двинулась наша троица по улице Герцена вниз к консерватории. За Никитскими возле церквушки свернули на ул. Неждановой. И оказались на Горького.

Оглянулись, а Англичанин пропал.

Передуев. Плевать на него. Хорошо, что потерялся. Надоел со своими окейками.

Линяев. Замерзнет.

Передуев. Не замерзнет. Англичане народ терпеливый.

Линяев. Ладно, хрен с ним!

Однако пошли разыскивать. Смотрят, а он возле Моссовета перед милиционером танец какой-то отплясывает. Хорошо, что милиционер попался добродушный. Улыбается.

Подхватили они Англичанина и поволокли к дому Самотуровой, которая жила рядышком, всего в двух кварталах от Моссовета.

Линяев. Как его милиционер не забрал, заразу этакую?

Передуев. Думаешь, ему охота с подобным типом по морозу в отделение милиции тащиться? Он сейчас зайдет в подъезд, потолкует с лифтершей о делах насущных. Она его чайком угостит.

Стучат к Самотуровой. Звонка нет. Он есть, но отродясь не работал. Ответ на стук – гробовое молчанье. Постояли. Еще раз постучали.

Передуев. Дома нет, залупа, блядища.

Линяев. Дома она. Куда ей деваться. Спит, позорница. Трахни-ка ногой, да посильней. Вот так.

После этого стука в квартире что-то зашебуршало. Зашлепали по полу босые ноги.

– Кто там, драть вашу мать? – раздался хриплый голос.

– Мы это, думали тебя нет, привет!

Дверь открылась. На пороге совершенно голая Самотурова. Халат за собой тащит по полу.

– Привет, шканделярики!

Сказав эти слова, Самотурова повисла на шее у Англичанина.

– О-кей! – завопил Англичанин радостно.

– Кто это, ребята, рожа вроде знакомая, может, вчера вместе пили в «Национале»?

Передуев. Да англичанин. Возле клуба литераторов подобрали. Чуть не замерз, гад.

Самотурова. Англичанин, тяпнем!

– Ряпнем, – отозвался Англичанин.

Самотурова. Да вы только посмотрите на него, он и по-русски умеет!

Передуев. Все, жопа сраная, понимает.

Линяев. Умный, как собака.

Самотурова. А тяпнуть бы и в самом деле не помешало. Голова гудит после вчерашнего.

Передуев. Коньяк есть.

Англичанин. Тяпнем, ряпнем, гапнем.

Самотурова. Молодцы, какашкины!

Передуев. В клубе, понимаешь... а Прилиповский, гнида, нас потом...

Самотурова. Мой Милюня пришел вчера в дугу. Начал придираться. Раздел. Жопу разглядывает:

– Что за царапина?

– Где?

– На ляжке. С кем спала?

Да я, если бы с кем спала, разве бы ему сказала. Вот она царапина. Не могу припомнить, откуда она взялась? Задница в том месте чесалась... Морду набил. Синяк вот этот под глазом поставил. Выгнала. Сказала, чтобы не показывался целую неделю.

Передуев. Порядок.

Самотурова. А за что он по морде дает? Я ведь ему не жена. Царапину нашел. Невидаль. Говорит:

– Может, тебя за задницу укусил мужик?

Кретин. Я сама кого угодно могу укусить. Но откуда взялась эта царапина, черт подери? Ума не приложу. Не могу вспомнить. Может по пьянке кто вилкой случайно ткнул, думая, что перед ним тамбовский окорок? Вчера один режиссер из Грузии наведывался. Привез целую бочку чачи. Хоть купайся в этой чаче.

Прогнала Милюню. Легла в постель, заснуть не могу. Думаю. У меня таких, как он... Драться будет, прогоню совсем.

Смотри, Англичанин, видишь царапину, откуда она взялась? Да ты вот сюда смотри. Мужики, чтобы мне хуем подавиться, пошли хуже баб...

Подумаешь, царапина на заднице, ну и что? Поднял он меня за заднюю ногу, поднес поближе к свету, и рассматривает. Тьфу!

Тут Самотурова поднесла жопу почти к самому носу Англичанина:

– Вот за эту царапину, он, парашник, чуть меня не убил... Да ты не пизди, а смотри, куда тебе говорят!

Англичанин мотает головой, как скаковая лошадь. Рожа собралась в улыбку. Чувствуется, что нравится все это ему ужасно.

Самотурова. Лежала, лежала на боку. Перевернулась на спину. А в голове одно: откуда взялась эта блядская царапина? Вспомнила, еб твою мать! Юбку утром зашивала. Лень было снимать, так на себе и зашивала. Иголкой ободрала.

Звоню Милюне:

– Вспомнила откуда царапина. Так-то, а ты сразу драться. Люблю тебя одного. И буду любить вечно.

Часа четыре выясняли отношения.

– Эй, Англичанин, тяпнем?

Англичанин. Япнем, вяпнем.

Самотурова. Все, какашкин, понимает.

Линяев приволок стаканы. Выпили. Закусили рукавом. И Англичанин, как все.

Часа два уже ночи.

Передуев побежал, чтобы у таксистов пару бутылок раздобыть. Выпили и это. Линяев побежал. Потом снова Передуев. Потом снова Линяев.

Англичанин тоже бегал. Привык. Обвык.

Пришли приятели. Ладуня, которая компанейская. Груди вперед прут. Так и хочется за них ухватиться. Молодой человек с ней. Как залез в угол, так из него и не вылезал.

Ладуня твердит:

– Он у меня тихенький. В уголок заберется и помалкивает, вроде его нет. Иногда попросит выпить. Выпить я ему даю.

Потом, когда уже все спились, Ладуня и его из угла за водкой погнала.

Принес чертовщину. Вместо водки этот гаденыш принес десять бутылок томатного сока. Где он его в такую позднотищу раздобыл? У таксистов томатного сока не бывает. На соке не больно подзаработаешь.

Ладунин Гаденыш настолько молчалив, что смотреть на него страшно. Думается, вот сейчас откроет рот, а оттуда поползут ядовитые змеи. Чем они с Ладуней занимаются, когда остаются вдвоем? Хотя, видимо, не остаются вдвоем. Слишком страшно. Он ведь, на роже написано, зарезать может ненароком. Сидит тихо, а окружающим кажется, что у него в желудке шевелятся ползучие гады.

В том, что он вместо водки притащил томатный сок, больше всего видна его говенная натура. Хоть мелко, а напакостить.

На этот раз Гаденыш просчитался. Все настолько были пьяны, что не заметили, что вместо водки им подсунули лажу в виде томатного сока. Кричал Гаденыш:

– Не водку пьете, томатный сок!

Но этого никто не заметил.

Только Ладуня, которой хорошо были известны все его пакости, поморщилась и погрозила кулаком.

Англичанин на седьмом небе. Самотурова, как открыла им дверь голенькая, так до сего времени одеться поленилась. За-

бралась к Англичанину на колени и, казалось, слезать с них не собиралась во веки вечные.

Гаденыш уснул в уголке. Ладуня подносила ему стакан за стаканом. Спаивала, преследуя какой-то свой интерес.

Линяев куда-то исчез. Искали. Не нашли. Только утром обнаружили спящим в ванной. Как не утонул?

Самотурова у Англичанина на коленях просидела всю ночь. Передуев спал с Ладуней. Скорей всего, с этой целью она и спаивала Гаденыша.

Утром Ладуня разоралась на Передуева:

– Кто тебя просил, чтобы ты со мной спал? У меня есть собственный муж. Вот проснется, расскажу ему все! Обнаглели, пердуны, жопошники. Выпить с мужиками нельзя, сразу начинают ебать, еб их в хлебальник мать!

Передуев. Вот еще, сама затащила, а теперь базарит. Мне все равно с кем трахаться.

Ладуня. Я тебе не жена, и ебаться с тобой не нанималась!

И не известно, чем бы все это закончилось, но вмешалась Самотурова.

Она сказала умную вещь:

– Заткнись, Ладуня, проснется твой Гаденыш, тебе же первой влетит. Мой Милюня, если про Англичанина узнает, убьет!

Англичанин. О-кей! Тяпнем!

Самотурова. Тяпнем, помоечник!

В это время в ванной комнате что-то забулькало. Бросились. А там Линяев пускает пузыри.

Вытащили. Вытерли. И послали за водкой.

Самотурова. Зайди в Елисеев, пожевать что-нибудь возьми.

Линяев. Ладно, зайду.

Самотурова. Не могу без жратвы пить.

ПЕРЕДУЕВ. А мы, гадство, никогда с Линяевым не закусываем.

Линяев вернулся. Притащил шашлыки. Самотурова довольна. Побежала на кухню дожаривать. Запах жареного мяса распространился по всей квартире.

Самотурова кричит:

– Да здравствует шашлык!

Англичанин кричит:

– Шлык, шлык!

Разбудили Гаденыша, чтобы и он пожрал. А он, оказывается, не спал. Сидел, слегка прищурив глаза. Наблюдал.

Слышал, как Ладуня качала права с Передуевым.

Он обдумывал очередную пакость. Что бы такое сотворить, чтобы всем стало тошно?

Вот если бы шашлыки полить керосином. Где взять. У этой дурехи Самотуровой отродясь керосину не бывало. Бросился на кухню, чтобы там пошарить. Но Ладуня вовремя заметила, дала по шее.

Прошел день. Прошла еще одна ночь.

Произошло некоторое перемещение человеческих масс. Гаденыш спал в ванной. Чуть не утонул. Передуев с Самотуровой. Ладуня с Англичанином. Линяев обосновался на месте Гаденыша в уголке.

Утром Ладуня на Англичанина орет:

– Какое ты, свинтус, имел право факаться со мной? У меня свой муж есть. И я тебе не жена!

САМОТУРОВА. Заткнись, лярва. Он же по-русски ни хера не петрит! Зря стараешься!

ЛАДУНЯ. Привыкли нас пьяных трахать.

Еще три дня пьянствовали. На четвертый Передуев вывернул карман, а там ни фартинга. Пусто.

Передуев. Все, пиздец!

Линяев. Эх, ма. Теперь бы на четвертинку занять, но где?

Самотурова. У меня пара хрустов есть.

Линяев. Где?

Самотурова. На кухне, в ящике стола.

Линяев. Были.

Самотурова. Как так?

Линяев. А так так. Выгреб, когда бегал в Елисеевский.

Англичанин. «Мне лярва ноги целовала, как шальная...»

Передуев. Вот блядво, слова уже успел выучить!

Самотурова. Забавненько.

Англичанин, пропев песенку, выволок бумажник из кармана. А в бумажнике одни фунты. У Линяева и Передуева от удивления глаза полезли на лоб.

Линяев. Вот блядство!

Англичанин размахивает фунтами. А потом их все на стол:

– Тяпнем, ряпнем!

Линяев. Вот сука, догадался, что у нас тити-мити закончились.

Самотурова. Тяпнем!

Передуев. Тяпнем!

Линяев с Ладуней в один голос: Тяпнем.

Даже Гаденыш прокричал что-то маловразумительное.

Сгребли фунты, да в «Березку».

Ходят по магазину, посматривают по сторонам. Смотрите, мы тоже не лыком шиты. Имеем полное право покупать все, что захотим.

Чего они ни набрали: окорок тамбовский целый, балык килограмм на пять весом, целый, пару банок икры по два кг, колбас разных сортов, два ящика «Столичной», коньяк брать не стали. Обрыдл он им окончательно.

Возникла проблема, как все это добро доперетъ до дома.

Продавец-молодец подсказал толковую идею:

– Если у вас куча баксов, купите авто. На нем всё и довезете без хлопот.

Передуев. Правильно говоришь, Хухрюк Хухрович. Идея полный блеск.

Погрузили все на купленную «Волгу» и ладушки.

Тут возникает естественно вопрос. Как они могли покатить на машине по городу, если у них не только отсутствовали водительские права, но и тайной за семью замками являлось: где у машины карбюратор, где радиатор. Короче, были они в этом деле абсолютными профанами.

Скажу одно: не знаю как, но покатили. Да и потом разъезжали на ней по всей Москве и днем и ночью. А гаишники не только не штрафовали их, а отдавали честь на всех перекрестках, как Леониду Ильичу Брежневу или председателю КГБ Юрию Андропову.

И снова в квартире у Самотуровой пыль столбом. Пьянка-гулянка двадцать четыре часа в сутки.

Много всякого люда за эти дни тут перебывало, и своего, и пришлого, неизвестно откуда взявшегося.

Придет человек как человек, вежливо поздоровается, а уползает на четвереньках по ул. Горького мимо Моссовета в никуда.

Англичанин за это время не только петь научился, но и играть на гитаре.

Вскоре на горизонте возник Милюня. Штрафная неделя закончилась.

Первым делом он врезал Самотуровой промеж глаз, дал Ладуне пинка под зад, Гаденыша огрел скалкой по башке.

Самотурова. Ты почто дерешься, Милюня?

Милюня. Если бы знал почто, убил бы суку подзаборную!

Англичанин, как благородный человек, видя, что избивают женщину, собрался уже нокаутировать подлеца. Смотрит, а они целуются.

Целовались до тех пор, пока Самотурова не укусили Милюню за ухо.

Милюня. Ты почто?

Самотурова. Если бы знала почто, откусила бы и это и то!

Англичанин шустряк. Смотрит и все схватывает на лету. Предложите ему забраться на Шаболовскую башню – залезет не раздумывая, попросите поджечь Елисеевский магазин или Белорусский вокзал – подожжет. Для друзей готов пройти все земли, выпить все воды, закусить медными трубами.

А Гаденыш сидел-сидел, и опять за свое. Засунул в ноздрю кусок ветчины, а потом заперся в туалете и просидел там часа три.

Нужно давно было дать ему хорошего леща, да с лестницы спустить. Но Ладуня, которую тут все любили, не допустила.

А этот паскуденыш, пользуясь ее добротой, разыскал где-то бутылку чернил, да и полил ими тамбовские окорока. Кто их теперь будет жрать?

Ладуня его накрыла с поличным за этим занятием, но шум поднимать не стала. Сама перед ним виновата, спит с каждым встречным и поперечным. А Гаденыш пользуется этим в своих корыстных интересах.

Через некоторое время надоело им пьянствовать дома, покатили во Внуково. А оттуда в Загорск. Кто-то предложил показать Англичанину Лавру. Но из этой затеи ничего не получилось. Добрались до ресторана, да там и застряли. Кто, спрашивается, такую пьянь в Лавру допустит? Думаю, что монахи грудью бы встали на защиту Всероссийской Святыни.

А затем снова к Самотуровой покатили. Ехали, ехали, а приехали в клуб литераторов на Герцена. Прилиповский кинулся навстречу. Орет.

Англичанин встречным послал его в нокаут. Прилиповский брякнулся на ковер, не дышит.

Передуев и Линяев подхватили Англичанина – и на такси. Волгу они где-то потеряли или кому-то подарили. Неважно.

Еще через неделю у Англичанина от его фунтов остались одни фигли-мигли.

Как только закончились деньги, компания распалась. Остались верные: Передуев, Линяев, Самотурова, Ладуня вкупе с Гаденышем.

Побежал Передуев к кому-то из литераторов, занял четвертной, купил на все водки, чтобы Англичанин в Лондоне своих англичан русской водкой угостил.

И поехали в Шереметьево, откуда самолеты разлетаются во все концы света, в том числе, и в Великобританию.

Передуев с Линяевым рыдают. С расстройства чувств и ту водку, которая должна лететь в Англию, тут же на диванчиках распили.

На аэродроме случился очередной конфуз. В самолет вместо Англичанина запихнули Линяева. И тот сидит в кресле, как ни в чем не бывало. Хорошо, что стюардесса сообразила, догадалась, что пассажир никаким образом англичанина не напоминает. Вытряхнули Линяева из самолета. Усадили Англичанина на его законное место. Вот и все.

Передуева и Линяева развезло так, что в Москву доставляли их на машине с красными крестами прямым сообщением в вытрезвитель под холодный душ.

Деревня древняя Ольховка,
Ему приснилась в эту ночь:
Сметана, яйца и морковка,
И председательская дочь...

На другой день спрашивали они у Самотуровой:

– Кажись, бля, Англичанин с нами был?

– Какой англичанин?

Настасья Петровна. Всё про голых баб рассказывают. И про другие безобразия, пьянки и драки. А мне, честной женщине, не дают. Автор запретил. А я вот возьму сама без всяких авторов и расскажу.

Познакомились мы с мужем в кино очень оригинальным способом. Наши места оказались рядом. Случается иногда в жизни такое, а как, я не знаю.

Взглянула на него мельком, вижу, что мужчина подходящий, хотя росточком низковат.

Да ладно. Понравился он мне.

Сидим рядом.

Молчим.

Он молчит.

И я молчу.

Женщине самой с мужчиной заговаривать считается неприличным.

Так всю картину и промолчали.

На экране в это время стреляют из пушек.

В зале воздух сотрясается от взрывов снарядов и бомб.

Люди на экране падают убитыми. А потом вскакивают и бегут в бой.

Картина про войну. Убивали в ней несметное количество

людей, и молодых, и старых.

Героиня в картине санитарка. Славная такая девушка. Под конец ее, кажется, тоже убили насовсем. Герой – высокий актер, статный, похожий на Ойя Бруно. Актер не только высокий, но и красавец. Я таких больше всего люблю. Я потом фото купила в газетном киоске, положила под подушку, чтобы приснился.

Фамилию этого актера я помнила хорошо, а теперь позабыла. Может, он жив еще, а может, погиб.

По этому актеру тогда не одна я тосковала. Многие сохли по нему и плакали по ночам.

Я это картину смотрела раз пятнадцать, а может, и поболее.

Картина про войну. Теперь таких актеров нет.

Один Ойя Бруно может с ним сравниться. Тогда некрасивых мужчин не брали в актеры.

Выбирали самых красивых, стройных, смелых.

Актер был одет в солдатскую шинель. Подпоясан кожаным ремнем, гранаты на ремне. В руках винтовка со штыком.

Шинель ему очень к лицу.

И девушка тоже в шинели.

Теперь вспомнила, убили их в одном бою.

Так я переживала, так переживала, не таясь ревела белугой на весь зал. Смотрю картину, а у самой слезы из глаз текут ручьями.

И актера мне жалко, и девушку, и солдат, которые бегут и падают.

Я слезы не сдерживаю. Другие женщины тоже плачут, жалеют убитых.

Мужчины только удивляются, как мы умеем картину сердцем чувствовать.

Говорили тогда, что эту картину снимали по книжке писателя Кречетова. У него всегда книжки получаются жалостливые. За что я его и люблю.

Идет картина. На экране происходит кровавая война. Наши солдаты с противником воюют. Дерутся не на жизнь, а на смерть.

Сосед мой молчит. Только иногда невзначай взглянет в мою сторону.

Хоть бы произнес словечко. Наказанье.

Девушка я молодая. Не дурнушка, не уродка.

Убитых в этой картине много. За что их убивают?

Немцы из пушек стреляют, а наши на них поднимаются в атаку.

Сосед сидит, слезинки не проронит. Мужчинам плакать не полагается. Может, он сам недавно пришел с фронта раненый, сражался с противниками за наши города.

Граждане, которые вокруг нас, давно перезнакомились. Сидят, разговаривают. А мы молчим.

– Ну и пусть, – думаю, – не больно нужно.

Картина называлась «Свинарка и пастух». Герой до войны работал пастухом в передовой колхозе. Пас свиней. Героиня трудилась на свиноферме, выращивала поросят.

Она – свиней выращивает, а он их пасет.

Жизнь идет хорошая. Колхоз передовой в районе.

Молодежь в свободное от работы время танцует в клубе под гармонику.

По праздникам вся деревня веселится на славу. Столы стоят прямо на улице. Ломятся от закусок. Все труженики колхоза сидят за этими столами и поют счастливые песни про свою любимую Родину. Про любимого вождя товарища Сталина.

Вот на таком празднике Пастух встретил Свинарку и полюбил с первого взгляда нерушимой любовью.

Картина «Свинарка и пастух» прежде пользовалась всенародным признанием. Теперь таких картин не выпускают. Те-

перь по большей части постельные, где голые бабы с голыми мужиками кувыркаются. Юбки на голову задирают, да устраивают недозволенные вакханалии.

Вот загудела на экране тревожная сирена. Началась Народная война. По радио объявили на всю страну, что напали на нашу землю несметные полчища врагов.

Люди замерли возле репродукторов. Слушают речь генералиссимуса товарища Сталина, и другие сообщения Совинформбюро.

Один Пастух ничего не знает. Он угнал стадо далеко, далеко, за седые туманы.

Свинарка, как только узнала про войну, сразу бросилась разыскивать Пастуха.

Села она в собственный автомобиль «Москвич», которым ее премировали за стахановский труд, и помчалась в дальнее поле. Долго она блуждала среди ковылей. А потом нашла своего любимого человека. Бросилась она к любимому человеку на шею и заплакала.

Пастух ее уговаривает, слезы ладонью с лица стирает. Спрашивает:

– Что произошло?

Свинарка от волнения не может вымолвить слова. Но Пастух все понял.

Передал он стадо одному деду, который в это время оказался недалеко. Сел за руль автомобиля и помчался в райвоенкомат. Записался добровольцем в армию. И ушел на фронт.

Любимой сказал:

– Не плачь. Разобьем врага, вернусь в родной колхоз. Будем вместе трудиться.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...

Оделся Пастух в защитного цвета военную гимнастерку. Подтянул ремень, как полагается. Взял винтовку.

И зашагал по дорогам войны.

Старика, которому Пастух передал свое стадо, назначили пастухом на место Пастуха.

Звали этого старика дед Михей. Умный старик. К нему все труженики колхоза приходили советоваться в трудную минуту. Для Свинарки он стал вместо родного отца, поскольку она была круглой сиротой. Дед Свинарку приголубил.

Едет Пастух с другими солдатами в воинском эшелоне. Распевают героические песни.

На позицию девушка
Провожала бойца,
Обнимала любимого
У родного крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке у девушки
Все горел огонек...

Не забывает и солдат о своей Свинарке. Все время думает про нее: как она там поживает? Пишет горячие письма, в которых уверяет свою ненаглядную в вечной любви и дружбе. Как только вражеские летчики перестают бомбить эшелон, берет

он лист тетрадочной бумаги и пишет о своих чувствах, о том, что скучает без нее безмерно.

На фронте командир приказал добыть живого языка. На задание пошел наш Пастух. И с честью выполнил задание. За что представили его к боевому ордену.

И стал Пастух известным храбрецом во всем стрелковом полку. Командиры ставят его в пример другим бойцам. Даже армейская газета «Штык» написала заметку о его храбрых поступках.

Свинарка в это время выращивает свиней для фронта, трудится не жалея рук.

Дед Михей успокаивает дивчину. Говорит:

– Ранен твой герой будет два раза, но жив останется, и тебя найдет, хоть и пробежит между вами черная кошка.

Свинарка не стала дожидаться Пастуха. Взяла винтовку. И сама отправилась на фронт.

Ищет Свинарка, которая стала Санитаркой, любимого по всему фронту. Воюют они уже рядом совсем, вот-вот встретятся. Но судьба, как нарочно, разводит их в разные стороны.

Однажды на железнодорожной станции она в одном поезде едет, он – в другом. Он – на Запад, она в другую сторону. Чуть не рядом прошли мимо друг друга. Он бежал за кипятком, она навстречу шла.

Виноват машинист паровоза. Выпустил как раз из машины пар. Она отскочила в сторону. А он прошел прямо.

В этом месте я больше всего переживала. Очень трогательный момент.

Сосед мой сделался еще угрюмей. Видно, и на него этот эпизод подействовал соответствующим образом.

Потом Пастух опять попал на фронт. Стрелял по врагу из пулемета.

Свинарка выносит раненых из-под огня. Кладет их в машину «Студебекер» и отвозит в эвакогоспиталь.

За Свинаркой на фронте ухаживают офицеры. Предлагают руку и сердце. Она всем ухажерам отказывает, ждет Пастуха.

Ранило Пастуха в одном бою тяжело. Друг вынес на спине из боя.

И отвезли Пастуха далеко, далеко, в тыловой госпиталь в город Глазов.

В этом госпитале работала одна красивая медсестра. Все время, пока Пастух лежал в госпитале, медсестра за ним ухаживала, как за родным братом: перевязывала раны, кормила с ложечки, потому что сам он не мог есть, лежал, как бревно.

Родители у медсестры состоятельные. Отец заведует продовольственным магазином, а мать доктор в этом же госпитале.

Поначалу медсестра ухаживала за Пастухом из сострадания, а потом полюбила всей душой. Выбрала простого солдата из всех офицеров.

Долго крепился Пастух. Лишний раз взглянуть в ее сторону не смел. Помнил свою Свинарку.

Но любовь подкрадывалась не спрашиваясь. И когда Пастух поправился совсем от тяжелой раны, то и он увидел, что полюбил. А когда заключил медсестру в объятья и крепко поцеловал, то забыл свою Свинарку.

Я Пастуха не осуждаю. Он не виноват. Виновата во всем злосчастная война, которая разлучила Пастуха и Свинарку.

Для чего осуждать Пастуха, если он сегодня жив, а назавтра нет его, зарыт в сырую землю своими товарищами по оружию.

Медицинская сестра – женщина роковая. Не полюбить ее нельзя. При одном ее взгляде мужчины начинают робеть.

Выписался Пастух из госпиталя. Прихрамывает слегка на одну ногу. В руке палочка.

Пришли они к родителям, как полагается, просят разрешение на брак. Родители и прежде имели о нем представление, а тут смотрят, парень хоть куда. Красивый. Стройный. Грудь вся в орденах. Дали разрешение.

Он говорит:

– Люблю вашу дочь любовью неземною, белый свет без нее не мил.

Какие родители устоят против таких слов?

Дали родители согласие. Между прочим, стали готовиться к свадьбе.

Для невесты родители сшили из парашютного шелка подвенчальное платье. Солдат привел в порядок свое обмундирование, начистил до блеска ордена и медали. Побрил симпатичное лицо. И стал как принц.

Идут они в ЗАГС по городу. Родители и родственники шагают рядом. Жених и невеста держатся за руки.

Цветочки цветут. Птички поют. Солнышко сияет.

Счастье и радость переполняет сердца присутствующих.

А навстречу взвод солдат. Да как грянет песню: «На позицию девушка провожала бойца...»

Услыхал Пастух любимую песню, которую они пели вместе с Пастушкой. Увидел солдат. И все вспомнил. Встал посреди мостовой. А в глазах образ Пастушки вместе с конопушками перед ним, как живой.

Смотрит он на Медицинскую сестру, и говорит:

– Прости! Не могу жениться. И вы, родители, простите! Есть у меня в деревне невеста. Свинарка. Она теперь, как и я, на фронте воюет. Выносит раненых солдат из-под вражеского огня. Не могу нарушить данную ей клятву. Всем сердцем я прикипел к вашей дочери, но Свинарку забыть не могу. Должен я к ней вернуться, пройдя сквозь боевые годы.

Родители всё понимают. Не осуждают солдата.

Поцеловал Пастух на прощание Медицинскую сестру. Она ему помахала платочком.

«И пока за туманами видеть мог паренек, на окошке у девушки все горел огонек...»

Потом она через месяц вышла замуж за офицера, который за ней ухаживал прежде.

Приехал солдат на фронт. Разыскивает всюду Свинарку. Конец у картины печальный.

Разыскал Пастух свою любимую, да не в добрый час.

Лежит она на зеленой траве, пулей насквозь пробитая.

Поднял он ее на руки высоко, высоко, над зеленым полем, усыпанным васильками и ромашками.

Она ему говорит:

– Знала я, что повстречаемся мы с тобой на этом свете. Сбылась моя заветная мечта. Теперь могу умереть спокойно. Не плачь, мой любимый Пастух, не горюй. Помни, что я тебя люблю.

Вздохнула Свинарка в последний раз и затихла.

Схватил Пастух пулемет. И ринулся на врага.

Идет Пастух. Стреляет во все стороны. За ним и другие бойцы поднялись в атаку.

Бежит поверженный враг. Но вот один офицер остановился. Прицелился из винтовки. И попал Пастуху в самое сердце.

Похоронили Пастуха и Свинарку в одной братской могиле.

Вот я какая. Все забыла. Перепутала. Не погибли они. Остались живы. Погибли совсем другие, в другой картине, которые тоже любили друг друга.

Все для Пастуха и Свинарки закончилось хорошо.

Разыскал Пастух любимую. Прижал к груди.

Тут и война закончилась.

Вернулись они с победой в свою деревню. И зажили счастливой жизнью. Через месяц сыграли свадьбу. Дед Михей присутствовал на свадьбе, как посаженный отец.

Детей Свинарка нарожала не меньше, чем матка поросят.

А когда дед Михей ушел на пенсию, то передал колхоз Пастуху.

Стал Пастух хозяином. Еще краше расцвел колхоз.

Пастух крестьянское дело знает хорошо. Люди у него работают, стараются.

Вишни кругом цветут. Яблони. По саду идут Пастух и Свинарка. И не по саду они идут, а по Красной площади в городе Москве.

Товарищ Сталин на белом коне принимает парад победителей. Весь Советский народ преклоняет перед ним колени. Над Кремлем возносятся в небо фейерверки.

И все дружно кричат ура.

Вот какая картина.

А сосед все сидит и молчит, все молчит. Пригорюнился.

Когда зажгли в зале свет, он промолвил первое слово:

– Хорошая картина, правдивая.

Тут мы и познакомились.

Он меня проводил до самого дома.

Оказалось, что он холостой мужчина, как я и думала.

Он, как и Пастух, всю войну на фронте воевал.

Вставай, страна огромная.
Вставай на смертный бой:
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!

Человек из угла. Что это за эскимоска, которая столько наплела всякой белиберды?
Бледная женщина. Не эскимоска, а женщина из другой компании. У них свое, у нас свое.
– Не в этом дело. Я предлагаю рассказ о себе.
Автор. Конечно, конечно, прошу!
Петр Петрович. Проси сколько влезет, а рассказывать буду я. Моя соседка выступала, теперь я буду выступать. А эти Жиги и Миги никому не нужны.

Вот я, когда выпью, сам люблю поговорить. В особенности про искусство. Надеюсь, вы уже заметили эту особенность в моем организме? Многие думают, что рассказывать просто. Для того чтобы хорошо рассказать, нужно много знать. А для того, чтобы много знать, нужно слушать, что другие рассказывают. Потом в организме все перепутывается, уже не знаешь, какой случай с тобой произошел, а какой с другими. Думаешь, что все это было с тобой.

Так вот. Служил я на войне, как и старшина Алексеев, старшиной комендантского взвода. Обслуживал офицеров полка достойным для офицеров питанием.

Недавно я прочитал одну очень интересную книжицу писателя Сложеницына. Он в этой книжке правдиво описывает трудового человека, как он страдал, как переживал свои невзгоды и страдания.

То, что все передано без прикрас, мне очень понравилось. И порадовало, хотя эта книжка про лагеря, где содержат вся-

ких преступников, которые совершили уголовные деяния. Если ты убийца, то тебе и место за колючей проволокой. Если вор, то и вору там место найдется. Но Трудовой человек виден везде: и в лагере, и на воле.

Человек, о котором ведет рассказ товарищ Сложеницын, посажен был за сущий пустяк. Потому что циковское начальство издало такой указ, что всех, даже за самые мелкие кражи, не считаясь: есть дети, нет, если даже и пять штук на иждивении – все равно получай положенный срок – пять, а то и пятнадцать лет. Делалось это с одной единственной целью: чтобы получить дармовую рабочую силу для коммунистических новостроек.

Прочел я эту книжку, как водится, дома, а потом ребятам на работе в курилке пересказал.

Ребята слушали охотно. Книжка им, как и мне, понравилась.

Хорошая книжка.

Звали этого настоящего человека Иваном Кузьмичом.

Я разъяснил ребятам, что эту книжку выпустили не просто так. Этот вопрос разбирался в ЦК под руководством Никиты Сергеича Хрущева. Товарищ Твардовский ходил по всему ЦК и упрашивал, чтобы книжку издали. И книжку выпустили. О чем потом пожалели. Есть у нас еще задубевшие бюрократы, которые любое живое дело утопят там, где и воды нет.

Вот этот рассказ.

Жил на свете трудовой человек по имени Иван, а по отчеству Кузьмич.

Не везло в жизни человеку. Семья большая, пяток детей, а его с первого дня на войну загребли, где он и кукарекал до самого

конца. Хорошо, что плотник. Прокантовался в строительном батальоне. Все больше дачи строил. Генеральские.

Жил он честно и справедливо.

Главное для него в жизни – работа.

Но попал однажды наш герой в лагерь, где содержатся урки. Каким образом он угодил в подобную компанию, доподлинно сказать трудно.

Может, он утащил с работы банку масляной краски, чтобы в избе покрасить окна, а может, оселок, чтобы довести топор до нужной кондиции. А может, не за это, а совсем за другое.

За что могут посадить трудового человека?

Может, он в курилке рассказал недозволенный анекдот, а кто-то донес.

Автор книжки, к великому сожалению, не разъясняет этого вопроса. А может, разъяснял, а в ЦК вычеркнули. А может, наоборот, сам не захотел нарываться на неприятности, зная, какие у нас порядки.

Очень страдал в лагере Иван Кузьмич. Скучал по семье, по детишкам. Ходил на строительство дома, который по лагерному назывался загадочным словом «объект».

В свободное от лагерной работы время он тоже трудился. Кому чемоданчик смастерит, кому еще что. Из нужного.

Посадили поначалу Ивана Кузьмича не в лагерь, а в тюрягу.

Осудили, как полагается.

Дали восемь лет, с лишением прав еще на пять.

Потом отправили по этапу на Колыму, в самые лютые места. Знали, что Иван Кузьмич не подведет Советскую власть и на Колыме.

На плечах Ивана Кузьмича держалась вся семья.

Он – единственный кормилец.

Не посчитались. Попрощаться с женой и детишками не дали.

Зарабатывал Иван Кузьмич на прокормление семьи тем, что ходил по району с плотницкой артелью. Строил для нуждающихся дома.

Теперь вспомнил. Не краску он украл, а увел топор с колхозного двора. Топор был старый, ржавый. Скорее всего, еще дореволюционного изготовления. Почистил он его, сделал новое топорище. А кто-то донес.

Топор нужен был ему очень. Подвернулась хорошая халтура. А его собственный топор кто-то украл.

Ходил Иван Кузьмич несколько раз в Сельмаг, даже ездил в район. Думал, что попадется топор, чтобы купить.

Не попался.

Законы за такую кражу строгие. Могли свободно дать и 15 лет.

Иван Кузьмич на суде доказывал, что топор он взял не навсегда, а на время, пока не закончат строительство коровника в соседнем колхозе.

Я думаю вскорости еще раз перечитать эту книжку. А может, напишу писателю письмо, если он сам еще в лагере не сидит, чтобы он сказал определенно, у кого Иван Кузьмич украл топор и с какой целью.

Может его не за топор посадили, а посчитали, что он враг народа. Предатель, раз занимается строительством домов с целью личной наживы.

По здравому размышлению, Ивану Кузьмичу совсем не обязательно воровать топор. Если он плотник, то у него всегда в загашнике должен лежать другой, запасной топор на всякий случай.

Защитник на суде выступал очень хорошо.

Получалось из слов защитника, что совершенно не Иван Кузьмич виноват в том, что он украл топор. А виноваты все

остальные, которые должны обеспечивать население нужным количеством топоров. И те, которые наблюдают за теми, которые обязаны выпускать нужное количество топоров – хотя бы по одному топору на душу населения.

«Топоров должно выпускаться нужное количество, раз у нас имеется нужное количество металла, раз идет огромное государственное строительство!» – так закончил свою замечательную речь молодой защитник.

Судьи, когда выносили приговор, эту вдохновенную речь во внимание не приняли. Они во время речи защитника поморщивались слегка. Им не привыкать выслушивать подобные бредни молодых людей.

Зачем им речь защитника, если перед ними лежит указ Президиума Верховного Совета, где черным по белому рассчитано, сколько и кому дать за те или другие прегрешения?

Как прокурор сказал, что за данный случай нужно дать восемь лет лагерей, так судьи и дали.

И повезли Ивана Кузьмича на Колыму.

Прежде этот лютый край и во сне ему не снился. Так, мелькало иногда в народе, что есть какая-то вечная мерзлота, куда ссылают бандитов и убийц.

Лежит Иван Кузьмич в теплушке на нарах. Боком примерзает к голым доскам.

Эти теплушки только называются теплушками. Какие, скажите, это теплушки, если в них холод стоит, как на улице?

Печка железная есть, стоит посреди вагона, а дров для нее не дают.

Которые послабее – отдают в пути, как выражаются на лагерном жаргоне, концы, отбрасывают тапочки.

Бок у Ивана Кузьмич совсем одеревенел, оторвать его от досок трудно.

Еды тоже дают мало. Один раз в сутки суп-кондей, который для нормального человека не съедобен. Пока очередь дойдет, он настолько делается холодным, что вместо жиринок в нем плавают льдинки.

Если случайно в баланде попалась рыбья кость, можешь считать себя счастливым человеком.

Иван Кузьмич не унывает. Косточка попадется, он сначала выпьет мутную водицу, а потом уже положит в рот косточку. Пережевывает ее долго, чтобы насладиться.

До завтра теперь ничего не дадут. А в том, что дадут потом, может и косточки не оказаться.

В лагере лучше, чем на этапе. Пока везут в вагонах, многие от холода и голода дают дуба.

Сбрасывают их на ближайшей станции, как головешки.

Иван Кузьмич к голоду и холоду приучен: в двадцатые – голод, в тридцатые – голод, после войны тоже голод.

Те, которые непривычные, дохли в пути, как мухи, прямо на нарах. Будят утром человека, чтобы он баланду взял, а он мертвяк.

В лагере Иван Кузьмич свое место нашел сразу. Вроде у него не было в жизни другого занятия, как сидеть в лагере.

Стал он немного прирабатывать к основной пайке. Отточит нож хлеборезу, как бритву, – тот ему кусок хлеба швырнет; сделает для повара на кухне скамеечку для ног – тот ему супу плеснет погуще. Кому матрац набьет свежей соломой, кому обутку починит или из одежды что.

Люди довольны, а ему какой ни есть прибыток.

Мастер Иван Кузьмич на все руки. Получит от хлебореза довесок, поменяет на рукавички. А рукавички подарит бригадиру, чтобы работу давал полегче.

Наладилась жизнь. Стал он потихоньку поправляться. Пишет домой, что у него всё есть, чтобы посылки не присылали.

Трудовому человеку в лагере легче, чем образованному.

Проживал с ним в одном бараке бывший капитан морского флота. Шишка по тем понятиям порядочная. Тысячу человек имел в своем подчинении, не шутка.

Капитан в лагере быстро сдал. Превратился в доходягу. Не сумел приспособиться к жестокому существованию, где живут по принципу: «Ты умри сегодня, а я завтра».

Стоит капитан в столовке, баланду за другими допивает, подбирает крошки со стола. А какие там крошки? Так, напрасный труд.

Если в лагере человек дошел до такого состояния, то ему крышка. Долго не протянет.

Иван Кузьмич капитану помог. Так помог, как может помочь русский человек, бескорыстно, неизвестно по какой причине.

Заработает лишнюю миску баланды, отдаст капитану. Иногда сунет кусок хлеба.

Потом и у капитана улучшились дела. Стали ему присылать продовольственные посылки.

Получит капитан посылку, а Иван Кузьмич поможет получше запрятать, чтобы блатная мелкота не нашла.

Подружились они. Помогают друг другу.

В лагере такое случается редко. Каждый думает о своей шкуре. В лагере закон – черпак!

Капитан в свою очередь тоже помог Ивану Кузьмичу.

Распустил какой-то недоброжелатель, что Иван Кузьмич ходит к оперу, стучит.

В лагере проверять не будут, правда это или оговор. Легче кокнуть такого стукача, чем проверками заниматься.

Может, тот, который сам оперу стучал, чтобы отвести от себя подозрение, указал на Ивана Кузьмича.

И вот один блатной, неизвестно чем он был славен, проигравшись в карты до нижнего белья, поставил на кон обяза-

тельство, что в случае проигрыша он на вахте при всех пришьет Ивана Кузьмича.

Звали этого блатаря «Старуха». Тощий, как глиста, а рожа хищная, хорьковая.

Капитан не побоялся, предупредил приятеля.

Это предупреждение для Ивана Кузьмича было очень важно. Впереди целая ночь, можно приготовиться.

Капитан помог.

Как человек военный, он прекрасно понимал, что нужно делать. Надел на Ивана Кузьмича свой ватный бушлат, подложил под него лист фанеры, на руку приказал намотать побольше тряпья, чтобы в случае чего отбиваться от ножа.

Иван Кузьмич не виноват.

К оперу он ходил не за тем, чтобы стучать, а ножку у стола исправить. Опер сам его и вызвал для этой цели.

Пришел он в кабинет к оперу, сделал нужную работу, и убрался поскорей.

А выяснилось это так:

В соседней комнате в это время работали два зэка, обклеивали стены обоями. Они-то и слышали весь разговор между опером и Иваном Кузьмичем, и разговор этот подтвердили.

Выяснилось все это потом, после того как Старуха чуть не пришил Ивана Кузьмича на вахте, во время развода.

Когда зэки проходили строем по четыре человека мимо вохры, как и предполагал капитан, Старуха, оказавшись позади Ивана Кузьмича, выхватил нож и нанес, можно сказать, смертельный удар в спину.

Нож, однако, вместо живого тела вонзился в фанеру.

Ничего. На ногах устоял. Теперь можно побороться за собственную жизнь.

Повернулся Иван Кузьмич к Старухе злым лицом – да под дыхало, да в челюсть кулаком, а они у него были, как кувалды.

Челюсть у Старухи от удара сползла на одну сторону. Брякнулся он на снег, перекошенным ртом хватает ледяной воздух.

Вот уже вохровские стрелки спешат, видя беспорядок среди заключенных.

Схватили обоих. Нож у Старухи какой-то вохровец вышиб прикладом.

По дороге в шизо конвойные хорошо поддали и тому, и другому прикладами.

Ивану Кузьмичу досталось меньше. На нем капитанский бушлат, да лист фанеры. А Старуха в легком пиджаке, теплую одежду не надевал, чтобы удобней действовать.

Теперь Старуха перед «Колуном» (урка, которому Старуха проигрался) ответит по всем правилам.

Ивана Кузьмича больше трогать нельзя, такой лагерный закон.

Да в это самое время и выяснилось, что он не виноват.

Колун со Старухой поступил жестоко.

Положил Старуха палец на колоду, а Колун топором – тяп!

И квиты!

На пощаду со стороны блатарей Иван Кузьмич не рассчитывал. Разжалобить этот народ невозможно, звери. На свою силу и ловкость рассчитывал.

Да и советы капитана пригодились.

Отсидел Иван Кузьмич в шизо, а потом еще месяц в буре прокукарекал.

Только после этого попал обратно в свою бригаду.

Через некоторое время он и совсем из лагеря освободился.

Вышел хрущевский указ, по которому его и выпустили на волю, как невиноватого.

Такие были порядки.

Вернулся Иван Кузьмич в свою деревню. Поправил пошатнувшееся хозяйство.

Когда же у него спрашивали, сколько лет он отсидел, обычно отвечал:

– Не помню, надо справку посмотреть!

Человек из угла. Что это за эскимос?
Бледная девушка. Это не эскимос, а Автор. Он пишет роман.
Человек из угла. Больно смахивает на эскимоса. Удрал из Белых столбов.

Дорогие коллеги *(голос человека из угла)*, чтобы вас всех черт побрал! Чтобы свалилось на ваши головы землетрясение! Чтобы вы подавились вашими холодильниками и телевизорами, квартирами с улучшенной планировкой, автомобилями «Волга» и «Жигули», чтобы вас всех сожрали ваши экскаваторы и другие землеройные машины.

Понятно?

Это вступление.

Родился я в 85885922215993731431632192002924364 году от рождества Х И Г

В те времена Хиги не ощущали ни времени, ни пространства. Поэтому все даты, если они будут попадаться, можно считать условными.

Хиги жили, как свет.

Теперешнее племя двуногих – это вырожденцы, обреченные на вымирание в самом ближайшем времени.

Племя Мрэ пожрет всех. Цивилизация не спасет, а только отсрочит час гибели.

Мы – подонки. Мы деградируем на глазах у самих себя, не замечая этого.

Пока вы тут трепались, переливая из пустого в порожнее, читали слабенькие стишки, я сидел в углу и думал, вспоминал свою жизнь.

Мой род – это один организм. Мой род – высшее племя над всеми плебеями.

День рождения Хига 1 совпал с днем рождения Вселенной.

Не существовали еще Галактики, не было вашего Шарика.

Все это возникло позже.

Планета, на которой проживало племя Хигов, находилась так далеко, что если произнести название расстояния, то оно не уложится ни в одно понятие. Для этого не хватит существующих математических знаков и степеней.

Но я по сей день ощущаю тепло той далекой Планеты, моей исторической Родины.

Если сидеть в уголке, то можно видеть ее розовое сияние, замутненное вашими глупостями, никчемными философскими идеями и другой дребеденью.

На этой непревзойденной Планете Хиги достигли непредсказуемого совершенства.

Хиг был свободен от всего, даже от собственных идей.

На Планете было тепло и уютно. Воздух, насыщенный полезными частицами, поддерживал жизненный тонус моих предков. А главное, они могли материализовать любые предметы по собственному усмотрению. Если Хиг решил прогуляться по берегу моря, то он, бросив взгляд вокруг, создает для себя морской пейзаж с пальмами на берегу, с причудливым каменистым берегом или, наоборот, с берегом, устланным желтым,

ласкающим и душу и тело песочком. Затем, по желанию, это все можно было убрать.

На Планете существовал вечный мир. Теперешним землянам не понять, что это такое, поскольку они закостенели не в вечном мире, а в вечном зле.

Мысли жителей были распахнуты навстречу друг другу.

Молитвы, сочиненные в честь высших существ, сочинение стихов, философские размышления о счастье существования на такой благословенной Планете – вот чем занимались мы в свободное от других занятий время.

В результате философских размышлений во Вселенной являлись новые Галактики, звезды и созвездия с загадочной фауной, с причудливыми живыми мирами.

Все жители были равны между собой. Никто никем не командовал, не отдавал приказы.

И только когда Планете угрожала неотвратимая опасность, энергия всех объединялась воедино.

И победа всегда была на стороне Хигии.

В такие тревожные времена выбирался Диктатор. Который носил имя «Вершитель судеб».

Мой предок, родоначальник нашего клана не один раз избирался на эту высшую должность. Которую затем, когда опасность миновала, складывал с себя. И становился рядовым членом сообщества.

Однажды выдающийся ученый того времени, размышляя о будущем, столкнулся с явлением дотоле неизвестным, которое потрясло всех.

Посредством длительного математического анализа он установил, что атмосфера на Планете постепенно исчезает по причине, которую не удается установить.

– Да, – сказал он сам себе, – впереди неизбежная смерть.

Философ собрал членов общества на общее собрание и доложил о случившемся.

Собрание назначило компетентную комиссию из лучших представителей нации. И те немедленно взялись за проверку расчетов ученого.

Все подтвердилось.

На этом же собрании мой предок Хиг 1 был избран Главным вершителем судеб.

Законы Хигии были просты:

1. Отсутствие семьи

2. Групповой секс

3. Допускалось совокупление на расстоянии

4. Ревности полов и

5. Обид не существовало в природе

6. Решительно запрещалось самоуничтожение.

Государственная ученая комиссия определяла, кто дошел до возможного предела существования. И может беспрепятственно положить конец этому нежелательному явлению.

Если на Планете выявлялся покончивший с собой, он немедленно материализовывался, и ему запрещалось мыслить пятьсот лет по теперешнему летоисчислению.

Живая жизнь окружала Хига.

Теперь этому всему должен был придти конец.

– Что делать? – вопрошали Хиги.

Главный Вершитель Судеб – мой предок Хиг 1 – сказал:

– Выход один. Нужно переселиться на новую планету с подходящими для существования условиями.

– Но где, где эта другая планета?

– Ее нет, – ответствовал мой предок. – Ее необходимо создать, для этого у нас есть и энергия и возможности. Вот там, на краю Галактики Ж-236 есть свободное место. Соберем же всю

нашу энергию и сосредоточим ее в этой точке! Пусть на этой Планете, которую мы наречем «Спасительница», вспыхнет новая жизнь, аналогичная той, которой живем мы!

Но в процессе эмиграции погибли все, попав в какие-то микроэлектронные поля.

Только Хиг 1, как самый смелый и выносливый, добрался до конечной цели пути.

Хиг 1 бродит по незнакомой Планете, среди огромных деревьев, бесконечных гигантских лесов и долин, среди гор, морей, океанов, отбиваясь от огромных чудовищ.

Произошел сбой. Новая Планета получила не совсем те условия, которые предполагались, из-за того, что часть энергии была утрачена во время длительного и трудного пути.

На каждом шагу Хига поджидала опасность, и ему приходилось вступать в смертельный бой с невиданными доселе чудищами.

Только ловкость ума и огромная физическая сила позволяла ему вступать в бой и побеждать, выживать.

В самое короткое время Хиг 1 сам стал похож на чудовищ, с которыми ему приходилось ежедневно сражаться.

Куда подевалась совершенство форм, гибкость утонченного ума? Осталась одна грубая сила.

Но она-то одна была необходима в этих нечеловеческих условиях существования.

Как и другие дикие звери, бродил он днями и ночами средь высоких кущей, добывая пищу, нападая из засады на более слабые существа. Рвал зубами на куски еще не остывшую чужую плоть.

Когда он скользил, как ветер по земле, преодолевая овраги, он знал, что от его прошлой культуры не осталось следа, что он затерялся среди прочего мира, как песчинка в океане Вселенной.

Но он знал и другое: сколько бы ни прошло времени, Божественное начало в нем вспыхнет с новой силой, даст новые невиданные всходы.

Окружающий мир превратил Хига в существо, послушное импульсу, а не рассудку.

Месяцами, годами бродил одинокий Хиг по земле. Если не удавалось убить животное, глодал кору, щипал траву, срывал плоды с деревьев, когда они созревали.

Разум угасал.

Душа скорбела.

Иногда в его затуманенном борьбой за выживание мозгу возникали видения прошлого. Это были редкие мгновения просветления.

Сознанье с каждым днем замутнялось все больше и больше.

Однажды, блуждая в поисках пищи, он случайно вышел на берег океана.

Взор его был поражен возникшей перед ним величественной картиной.

Не красота, а мощь стихии произвела на него неизгладимое впечатление.

Вал за валом набегали на скалистый берег океанские волны и разбивались о скалы. Превращались в столбы брызг, переливались в утренних лучах вечно нового Солнца.

Хиг замер. Как замерло что-то в нем самом.

Хиг издал всепобеждающий крик. Но кроме бескрайнего океана его никто не услышал.

Все чаше и чаще возвращался он к непонятной стихии.

Он видел поверхность океана спокойной, когда в ней отражалось солнце, берег, деревья, росшие на берегу. И тогда, когда эта спокойная гладь как бы сходила с ума. Бушевала, как разъяренный зверь.

Что-то манило его к себе, в сердце стихии, как бы говоря:

– Там твой мир. Там прекрасно. Там ты обретешь покой.

И Хиг 1 внял невидимому голосу. Он не представлял, что это такое. Но сразу понял, что стихия воды не грозит ему смертью.

Поначалу она поглотила его тело, а потом вытолкнула на поверхность.

Постепенно он освоил водную гладь. Научился плавать. Бороться с набегающей мощной волной.

Через несколько месяцев он свободно передвигался и по воде и под водой.

На этом, собственно, можно было бы окончить историю.

Но с потерей рассудка Хиг 1 терял бессмертие, дарованное ему свыше.

Незадолго до смерти он сдружился с одной самкой, от которой у него появилось потомство.

Целыми днями они бороздили океанские просторы, плавая бок о бок.

Цивилизация есть борьба сил природы и ума.

Прыжок в развитии технических возможностей обозначает значительный интеллектуальный спад. Что мы и наблюдаем теперь.

Хотя до апогея технического прогресса слишком далеко.

В особенности деградирует искусство.

Технари делают вид, что они ужасно любят поэзию, музыку, живопись. На самом деле для них существует одно: спорт, спорт, спорт! – заполняющий пустоту, которая гнетет их и порабощает.

Вот сегодня мы видим картины на стенах этого подвала, слушаем рассказы и стихи, которые я воспринимаю как оскорбление ума, попрание лучших чувств души. Искусство в первую очередь оказывает воздействие на наши души. Так какими должны быть наши души, напичканные этой мазней?

Вижу, вы смотрите на меня, как на сумасшедшего.

На самом деле, сумасшедшие – это вы!

О музыке я не говорю. Современных композиторов нужно привлекать к суду как преступников. От них исходит все худшее. Это они исказили, опошлили самое святое – гармонию.

О, как я ненавижу Баха, Веберна, Хиндемита, ненавижу Бодлера, Уитмена, Хлебникова!

Это вам говорит человек, который знает, что было до него и что будет потом.

Стоит на секунду закрыть глаза, как предо мной возникают картины будущего и прошлого.

134 поколения длилось прозябание Хигов в океанских глубинах.

Наконец одна из Дельфок родила существо, не похожее ни на одного из членов стаи: длинное, тонкое тело, гладкое, белое, не покрытое защитной чешуей. Ноги и руки вместо плавников, на длинной шее продолговатая голова.

Вы скажете, что произошла мутация? А я отвечу: гены моего предка Хига I проявили себя.

Это прекрасное дитя стало потом предводителем племени Дельфов, населяющего все моря и океаны. Оно вывело жителей на сушу.

Имя его Хиз. И я его прямой потомок.

Время шло. Колесо истории крутилось в нужном направлении.

Вот они нашли одну, хорошо защищенную пещеру. Вот они научились издавать членораздельные звуки. Научились составлять из них слова. Научились добывать огонь.

Так на земле появились люди. И началось их победоносное шествие...

Бледная девушка. Хватит! Я сойду с ума, если это не прекратится!
Николай Сергеич. Право, давайте окончание этого рассказа перенесем на другой день!
Человек из угла. Что это за эфиоп?
Бледная девушка. Это не эфиоп, а Самоубийца.
Человек из угла. Видимо, кто-то покончил с собой во время моего рассказа?
Бледная девушка. Самоубийца из романа.
Человек из угла. Из романа?

Бледная девушка смотрит на человека из угла широко раскрытыми глазами и падает в обморок. Кто-то подносит к ее бледным губам стакан с водой.

Бледная девушка открывает глаза:
– Что со мной? Где я? На Планете Хигия, на дне океана? Уберите отсюда диких зверей!
Человек из угла. Я могу продолжить рассказ.
Хозяин мастерской. Да катитесь вы ко всем чертям. Видите, что творится с девушкой?
Человек из угла. Хорошо. Я могу подождать пару миллионов лет.
Кто-то. Типичный шиз!
Молодой критик. Я не могу это оставить так. Я должен высказаться. Автор окончательно свихнулся. У него поехала крыша. Я хочу сказать несколько слов о романе. Но вначале мне хочется сказать несколько слов об идее бесконечного романа.
Автор. Нет идеи бесконечного романа. Вычеркнул раз и навсегда.
Молодой критик. Была. Автор легкомысленно бросил эту идею в публику. Мол, если каждый живущий на земле на-

пишет, оставит после себя хоть одну страницу, то получится бесконечный роман. Да. Получится, не отрицаю. Но кто его будет читать, печатать? Для чего, наконец, ему читать про свою никчемушную жизнь, если она перед ним развертывается каждый день наподобие скверного фильма?

Если Автор взял случай из обыденной жизни, то его нужно одеть в приличествующие одежды. Я бы сказал, приукрасить. Сделать доступным для читателя. У которого нет времени разбираться в тонкостях материи.

Мой коллега прекрасно показал это, разбирая стихотворение поэта Дымокурова, как женщина стирала белье. Пошлую повседневную картинку поэт превратил в огромное, достойное времени, лирическое полотно.

Не буду повторяться. Не буду приводить снова эти замечательные строчки, каким образом женщина в стихотворении поэта стирает белье.

Рембрандт тоже брал сюжеты из обыденной жизни, но посмотрите, как возвышенно они выглядят. Какие вам еще нужны примеры. Рембрандт умел выделять из обыденного вечное.

Теперь рубят с плеча. Махнул три раза кистью – и картина готова.

За примером далеко ходить нет необходимости. Возьмите роман под названием «Кошки Мышки», который нам без конца навязывают. Если бы я знал, что тут будут буйствовать вышедшие из ума графоманы, меня бы никакими коврижками на такую читку не заманили.

Графомания теперь самое распространенное явление в литературе. Зачем учиться, зачем трудиться. Купил в магазине канцтоваров бумаги побольше, и сиди, катай в свободное от работы время. Милое дело. Глядишь, и денежки заплатят.

Вы не только нам на головы вылили несколько ушатов помоев, но и исказили исторические, общеизвестные факты. Что вы сделали с замечательным произведением Великого Василия Абрамыча Сложеницына? Вы самым дурацким, иначе не назовешь, образом исказили лучшее произведение эпохи соцреализма, роман «Один день Ивана Кузьмича». Перевернули его, переврали.

Настасья Петровна (*выглядывая из соседней комнаты совершенно без ничего, голая*):

Электричество мне Петр Петрович провел. Хорошо провел, не жалуюсь. Он хорошо проводит. Пятерку взял, которую мы с ним же и пропили.

Петр Петрович. Тогда к тебе какой-то тип таскался из министерства финансов. Шелудивенький такой, маленький.

Настасья Петровна. Неправда! Из министерства позже. Тогда у меня перегорели пробки. А этот был сержантом из духового оркестра, а не из министерства. Губища у него здоровенные. Играл на басе. Потом оказалось, что он женат. Супружница где-то достала адрес. Приходила скандальничать.

Потом еще один был из треста столовых. Волосатый весь, как бизон. А мускулатура, как у боксера. Я его любила больше всех. Продукты из треста таскал.

Петр Петрович. Видел. Шимпанзе.

Настасья Петровна. Я на что привычная. И то взгляд не всегда выдерживала. Глянет в упор, аж коленки трясутся. Один раз описалась.

А он говорит:

– Не бойся, я тебя не съем. Я добрый.

Не помню уж – из-за чего мы расстались?

Некоторые один раз придут, а потом не ходят. А некоторых не отвадишь.

Грязнуль не люблю. Посмотрю на руки – грязные, сразу от ворот поворот.

Этот из треста мне сразу понравился. И росту он, как дерево. Ляжет на кровать, ноги свешиваются до самого пола.

Петр Петрович. Первый раз я его увидел, когда проводку делал. Долблю стенку, а сам посматриваю на него.

– Изобьет, – думаю, – что с него взять?

Образина эта, как вошла в комнату, так с сапогами вместе на кровать завалилась. Лежит. Посматривает на меня, сапоги офицерские, хромовые. Губами шевелит, вроде что-то хочет сказать, а сам за все время не промолвил ни слова.

Настасья Петровна. За то я его и прогнала, что все время молчал. Молчит весь вечер. Сколько ни заговариваю, не помогает. Приперся. А я ему дверь не открыла. Так всю ночь просидел на лестнице. Под утро сжалилась. Пустила.

Ирина *(Автору)*. Расскажите пожалуйста, как вы пишете книги?

Автор. Очень просто. Беру чистую бумагу и пишу. Черновиками забиты все ящики. Собираюсь на днях произвести чистку. Все ненужное на помойку.

Ирина. Как вам тяжело! Как мне хочется вам помочь!

Автор. Спасибо.

Ирина. Я готова пожертвовать...

Автор. Сочинять, собственно, не трудно. А вот переписывать рукопись несколько раз надоедает. А переписав, еще нужно все отпечатать на машинке. Написанные от руки рукописи в редакциях не принимают.

Вижу, что рукопись еще раз нужно переписать. Но переписывать больше не буду.

Старшина Алексеев, как пришел обратно на Горького, так и уснул. Лег рядом с Самоубийцей. Даже слегка его обнял и похрапывает. Вот слегка заворочался. Проснулся. Щека измята. Сел.

Старшина Алексеев. Я опять, кажется, уснул? Следователя еще нет?

Петр Петрович. Нет, нет, можешь продолжать дрыхнуть. Здорово у тебя получается. На службе привык?

Старшина Алексеев. А он как?

Петр Петрович. Кто?

Старшина Алексеев. Самоубийца.

Петр Петрович. Жив пока. Да что я говорю. Лежит рядом с тобой.

Старшина Алексеев. То-то смотрю, что правый бок слегка пригревает.

Сказав последние слова, старшина поднялся и спросил у Ирины:

– Выпить там случайно не осталось?

Ирина. Что-то есть. Посмотрите в холодильнике.

Старшина Алексеев достает из холодильника бутылку, в которой светится жидкость. Выпивает.

– Сразу полегчало. А где эта сучка Настасья Петровна?

Маня. Да они в соседней комнате вместе с каким-то губастым типом бегают в чем мать родила. Можете убедиться сами.

Старшина Алексеев. Скажешь. Что я, голых баб не видывал?

Тут из соседней комнаты выходит одетая, причесанная, пахнущая духами «Москва»

Настасья Петровна. А мы в той комнате рассматривали альбом с фото. Красивые фотографии.

Ирина. Меня фотографировал один знакомый фотограф. Он работает в газете.

Мы с ним познакомились в Ялте. Он там в доме творчества проживал. А я отдыхала в профсоюзном санатории. Но потом он оказался настоящий свиньей, заявил, что много денег на меня потратил. А какое мое дело, что он тратился, я его об этом не просила.

Петр Петрович. Фото фартовые.

Ирина. Говорю вам, что профессионал!

Петр Петрович. Вот на этой карточке у вас замечательный купальничек, грудки вот-вот вывалятся наружу.

Ирина. Купила в ГУМе по знакомству. Так не достанешь.

Петр Петрович. И фигурка экстракласс.

Ирина. Занималась художественной гимнастикой. Не для рекордов. Для себя. Тренер водил меня по ресторанам. Я тогда очень любила ходить по ресторанам. Теперь в рестораны ходить у светских людей считается не модно. В кафе можно. А лучше всего гостей приглашать домой.

Только соседи покоя не дают. Музыка им не нравится. Чуть чего, бегут дребезжать в милицию. За собой не замечают, когда ругаются на весь подъезд.

Маня. Я очень люблю Ирину. Больше всех на свете. Люблю спать с ней в одной постели. У нее такое приятное тело, когда прижмешься. Я иногда во сне руку ей кладу промеж ног. Она не обижается. Груди глажу. Они у нее тверденькие, хоть не такие большие, как у меня.

Мне приятно обнимать и ласкать Ирину, потому что я ее люблю.

Петр Петрович. Скоро явится ваш следователь? Где его только черти носят? Уже светать начинает. Хоть бы часок поспать перед работой.

Настасья Петровна. Скорей всего заглянул домой, чтобы выпить стакан чаю.

Старшина Алексеев. Не волнуйтесь, господа, будет с минуты на минуту.

Петр Петрович. Ты откуда знаешь?

Старшина Алексеев. Душа чует.

Наступает тишина.

Петр Петрович. Можно сходить в сортир?

Молчанье.

Петр Петрович. Можно в туалет?

Молчанье.

Петр Петрович. Можно в уборную?

Молчанье.

Старшина Алексеев. Хоть бы пол стакана водки осталось.

Молчанье.

Петр Петрович. Кто-то облевал весь унитаз.

Молчанье.

Старшина Алексеев. Когда водки нет, хочется еще больше.

Молчанье.

Петр Петрович. И тряпки нет, чтобы подтереть.

Молчанье.

В передней раздается звонок.

Молчанье.

Ирина. Звонят!

Молчанье.

Маня встает, идет к входной двери. Открывает. Никого.

Маня. Никого нет.

Молчанье.

Старшина Алексеев. Так бывает всегда. Звонят, а потом

убегают. Скорей всего мальчишки.

Молчанье.

Настасья Петровна. Какие могут быть мальчишки в такую поздноту?

Молчанье.

Человек в пальто. Здравствуйте.

Молчанье.

Человек в пальто. Вы что, спите?

Ирина. Не спим. Следователя ждем.

Человек в пальто. Не спите, а дверь пришлось открывать самому. Не мог дозвониться.

Ирина. Как вы открыли? У меня замок с секретом.

Человек в пальто. Секреты существуют для простаков.

Ирина. Вы жулик?

Человек в пальто. Почему вы так думаете?

Ирина. У вас воротник пальто поднят.

Старшина Алексеев вскакивает с места:

– Так это ведь товарищ следователь! Докладываю...

Следователь. Потом, потом, старшина, *(кому-то)* проходите, проходите, дорогой!

В комнату входит немолодой доктор.

Старшина Алексеев *(следователю)*. Здравия желаю, товарищ подполковник!

Следователь. Здравствуй, старшина, квартиру получил?

– Получил. Квартира высший класс.

Следователь. Рад за тебя. А теперь докладывай, что тут у тебя?

Старшина Алексеев. Все в порядке. Свидетелей нужное количество присутствует налицо.

Следователь *(к доктору)*. Хорошо работать с таким старшиной. У него всегда все в порядке. Молодец!

Старшина Алексеев. Рад стараться, товарищ подполковник!
Следователь. А трупик где?
Старшина Алексеев. Отдыхает на диванчике.
Следователь, обращаясь к Петру Петровичу:
– Ты кто?
– Электриком работаю.
Следователь. Свидетель?
Старшина Алексеев. Так точно!
Петр Петрович. Вот мы тут всю ночь вас ждали. А на работу как?
Следователь. Справку дам. На работу можете не идти.
Настасья Петровна. Я свидетельница. И имею заявить: в этой квартире пьянствуют каждый день. Если бы они не пьянствовали, ничего бы такого не случилось. Я приношу жалобу!
Ирина. Мы справляли день рождения.
Маня. Мне исполнилось 18 лет.
Следователь. Вижу, вострушка.
Маня. Если не верите, паспорт могу...
Следователь *(тыча ей в грудь)*. Вот твой паспорт.
Маня. Можно предъявить и этот.
Настасья Петровна. Скажу вам по секрету, Самоубийца не ножом себя пырнул, а выпрыгнул из окна в белой горячке. Потом они затащили его обратно в квартиру.
Ирина. Все она, зараза, врет. Как только язык поворачивается на такую напраслину?
Следователь. Успокойтесь, девушка. Все, что говорит ваша соседка, к делу не имеет касательства. *(К Автору)*. А с вами мы где-то встречались. Запамятовал. Кажется?.. Нет, не у нее.

Автор. Все может быть. Но, извините, я вас не припоминаю.
Следователь. Подождите, подождите. Конечно! Вспомнил! Память слегка притупилась. Всю сегодняшнюю ночь на ногах. Как же, как же, виделись у скульптора Безымянного. Вы там читали отрывки из последнего романа. Люблю заглянуть к нему на огонек. Весьма приятный человек. И народ у него бывает интересный. Знает ведь скульптор, что я следователь уголовного розыска, а не боится, как другие. Приглашает заходить. А чего, собственно, бояться? Культура русского народа мне не чужда. Да и в работе помогает. Помните, когда из Музея изобразительных искусств увели Франс Гальса? Приглашался консультантом.
Автор. Теперь я вас вспомнил.
Следователь. А я, грешным делом, подумал, что застеснялись знакомством.
Автор. Что вы, как можно!
Следователь. Как поживаете, дорогой писатель?
Автор. Ничего. Только вот друг покончил с собой.
Следователь. И давно вы с ним знакомы?
Автор. Как вам сказать...
Следователь. И не надо, не надо. Допрашивать вас не собираюсь. *(К старшине)* Выпил крепко?
Старшина Алексеев. Стаканчика два для порядка.
Следователь. Я этого старшину знаю уже лет пятнадцать. Достойный человек. Службист. Но зря человека не обидит. Честный человек, что в наше время большая редкость. Люблю честных. Выпить любит. Но это ничего. Другой и выпивает, и дела не знает.
Старшина Алексеев. Так точно, товарищ подполковник.
Следователь. Ох, пора и совесть знать, нужно к делу приступать.

Старшина Алексеев. Можно и к делу, а можно и в магазин сбегать!
Ирина. Не нужно. Есть одна бутылка. Кто-то из гостей поставил на подоконник за занавеской.
Старшина Алексеев. Может, товарищ подполковник, пропустите пару рюмашек?
Следователь. Бросил, старшина, совсем бросил. В рот теперь этого зелья не беру. *(К Ирине)*. Может, расскажете, красавица, как было дело?
Ирина. Пожалуйста.
Следователь. А щечки у вас розовенькие. А грудки у вас остренькие. Садитесь-ка рядышком. Автора любите? Он хороший человек. А я по-стариковски, по-дружески, так сказать. Коленочки не закрывайте. Люблю, греховодник, на коленочки смотреть.
Ирина. Я вас не стесняюсь и не боюсь. Один раз у меня был знакомый лейтенант из милиции. Услали его за какую-то провинность на службу в Сибирь.
Следователь. А пальчики у вас тонкие, руки узкие, как у аристократки.
– Вы смеетесь?
Следователь. Ладно. Рассказывайте!
Ирина. Мы праздновали день рождения. Собрались гости...
Следователь. И подружка у вас вострушка. Недурна, недурна. И ты садись поближе!
Маня. Я люблю Николая Сергеича.
Следователь. Какого Николая Сергеича, Самоубийцу?
– Да.
Следователь. Похвально, похвально.
Ирина. Самоубийцу привел мой приятель. Гость оказался

художником. Симпатичный человек. Выпивали. Веселились. А потом этот случай...

Следователь. Какой случай?

Ирина. Самоубийство.

Приехала я из Кузьминок, где живет мой поклонник. А тут такое. Маня рыдает над трупом.

Следователь. Знаю, знаю, он ее посылал за водкой? А гастроном закрыт. А у таксистов бутылка 5 р. А у тебя всего в сумочке трояк. Вот и все. И рассказывать больше нечего. Так я все и записал, перед тем, как придти сюда. А коленочки у тебя пухленькие.

Маня. Если хотите, я могу юбку снять.

Следователь. Этого не требуется. Этого я не люблю. Обожаю одно, красоту. Адресок запишу. В гости как-нибудь загляну. Плотские увлечения не для меня. Ну что, Семен Тарасыч, теперь можно осмотреть трупик?

Доктор. Простите, Егор Силыч, где это вы ухитрились усмотреть трупик? Тут все, слава Богу, живы и здоровы.

Следователь. А тот на диване, что с ним?

Доктор. Крепко спящий пьяный человек.

Следователь. Живой?

Доктор. Живой, Егор Силыч. Замечу, что этот трупик трупиком быть не собирался. Напился. И уснул, как пласт. Такой трупик может проспать целые сутки. Нервный субъект. От него не трупиком, а водочным перегаром разит на целый километр. Да вы, Егор Силыч, сейчас сами во всем убедитесь.

Доктор поставил на стол свой потертый баул. Достал белый халат, шприц. Белый халат надевать не стал.

Следователь. Вы что, Семен Тарасыч, собираетесь жизнь вдохнуть в покойника? Такие эксперименты всегда оказывались неудачными.

Доктор. А это мы сейчас посмотрим. Жаль, что тут негде шприц прокипятить.
Маня. На кухне можно.
Доктор. Ладно. Обойдемся. К пьяному человеку никакая зараза не пристает.

Доктор ловко берет шприц меж пальцев. Удар!

Настасья Петровна. Шприц-то у вас пустой?
Доктор. Пустой. Нам другой и не нужен.

Николай Сергеич, почувствовав боль, открыл глаза, обвел всех присутствующих сонным взором и опять прислонился к подушке.

Следователь. Чудеса в решете. Ехали на покойника, а тут хоть играй свадьбу. Хорошо, что все закончилось благополучно.
Маня. Значит, Николай Сергеич жив?
Следователь. Спрашивайте у доктора. Он у нас большой специалист по оживлению покойников.
Доктор. Жив ваш самоубийца!
Маня. Господи!
Следователь. Ну, друзья, кажется, нам тут больше делать нечего. Пойдемте, Семен Тарасыч. И вы, старшина, свободны. Свидетелей отпустите.

Доложим начальству
Благую весть!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихи Николая Сергеича не самостоятельные, дилетантские, как почти у всех пишущих художников. Но для того, чтобы понять его состояние, я обязан привести их тут. Скорей всего, навеяны они были увлечением красавицей-манекенщицей Региной.

+ + +

Эта комната – будуар
И гостей в ней
Несколько пар.
И свечей
Мерцающий свет.
И до блеска натертый
Паркет.
Гости трепятся,
Пьют вино, а она
На тахте
В кимоно.
В этой комнате
Есть камин...
В этой комнате
Я один.

Странно. Но написано с чувством. Этого не отнимешь. Определенное состояние души передано четко. Старомодно. И это не беда.

+ + +

К тебе навеки я приписан,
Пусть я с тобою не расписан,
Пусть у тебя я не прописан,
Пусть не написан договор,
Но наш подписан приговор.

Обреченность. Неизбежность. Безвыходность. Сквозят в этих строчках.

+ + +

Да, я люблю тебя,
Люблю!
Так что не думаю,
Не сплю.
А между нами пустота,
Как пропасть
Или высота.
И там,
За этой высотой,
Блистаешь ты
Неповторимой
Космическою красотой.

Стихи эти, безусловно, признание в любви. Хотя сам Николай Сергеич уверял друзей, что он не испытывает к Регине каких-то особых чувств.

+ + +

Я сравниваю любимую
С цветами:
Глаза у нее зеленые,
Как лепестки клевера.
Я сравниваю любимую
С морской волной:
Волосы у нее пенные,

Тело нежное и прохладное.
Я сравниваю свою любимую
С голубым небом.
Душа у моей любимой –
Голубая птица.

Привычка идеализировать, надо признаться, в человеке неискоренима.

+ + +

Доктор,
Что мне делать,
Я люблю безнадежно?
Дышите спокойно.
Вдох должен быть глубоким.
Вот так,
Хорошо.
Акт –
Смерть наступила мгновенно.

Это стихотворение, собственно, не требует комментария. Состояние души человека находится в крайнем напряжении. До того крайнем, что ниточка жизни может оборваться в любую минуту.

+ + +

Если исчезнет небо
Мы построим металлический купол
Выкрасим его

С внутренней стороны
Голубой краской.
Если исчезнет Солнце
Мы без него обойдемся.
Если исчезнет Вера
Мы придумаем ее заново.
Если исчезнет любовь
Жизнь превратится в хаос.

Вот и философские размышления. Согласны?

+ + +

Какое тело!
Какое тело!
За это тело,
Если бы захотела,
Получила бы все,
Что захотела.
А какие украшения,
Какие наряды,
И полные искушения
Взгляды.
И только душа
Не стоит
Ломаного гроша.

Стихотворение показательно. Наступил кризис, после которого все покатилось под горку. Объект поклонения разочаровал. А ведь прежде писались совсем другие стихи.

+ + +

Я несу к тебе
Свою седую голову.
В ней кремень,
Сталь,
Олово:
Чтобы высекать слова,
Чтобы их паять,
Плавить,
Чтобы плакаться,
Славить.
Возьми ее, задешево отдам.
Сколько дашь,
За столько отдам.

Возможно, я не прав, но мне кажется, что Николай Сергеич за короткий период полностью утратил непосредственность, которая делает стихи стихами. В приведенном выше стихотворении уже присутствует какая-то манерность, надуманность, нарочитость. Еще одно стихотворение, подчеркивающее происходящее:

+ + +

Я в ночь лечу,
Забыв про тормоза.
Передо мной твои
Зеленые глаза
Что ж, путь свободен?
Нет, закрыт!

Как пропасть,
Впереди стена.
Стена,
На
Грудь мою,
На лоб,
На губы,
На!

Стихи эти, как мне кажется, писались не за один присест, а вынашивались, согласуясь с настроением поэта. То, что Николай Сергеич, несмотря на просчеты и недостаточную практику, был поэтом, вне всякого сомнения.

Возьмите хотя бы небольшую поэмку, написанную, скорей всего, во время пика, так скажем, влюбленности.

ПОЛЕ

Предо мной было поле
На поле росли цветы
Ромашки
И васильки
На другом конце поля
Стояла она
Я видел
Ее зеленые глаза
Я побежал к ней
Я пересек все поле
Я был у цели
И вдруг

Я увидел
Другое поле
Оно стояло отвесно
Как стена
Цветов не было
Была гладкая
Как стекло
Поверхность
Я побежал
По этой поверхности
В надежде
Разыскать любимую
Но ее нигде не было
Тут я взглянул
На свои руки
Их тоже не было
Руки исчезли
И я весь исчез
Но одновременно
Я чувствовал
Что я есть
Что-то обволакивало меня
Цеплялось
За мои невидимые
Бока
Я получал
Какие-то непонятные
Сигналы
Я ничего не видел
И не слышал
Я не понимал

Самой возможности
Видеть
И слышать
Но чувствовал
Чье-то присутствие
Через некоторое время
Я научился
Понимать сигналы
Кто-то говорил
Послушай
Не занимай
Чужую орбиту
И тотчас
Толчок
В бок
Он был такой силы
Что внутренности во мне
Перевернулись
Я взвыл от боли
И опять сигнал
Не занимай
Чужую орбиту
Я ждал удара
Но его не последовало
Тут я почувствовал
Что кто-то тянет меня
За собой
Веди себя спокойно
Не дергайся
Сказало
Невидимое Существо

Будешь лететь
За мной
Вот так
Еще спокойней
Помни
Добавило Существо
Чтобы моей энергии
Хватило на двоих
Нужно вести себя спокойно
Я сказал
Что я все понял
Но меня тошнит
Привыкнешь
Ответило Существо
Это потому
Что скорость полета
Велика
В два раза
Превышает
Скорость света
Расскажи мне о себе
Попросило Существо
О мире
Из которого ты прилетел
Я сказал
Я ничего не помню
Я помню
Зеленые глаза любимой
И больше ничего
Жаль
Ответило Существо

Я работаю
Над установлением контактов
С другими Мирами
Пока это не удается
Никто
Ничего
Не помнит
Возможно
Твой Мир
Мир
Куда переселяются
Наши души
После смерти
А ваш Мир
Это Мир
Куда прибывают
Наши души
Нет
Ответствовало Существо
К нам никто
Не переселяется
К нам
Попадают случайные
Такие
Как ты
Часто
Нет
А какова их судьба
Погибают
Я тоже погибну
Не обязательно
Неожиданно

Ты можешь оказаться
В своем измерении

Так и случилось
Я снова
На Родной Земле
Я с вами
Друзья
Я помню все
Я помню
Зеленые глаза любимой
Вот оно поле
Любимая стояла
На том конце
Однако
Теперь там
Никого нет
Сказали
Стоящие рядом со мной
И глаз
У нас нет
У нас светоприемники
Когда-то на Земле
Но это было
Очень давно
Действительно
Жили люди
У которых были глаза
Мы знаем об этом
Из книг
Из стихов

Тут вперед выступил
Один
С конусообразной головой
Он сказал
Вот стихотворение
Того времени
О глазах

Над Миром
Всем
Плывут глаза
Твои глаза
Как образа
И зелены они
И сонны
И т д

Я перевел текст

Гыр зыыыы
Эрт люб
Блю лю длю
Глю глю
Либу
Зел зыыыы
Кеп зыыыы
Зеп ксссы
Кесссыыы

Это стихотворение
Написал я
Сказал я

Я любил девушку
У которой
Зеленые глаза

Но это стихотворение
Написано
Несколько миллионов лет
Тому назад
Да
Ответил я
Возможно что
Это было
Именно так

Поэма. О любви? Но к кому? К той 16-летней, которая уехала в Сибирь? К Регине? Или к той, абстрактной, которая растворилась в голубом унитазе?

Голубая девушка. Я не голубая. Я красная. Почему вы меня обижаете?
16-летняя девушка. А если муж узнает? Не называйте моего имени!
Автор. Я, как видите, и не называю.
16-летняя девушка. Поэма не обо мне. У меня глаза не зеленые, а карие.
Автор. Фантазия поэта.
16-летняя девушка. Он никогда не говорил, что пишет стихи.
Автор. А вот взял и написал.
16-летняя девушка. Не обо мне. У меня кривые ноги. Николай Сергеич этого не замечал.

Голубая девушка. Однажды я ночевала у художника. Странный человек. Поцеловал только. Сказал, что любит другую. Как будто мне не все равно. Старый дурак. Пришлось раствориться в голубой моче.
Автор. Всем своим существом Николай Сергеич стремился...
Голубая девушка. Не ко мне. Он думал, что я голубая. А на самом деле я красная. Я люблю все красное: красный хлеб, красное молоко, красную одежду, красные дома. Красную любовь. Красную планету.
Регина. Кратковременная любовь, кратковременный брак, никаких привязанностей – вот мой девиз. Тогда на Юге этот или тот был со мной, мне все равно!
Автор. Всем своим существом...
Регина. Он стремился ко мне. Влюбился, как дурак. Сцен на Юге не было. Я сама все сочинила для поднятия собственного престижа. Вы всё, милый Автор, переврали. Вы абсолютно ненормальный человек. Да, я в Николае Сергеиче ошиблась. Но нельзя же из-за такого пустяка красивую женщину отправлять на Колыму?
Автор. Я с вами согласен.
Регина. Сожалею, что вы не назвали всех моих любовников в своем романе. Дольникова неизвестно что может возомнить.

Безденежье Николая Сергеича закончилось так же неожиданно, как и началось. В одном издательстве вышла книга, которую он оформил несколько лет назад. Музеи купили несколько картин. И пошло.

Еще раз повторю стихотворение. Вы увидите наглядно, кому оно адресовано.

+ + +

Над Миром всем
Плывут глаза –
Твои глаза, как образа:
И зелены они,
И сонны,
Как Космос немы
И бездонны.
Когда я трезв,
Я им молюсь,
И поношу,
Когда напьюсь.

Надо сказать, что у Регины тоже глаза не были зелеными, скорее серыми. И волосы, хоть об этом в стихотворении ни полслова, крашены в черный цвет. Возможно, что не Регине адресованы эти строчки. А кому?

+ + +

Чья вина?
Чья вина?
Чья вина?
Ты стоишь,
Побелев,
Как стена.
А глаза твои –
Полынья.
И глядят они
Мимо меня.

И слова,
Как булыжники,
Грубы.
И затем поцелуй
Прощальный,
Процеженный
Сквозь зубы.

И опять загадка. Приходится начинать сначала. Не буду! Не хочу! Не стану!

+ + +

В этом мире, что сам несуразный,
Жил один человек несуразный.
Он походкой ходил несуразной
По земле, как и сам, несуразной.
Как-то раз человек несуразный
Полюбил. И в любви несуразной
Объяснился он ей, несуразной.
И ответ получив несуразный,
Прочь ушел человек несуразный.

По-моему, это стихотворение, как и следующее, написаны просто так, без определенного адреса.

КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В компании,
Где все зевали,
И рты,

Как топки, разевали,
И ели истово
И жутко,
Пасть обнажая
До желудка,
С тобой мы были визави,
А ротик твой
Был весь в крови.
Я крикнул:
Милая,
Даруй
Один кровавый
Поцелуй!
Ты носик вздернула
Смешно,
Сказав:
Не кровь это,
Вино,
Ты говоришь,
Любимый,
Чушь.
А рядом
Пасть разинул муж,
Застыв
В классическом зевке,
Весь красный,
С рюмкою в руке.

Хотя, если вникнуть внимательней, какой-то намек на что-то есть и в этих двух стихотворениях. Так, во всяком случае, мне кажется.

Автор. Вижу, все мои герои шушукаются, посматривают на меня с любопытством. Петр Петрович покручивает указательным пальцем возле виска, жест вполне определенный, показывающий, что у человека слегка поехала крыша.

– Нет, дорогие друзья, карету скорой помощи не вызывайте.

Откуда вы, господа, взяли, что я ненормален? Я вполне... У меня... Кто Наполеон?

Итак, продолжаю повествование.

Роман мой не про девушку, которая улетела в Америку с пролетающим мимо пилотом.

А про Козу, которую избрали президентом одной Афроазиалатинской страны.

А я вам вот что скажу: эта Коза является дочерью одного славяномонгольского Наполеона.

Слушайте, я не старшина Алексеев, я другой, еще неведомый посланник... Самоубийца тоже Наполеон. Самоубийцей он притворился с целью конспирации.

Задача решена. Она проста.

Наполеон прежде был старшиной Алексеевым, а потом уехал с Региной на остров св. Елены и превратился в настоящего Наполеона.

Все так просто. Все так мило. Вот что значит ясный ум, вот что значит здравый смысл.

Старшина Алексеев лежит на тахте, а Самоубийца охраняет его. Настоящего Наполеона отправили в магазин за водкой.

Помчался.

А старшина Алексеев крикнул вдогонку:

– Пошевеливайся!

Потом уже, когда подвыпили, Наполеон дал Петру Петровичу по шее. А Петр Петрович укусил его за палец.

Кровь каплет на паркет. Наполеон с Ириной удаляются в другую комнату.

Кровать скрипит. А Наполеон кричит:

– Тело у нее высший класс!

Маня дает пощечину Петру Петровичу, который пытается ее облапить, и садится на колени к Настасье Петровне.

Значит так: Наполеон в течение двадцати лет вылавливает опасных преступников и получает новую квартиру.

Вывод:

Старшина Алексеев мог быть вполне старшиной Алексеевым, если бы к тому времени не был Наполеоном. А Наполеон мог быть старшиной Алексеевым, если бы не был Наполеоном.

Молчать!

Глупых вопросов не задавать.

Пусть всемирное молчание будет вкладом во всемирное молчание.

Слушайте все! Я гений Самоубийца Наполеон Алексеев.

Отпустите меня в бря дря гря!

Я спешу.

Я пишу роман.

Он долгорог,

Он крепкорог!

Он свебра уброг!

Вот последняя страница.

Белый «Мерседес», купленный по дешевке у разорившегося художника Пикассо.

Вокруг голая пустыня Сахара. Или другая. Это не имеет значения.

Молодой критик. Какая пустыня? Какой «Мерседес»? Какая вилла? Я протестую! Я буду жаловаться!

Автор. На кого?

Молодой критик. На вас, на кого же еще, не на Пушкина же Александра Сергеича. Пустынь в Московской области нет. И я еще раз протестую!

Автор. Против чего?

Молодой критик. Против насилия над чувствами людей, против извращения фактов!

Автор. Вы мне офигенно надоели. Не пойти ли вам вон?

Молодой критик исчезает безропотно.

Кинорежиссер нанял убийцу и убитого, которые постепенно превратятся в художника Тархалова.

– Ты ее, любезный, не тронь, женщина ведь. А с ним можешь делать, что заблагорассудится. Чтобы в Москву не возвращался.

– Будет исполнено, ваше режиссерское величество!

– Значит так, я убираю с вашего пути неудобного Самоубийцу, а вы даете главную роль в фильме Дольниковой.

– Мотор!

Загородная вилла. В гостиной Регина. У ее ног лежит на звериной шкуре Николай Сергеич.

Николай Сергеич. Дорогая, открылись новые обстоятельства. Мы срочно должны покинуть эту виллу.

Регина. Я понимаю тебя. Я тороплюсь.

Регина в Париже. В одном фешенебельном ресторане она встречает художника Пикассо, который тотчас в нее влюбляется. Он посылает бутылку шампанского 1970 года. Покупает бриллианты по несусветной цене. Денег больше нет. Он прямо возле ресторана распродает свои картины три франка за штуку и становится бедняком. Регина уходит от него.

Там же в Париже она встречает Англичанина, который едет в Москву. Он страстно влюбляется в Регину с первого взгляда. У Англичанина в чемодане 20 тысяч фунтов стерлингов.

Знакомство с Передуевым и Линяевым. Оба влюбляются в Англичанина. Не в самого, а в чемодан с фунтами. Ошибка, Передуев и Линяев ни в кого не влюбляются. В чемодан с деньгами влюбляется Тархалов, который вызывает Англичанина на дуэль.

Два выстрела. Англичанин падает замертво.

Тело убитого Англичанина доставляют в морг. Академия наук РФ покупает скелет Англичанина для своей коллекции.

Англия посылает решительный ультиматум. Конфликт из частного превращается в межгосударственный. Происшествие разрастается. Канада выступает посредником. Чрезвычайный посланник Тьер Потье прикладывает немыслимые усилия.

Конфликт остается.

Война. Все сметено огненным смерчем. В живых: Регина, Передуев, Линяев. Классический треугольник. Передуев любит Линяева, Линяев Регину, а Регина мертвого Англичанина.

В одной случайной компании Николай Сергеич знакомится с Региной. Она на содержании у кинорежиссера. Носит за ним горшки. Счастливы безмерно.

Поселяются за городом. Прекрасная вилла. Соперники в ярости.

Время идет. Секунданты бросают жребий. Подают сигнал к началу дуэли. Соперники сходятся. Стреляют. Секунданты падают замертво.

К этому времени постройка моста закончена. Митинг, который постепенно превращается в похоронную процессию. Хоронят секундантов. Ораторы одновременно произносят и праздничные, и траурные речи.

Грядет третье тысячелетие. Мост не нужен. Лучшие умы размышляют, что делать с мостом. Решение найдено. Он переделывается в Диснейленд. Успех необычайный. Англичанин быстренько оживает и организовывает компанию. Покупает мост. И разоряется.

Самоубийца в свою очередь тоже покупает мост, который падает в океан. Знаменитый Бруклинский мост. Самоубийца женится на Регине. Для бракосочетания построен дворец. Мост, упавший в океан, оказался сработанным древними римлянами из чистого золота.

Регина знакомится с Николаем Сергеичам. Оба влюблены. Поселяются в деревне.

Им хорошо.

Регина влюбляется в убийцу кинорежиссера, который похож на старшину Алексеева.

Появляется Регина. Оба – и убитый, и убийца – в нее влюбляются. Убийца убивает убитого и вместе с Региной удаляется. Убитый оживает. Идет следом за Региной.

Постройка моста через Северный Ледовитый океан начинается сызнова. Бесконечные штормы, айсберги, торосы мешают. Начальство в ярости. Объявляет убийце выговор.

Регину назначают руководителем строительства. В конце концов она попадает под суд за хищение пиломатериалов.

Связи убийцы и убитого не помогают. Она принимает быстродействующий яд.

Самоубийца, который лежит на тахте, говорит, что убийца им не нужен, что Тархалов может вполне убить сам себя. Что он проделывал не один раз.

Замысел романа прост.

Рождение убийцы. Кто он? Он сын своего века. Мать – графская кухарка, значит, аристократка. Убийца – подлинное дитя цивилизации, помесь обезьяны и стиральной машины. Воспитывался в джунглях недалеко от Парижа.

Убитый тоже дитя цивилизации. Только не земной. У него вместо глаз светоприемники.

Убийца встречает убитого перед убийством в Питере. Они с удовольствием проводят несколько дней вместе, шампанское рекой, девушки сами предлагают поездки в Крым, Рим и другие примечательные примечательности.

Сегодня суббота? Конечно, конечно!

Обещала заглянуть девушка.

– Хорошенькая?

– Очень.

– Познакомь?

– Нашел дурака.

– Такого, как ты!

– Скоро ли будет она?

Стук в дверь. Громко стучат. Кажется, Колбасилова. Неужели вместо объятий и горячих поцелуев девушки будут стихи?

Нет, не Колбасилова. Почту доставили.

– Распишитесь вот тут!

Перевод на пятнадцать рублей.

Хорошо.

Успею до прихода девушки смотаться в магазин. Куплю шампанское.

Несусь, сбивая некоторых прохожих. Вот и дверь магазина. Закрыт на учет. Надо срочно в другой. Пряники есть и шампанское.

Девушка ждет уже. Она из романа. Значит, будет моей. Тороплюсь. Можно было создать и получше, хотя фигурка и все остальное ничего.

Бедная моська. Бедный Тархалов. Мне его жалко. Зачем я позволил Самоубийце убить его? Лучше бы ему не родиться.

За Самоубийцей пришли санитары.

Николай Сергеич. Пойду приготовлю чемоданы. Сейчас придут покупатели виллы.

Регина. Проси за нее как можно больше. Сто или двести тысяч зеленых.

Николай Сергеич. Учти, дорогая, мы торопимся.

Покупатель. Больше десяти тысяч не дам.

Жена покупателя. Дай девяносто пять, такая хорошая вилла.

Николай Сергеич. За девяносто пять не могу!

Регина. Отдавай!

Николай Сергеич. По рукам!

Николай Сергеич и Регина садятся в белый «Мерседес». Мчатся по кольцевой. Навстречу голубая «Волга».

Регина. Ты видел, милый?

– Что, дорогая?

– Навстречу промчался Тархалов.

Николай Сергеич. Собрался кокнуть нас с тобой.

Регина. Представляешь, как он удивится, увидев другую пару.

Николай Сергеич. Он их прикончит.

Ночь. Вилла. Пожилая чета. Гаснут последние огни. Супруги спят. Меж кустов с топором в руке пробирается убийца. Под мышкой чемоданчик с отмычками. Бесшумно открывается дверь. По винтовой лестнице преступник крадется на второй этаж. Ни звука. Взмах топора. Муж мертв. Залитая

кровью жена просыпается. Кричит. Тархалов запихивает в рот жертве полотенце. Засовывает ее в мешок. Выносит на улицу. Кладет мешок в багажник.

Квартира кинорежиссера. На пороге Тархалов с мешком в руке.

Режиссер. Как ты меня напугал. Что у тебя в мешке?

Тархалов. Она, сучка, кто же еще!

Тархалов бросает мешок к ногам кинорежиссера. Пятна крови проступают сквозь мешковину.

Кинорежиссер. Ты ее убил.

Тархалов. Это его кровь.

Тархалов развязывает мешок. Вытаскивает из него полумертвую женщину.

Кинорежиссер. Кого ты привез? Это не Регина.

Тархалов. Не все ли равно!

Тархалов выскакивает на улицу. Кинорежиссер остается в квартире с перепуганной пожилой женщиной. Женщина бросается в объятья кинорежиссера. Это пятая жена кинорежиссера, с которой он разошелся 18 лет тому назад.

Кинорежиссер. Это ты, невероятно!

Женщина. Мы будем, как голубки!

Кинорежиссер. Я буду, как тигр, как крокодил, как удав, как носорог!

Женщина в испуге прыгает с 18 этажа и падает на крышу автомобиля Тархалова. Пробивает ее своими телесами и говорит Тархалову:

– Теперь мы будем как голубки.

Тархалов. Да пошла ты, блядь подзаборная, куда подальше.

– Это я блядь?

Женщина выцарапывает один глаз Тархалова. И машина летит в кювет.

Оба погибают.

Бокалов.

Писатель.

Который лучший друг Судакова,

Рассказал.

Встретил на днях Судака на улице.

Расцеловались.

Похлопали друг друга по спине, как и полагается советским писменникам.

Судаков. Ты куда, старик?

Бокалов. А ты?

Судаков. Иду в психдиспансер. Вызывают при помощи повестки. Пришло время проходить медкомиссию на предмет освидетельствования умственных способностей.

Будь другом. Выручай.

Бокалов. Что случилось?

Судаков. Эти хмыри в диспансере требуют, чтобы приходил с отцом или матерью, которых у меня нет. Тогда, говорят, приводи дядю. Будь моим дядей. У меня вторая группа. И за мои поступки кто-то должен нести ответственность. Пошли, старик?

Бокалов. Что делать, пошли. Не бросать же живого человека в беде.

Да и самому Бокалову захотелось посмотреть на психов.

Идут.

Разговаривают.

Тема разговора обычная, писательская. У кого сколько вышло новых книжек, кто сколько за них получил.

Диспансер в районе парка им. Горького.

Пришли.

Судаков заметно на глазах Бокалова преобразился. Сделался из нормального человека завзятым психом.

Снял куртку и сует ее в окошко с надписью РЕГИСТРАТУРА. Трясет головой, как механический болванчик. Пускает пузыри.

Запихивает он куртку в окошко. А она не лезет. Окошко маленькое. Судаков выходит из себя. Орет:

– Еб вашу туда и сюда мать, мне нужно к врачам!

Сестры, зная его, как облупленного, спокойно отвечают:

– Евгений Семеныч, тут регистратура. Потрудитесь куртку сдать на вешалку. У нас записываются к врачам на прием.

Судаков. Мне к врачам записываться нет необходимости. Они мои друзья! Ходим вместе в Сандуны. Скажу главному, человеку славному, он вам покажет, как мне перечить, куры-дуры!

Сестры. Надо записываться, Евгений Семеныч. Без записи вас не примут.

Судаков. Ну что я тебе, Бокалов, говорил! *(к сестрам)* Идем с ним по улице, я ему говорю: «Вот посмотришь, в диспансере всех сестер подменили. У них, как у нас, а у нас, как у них». Дядю моего тоже подменили. Прошлый раз был другой, молодой. А теперь этот, хоть и староват, зато тороват.

Тот, который прежде, не этот, а этот не тот, толст, как бегемот. Все теперь едут в другую сторону, а не в ту, в которую ехали прежде. Фокус. Три кило гвоздей можно купить за пятнадцать пуговиц. А на хрена мне гвозди, на хрена пуговицы?

Тропическую лихорадку у белых медведей лечить просто. Нужно задницы смазывать русской горчицей. Чешская не берет.

Сцепились вчера на бульваре два трамвая, как коты, расцепиться не могут. Так и стоят до сих пор и жалобно мяукают. Наш трамвай котлеты любит, нас за это не погубит.

В ресторане Метрополь мне вместо водки подали шампунь. До сего времени хочется блевать.

В этом месте Судаков скорчил невозможную рожу и запрыгал по комнате, как козел, на потеху сестрам и публике.

Медсестры, что бывает редко, отнеслись к чудачествам Судакова с юмором. Смеялись на весь диспансер.

Судаков. Прежде я говорил одно, а теперь говорю другое. Прежде я писал книжки, а теперь пеку блины необъятной ширины.

Теперь взгляните на моего дядю. Симпатичный дядька, хотя и похож слегка на снегоуборочную машину.

– Никакой он мне не дядя, – сменил пластинку Судаков, – а знакомый писатель, которого я встретил на улице и привел к вам. Я ему сказал, что в диспансере девушки одна красивее другой. Этим и соблазнил. Бабник.

Предупреждаю, все писатели, как и он, бабники. Держитесь от них подальше. За любой юбкой помчатся хоть на край света.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром я тебя сюда привел, хоть ты осел, а я ишак, так?

Мой дядя тоже шиз хороший, – продолжал Судаков. – Смотрите за ним, может укусить!

Он вдовец. Жену убил при помощи утюга. Или отравил. Был процесс. Признали невменяемым. Вот он и здесь. Опасайтесь.

Мой дядя диктатор и тиран, в кармане у него наган. Хулиган.

Бокалову от слов Судакова и в самом деле сделалось не по себе.

Наконец одна из сестер взяла у Судакова куртку и отнесла на вешалку.

Отправляясь в кабинет, где заседала медкомиссия, Судаков еще раз поплясал вокруг веника, чем снова вызвал веселье среди медсестер.

Бокалов. Я тоже не удержался и рассмеялся.

Подходит Судаков к двери с надписью «Медкомиссия», а сам глаза выпучил, вращает ими, как жерновами, на тех, которые в очереди стоят возле кабинета, покрикивает:

– Эй, придурки, симулянты, расступись!

И больные, как по команде, посторонились.

Судаков с видом победителя прошествовал в кабинет.

– Что это за симулянты толпятся у дверей? Гоните их взашей!

Главврач. Садитесь, Евгений Семеныч, присаживайтесь. Выпейте водички. Чем-то вы сегодня взволнованы?

Судаков. Знаете ведь, кроме водки ничего не пью.

Главврач. Похвально, похвально. Что новенького на писательском фронте? Недавно читал вашу книжечку внучатам про пингвинят. Очень им понравилась. Рассказывайте, как здоровье, как работается?

Судаков. Бюрократы мешают.

Главврач. Какие бюрократы?

Судаков. Которые вызывают совершенно здорового человека на комиссию. Делать что ли больше им нечего? Я здоров. Совершенно здоров. Чувствую себя отлично, прилично, симпатично. На Марсе воздух свеж. Тело на солнышке нежь. Пироги с капустой ешь! Во саду ли в огороде поймали китайца за то, что попался, оторвали винегрет!

Говорил Судаков все это нормальным голосом. Слюну не пускал, гримасы не корчил.

Главврач. Да что вы, мой хороший, мы же вас вызвали просто так, давно не виделись. Соскучились без вас.

Судаков. Я им говорю, что я не Наполеон. Но право представляться Наполеоном имеет старшина Алексеев, мой сосед. Хотя треуголку он в Москве не может заказать. Поэтому скучает. Меня в гости приглашает, где мы вместе и напиваемся.

Старшина Алексеев. Я Наполеоном работаю уже почитай почти двадцать лет. Как из колхоза смотался, так и поступил.
Судаков. Это старшина Алексеев, псих натуральный. Мы с ним прозябали в одной психушке. Там и познакомились. А потом оказалось, что соседи.
Старшина Алексеев. Я в этом дурдоме оттрубил два года санитаром.
Судаков. Доктор, помогите!
Главврач. В чем дело, Евгений Семеныч?
Судаков. Избавьте меня от них!
Главврач. От кого?
– От преследователей!
Главврач. Расскажите. Если сможем, то поможем.
Судаков. Сидишь за письменным столом, а они из ящика, где бумага, выглядывают. Такие твари любопытные. Или заберутся в карман.

Все это проклятый директор писательского клуба их натравливает, выискивает предлог, чтобы в клуб не пускать.

Отпустите, доктор, домой, вы же добрый человек! Мне книжечку нужно дописывать, социалистическую прекрасную жизнь описывать. То есть, я хотел сказать, писать на нее.

Пенсия мне ваша не нужна. Все равно я ее пропиваю.

А это мой дядя. Нет, не дядя. Мамаша. Старая блядища.

А у вас в регистратуре отличные экземплярчики. В особенности черноглазая. Сами подбираете?
Главврач. Сам.

Судаков после этих слов главврача успокоился.

После уже, когда они покинули это обиталище всякой муры, Судаков объяснил популярно Бокалову, что притворяться нужно в меру. Переборщишь, заметят. Группу не да-

дут. А мне она сейчас нужна позарез. Дал в рожу на днях Филипповскому. А он, сучий рот, жалобу подал в секретариат. Могут попереть из Союза писателей.

Группу Судакову, естественно, продлили.

Когда вышли на улицу, Бокалов сказал:

– Здорово ты им устраиваешь спектакли. За такие представления можно брать деньги.

Судаков. Практика. Опыт большой. Сноровка в этом деле нужна офигенная. И без халтуры.

За то время, как я к ним хожу, мы очень мило изучили друг друга. Если бы не эти спектакли, выставили бы они меня не солоно хлебавши, будь я хоть трижды болен. Теперь вторая группа обеспечена. И плевал я на Филипповского с двенадцатого этажа.

А рожи, чтобы все было о-кей, дома отрабатываю перед зеркалом. Развлекаю собственную супругу. Если бы я начал ссылаться на головные боли или что умерший лет двадцать тому назад дедушка является во сне, они бы не поверили. Врачи – тертые калачи!

Их за рубль двадцать не купишь. Они тебе покажут кукиш. Они на своем деле поседели, не одни штаны просидели. С ними нужен маневр тонкий. Вот я и изображаю больного, а ору, что здоров.

Верят.

А может, не верят.

Да привыкли ведь мы друг к другу. Человек я, с их точки зрения, вполне надежный. Чернильницей, как другие, в рожу не запускаю.

Я числюсь тишайшим, милейшим шизиком.

А такие вещи они обожают.

Роль свою я изучил досконально. Из рамок приличия не выхожу.

Пойдем, старик, выпьем по этому случаю?
– Пойдем!

– Прошу внимания. Я юрист.
Автор. Не понимаю, откуда вы взялись?
Юрист. Работаю в городской прокуратуре. Потом все объясню. История эта взята из моей практики. И она имеет непосредственное касательство к вашему роману. Вы в этом варианте не развили сцену в ресторане Гагрипш, город Гагра. А в прежнем варианте была отведена значительная роль некоему молодому человеку, адвокатскому сынку.

Убийство произошло на подмосковной даче, принадлежащей отцу этого юноши. Жестокое убийство. Невероятное. На что мы привычные ко всему, и то содрогнулись. Можно было подумать, что орудовала целая шайка злостных убийц.

Одно казалось странным: из вещей ничего не тронуто. Даже золотые часы на руке адвоката целы.

Сын 22 лет. Студент юридического факультета, единственный, между прочим, наследник. Когда ему сообщили о смерти отца, едва от горя не сошел с ума.

Примерный сын.

Кроме учебы, он занимался спортом. Боксировал с друзьями по институту, участвовал в городских соревнованиях. В деньгах не нуждался. Отец ни в чем не отказывал.

Незадолго перед этим у будущего адвоката появилась девушка. В узком кругу ее называли Дина, хотя настоящее ее имя Регина.

Работала манекенщицей в доме моделей.

Трупы адвоката и его жены лежали на даче два дня.

Никому из соседей и в голову не пришло, что там могла разыграться такая трагедия.

Первой почувствовала неладное женщина, которая жила через забор.

Как приехал адвокат с женой, она видела, а как уехал – нет. Тут у нее мелькнула мысль – не случилось ли что?

Терпела, терпела, наконец, не выдержала. Послала сынишку, чтобы заглянул в окно.

А там в гостиной на ковре адвокат и его жена плавают в крови.

Мальчишка орет!

Женщина орет!

Когда первый испуг прошел, она сбегала на почту, позвонила в милицию.

Соседи толпятся возле дачи.

Мальчишка трясется. Не может выговорить путного слова.

Из Москвы приехали две милицейские машины.

Следствие приступило к работе.

В первую очередь, как полагается, допросили свидетелей.

Женщина сказала, что все это время у нее в душе свербело нехорошее предчувствие. Почему, она не знает.

– Чуяла неладное. Потому и сынишку послала заглянуть в окошко.

Следователь составил протокол. Больше для проформы. Зацепиться не за что.

Ни одной улики.

Никакого следа.

– Свет у них всегда горел до поздней ночи. Электричество не жалели. Жгли, почем зря. А тут, вижу: и днем не потушили. Забыли. Халатные люди.

На другой день та же картина. Это меня и насторожило больше всего.

Вечером того дня, как приехали, адвокат ковырялся с лопатой в саду. Приводил в порядок грядки.

Жена выглядывала в окошко.

Больше они не показывались.

Я думала, что уехали. А потом вспомнила, машина стоит возле гаража. Без машины они обходиться не привычны.

А я всегда просыпаюсь, когда они заводят свою «Волгу».

Другие соседи и этого не видели. В основном, деловой народ, спешащий.

За несколько дней перед этим у них подохла собака ротвейлер. Злой, как зверь.

Где его зарыли, сказать никто не мог. Где-то в лесочке.

Смерть пса для следствия деталь немаловажная. Следователь же по молодости лет не придал этому особого значения.

Нужно в первую очередь установить, сам ли околел пес или ему помогли.

Когда за дело взялись по-настоящему, то оказалось, что собачку отравили мышьяком.

Первая мысль, которая приходит в голову: что отравителей пса нужно искать среди близких. Но у адвоката их оказалось несчетное количество.

Соседка еще сказала (что в дело по халатности не записали), что когда адвокат приезжал на дачу без жены, то привозил компанию молодых девиц, которые расхаживали по участку почти нагишом.

А сынок у них добрый, всегда поздоровается первым, не как другие. Обходительный молодой человек.

У следователя по поводу сына сомнений не возникало. Думал следователь, что этот молодой человек к убийству не причастен.

Алиби однако проверил.

Следователь. Где вы были в день убийства?

Сын. В Москве.

Следователь. Чем занимались?

Сын. Готовился к первенству Москвы по боксу.

Следователь. Где ночевали?

Сын. Где же я мог ночевать, дома.

Московские соседи сына адвоката подтвердили, что молодой человек все эти дни ночевал дома. Радио или магнитофон гремели все ночь.

И тут следователь дал маху. Не поинтересовался, видел ли кто сына адвоката. Музыку ведь мог заводить посторонний человек.

Следователь шляпа. Он искал броские детали, не понимая, что самая незначительная деталь может служить ключом к разгадке всей истории.

Так вот милиция, хе-хекс, и зашла в тупик. И дело уже собирались отправить в архив.

По закону такими важными делами должна заниматься прокуратура. Но милицейские чины решили отличиться сами. И дали маху.

Но следователь прокуратуры оказался человеком дотошным. Большой специалист по раскрытию убийств.

Принял следователь дело и повел его правильно. Он не стал ползать по полу, выискивая волоски или нитки от одежды. Если убил человек близкий, то какие могут быть волоски, клочья одежды, если жертва не сопротивлялась?

Следователь прокуратуры поступил просто. Изучил дело от корки до корки. Выявил просчеты милицейских деятелей. Пришел к мнению, что убийца мог быть только самым близким человеком.

Кто?

За сыном была установлена круглосуточная слежка.

Тут начали всплывать подробности одна за другой.

Оказалось, что сын адвоката не только влюбился в Регину, но и собирался жениться на ней.

Отец решительно воспрепятствовал. Он хорошо знал эту бабешку. И цель ее закидонов для него не являлась тайной.

Теперь я без обиняков хочу вам сказать, что убийцей был сын, Регина и приятель ее, один бывший боксер тяжелого веса, которому обещали хорошо заплатить.

Следователь видел – если бы не Регина, то сын адвоката не решился бы на такое страшное преступление.

Регина действительно была хороша. Не буду описывать, но поверьте мне на слово.

Познакомились они на Кавказе, в Гаграх.

Она отдыхала там с одним московским художником. Бывший боксер при ней. Телохранителем.

Пока она жила с художником, он держался в тени, а потом всплыл, когда Регина переехала к сыну адвоката.

Эта примечательная бабешка своим изощренным нюхом чуяла, что с художником близится разрыв, и подготавливала почву для того, чтобы смыться.

Признаюсь, дело это читал с удовольствием. Чем не детективный роман.

Уйти от художника она могла по-тихому, без скандала. Взять пожитки и переехать к новому возлюбленному.

Но как можно без скандала? Тут вступает в дело женская логика. Если без скандала, то чего доброго люди подумают, что ее бросили.

А в Москве что скажут?

Художник устал.

Устал от всего.

И от Регины. И от южной экзотики, и от ресторанов, в которых приходилось проводить почти все время, и от того, что кончались деньги, и от многого другого.

Хотелось уехать в Москву. Взяться за работу. Писать картины.

Скандал она закатила в ресторане. На виду у всех. Не постеснялись ни людей, ни своего нового возлюбленного.

Об этом скандале с добавлениями и исправлениями в Москве заговорили все знакомые.

Многие из женщин осуждали Регину на словах, а на деле завидовали ей.

Сын адвоката – человек мелкотравчатый. Не физически – тут он выигрывал перед художником, который, хоть и был строен и имел узкое аристократическое лицо, седые, отливающие серебром волосы...

Ирина. Вы описываете человека, который напоминает Николая Сергеича, самоубийцу.

Петр Петрович. Может, он и есть?

Знала Регина, что деньги у художника почти все, что в ресторане ему нечем будет расплачиваться. Следователь даже заподозрил, что последние две сотни она сама вынула у него из кармана.

И вот, когда пришло время расплачиваться, художник полез за деньгами, которых на месте не оказалось.

Сам же скандал произошел вот как.

Пошли они часов в семь в ресторан. Подозвал художник официанта. Сделал заказ.

Посещали они этот ресторан уже несколько раз. Обедали, ужинали.

Художник во время скандала вел себя достойно. И потом в Москве о том, что произошло, не обмолвился ни словом.

Просидели часа два. Регина, сославшись на головную боль, попросила рассчитаться, чтобы пойти домой.

Официант подал счет.

Художник спросил не глядя:

– Сколько?

– Сорок восемь руб. 22 копейки, – ответил официант.

Полез художник в карман, а там пусто.

Официант оказался порядочным человеком, он сказал, что может подождать до завтра.

Регина. Какой позор! Какой стыд!

Официант. Не волнуйтесь, гражданочка, я вашего спутника знаю не первый год.

Регина. Дурак. У него и дома нет денег, можешь ждать сто лет!

Официант. Совсем нет?

Регина. Совсем, идиот!

Официант. Можно прислать потом, по почте. Вы же москвич?

Художник. Москвич.

Официант. Вот и хорошо. Я тоже москвич.

Регина. Пусть сейчас платит!

Художник на эти слова спутницы не ответил ни слова. Вся эта комедия, разыгранная на потеху публике, начала ему надоедать.

Тут к столику подскочил невысокого роста грузинчик и затараторил:

– Я буду платить, не волнуйтесь, девушка.

Регина. Вы только посмотрите. Сидит как истукан.

И кульминация события.

Регина схватила бокал с вином и выплеснула художнику в лицо.

Чем бы это закончилось, сказать трудно, но подоспел милиционер.

Милиционер. Что тут происходит, граждане?

Официант. Если разрешите, я сейчас доложу.

Регина. Заткнись. Я сама объясню.

Художник. Что тут объяснять. Пойдем в милицию. Я не заплатил по счету. Денег у меня нет.

Регина. Сволочь!

Милиционер. Тише, гражданочка!

Выручил художника приятель, который отдыхал в этом городе в санатории и случайно заглянул в ресторан.

Конец этой истории такой.

Судили. Прокурор требовал высшей меры. Но судьи посчитались, видимо, с тем, что люди молодые, могут исправиться.

И отправили всех на Сахалин.

Говорят, там когда-то отбывала срок авантюристка Сонька Золотая ручка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В основе текста романа – авторские текстовые файлы Игоря Сергеевича Холина, подготовленные им в конце 1990-х. Исправлены ошибки набора, в некоторых случаях сделаны поправки на основании ранних редакций. Сохранены особенности авторской пунктуации.

Редактор благодарит за помощь О.А. Буркова, М. Классен, Н.Л. Кропивницкую, Т.Ф. Нешумову, В.Я. Пашковскую и Г.Г. Суперфина.

Вместо послесловия

Приводим два письма Яна Сатуновского, представляющих отклик на первый вариант романа.

[*дата неизвестна, по-видимому, незадолго до следующего письма*]

Дорогой Игорь!

Прочитав начало романа, я сразу почувствовал, что Игорь Холин – настоящий прозаик. Но почему – этого я осознать не мог.

И тут мне попалась на глаза статейка Дж.Б. Пристли, в которой секрет раскрывается.

«Этот главный секрет заключается в умении добиться непрерывной подвижности изображения, вне зависимости от

того, бедно или богато оно по своему внутреннему содержанию. Если человек одарен чутьем к этому, – а позвольте мне заметить, что это весьма редкий дар, – то Господь Бог назначил ему быть романистом».

Да, да, да, понял я, Господь Бог назначил тебя, Игорь Холин.

«Толстой, разумеется, (тоже – это я вставляю – тоже) был наделен этой способностью. Без нее он не смог бы создать «Войну и мир». Толстой – мастер непринужденного, самопроизвольного повествования».

Правильно, самопроизвольного (т.е. Богом диктуемого). Я пробовал писать пьесу. Здесь мне Бог ничего не диктует, и я всё брал из жизни, и пьеса так и не получилась, хотя я много раз брался за нее в течение 11 лет. И до сих пор я жалею.

Я вообще никогда не разговаривал с Богом больше пяти-семи минут (слава Богу, спасибо и на этом). А ты, Игорь, я чувствую, научился беседовать с Ним, *не слишком беспокоя Его,* по целым часам. И вот вам результат.

Но так как писатель должен «и сам не быть плох», я советую тебе, Игорь, достать где-нибудь книгу Лоренса Стерна «Тристрам Шенди» и прочитать ее. Вот уж кто был, по моему, романист! Толстой, должно быть, тоже учился у него. И Пруст. Гениальная – до переливания из пустого в порожнее – щедрость Стерна, мне кажется, признак чистейшей воды романиста.

И еще – была такая книжечка Сомерсета Моэма «Подводя итоги». Умище первостатейный. Достань – авось сгодится (не прямо, ну, понятно, прямо тебе никого не надо).

Будь здоров, Игорь.
Дай тебе Бог всего нужного.
Привет Валентину
И Генриху, и Оскару с жёнами

[21-10-67 по штампу]

Дорогой Игорь!

С большим интересом прочел первую книгу. Пропустил только рассказ Наст<асьи> Петр<овны> о кино, показалось скучным и было интересно узнать, а что же дальше.

Особенно нравится начало и конец. Те главки, которые ты пометил галочками, действительно, требуют изменений. Несколько слов об Авторе. Во-первых, он частенько сбивается с разговорного на книжный язык, что, по моему, плохо. Во-вторых – уж больно мелки его, подчас, претензии: пустите меня к кормушке, и всё. Я бы рассказ о старой и новой интеллигенции дал от лица представителя старой интеллигенции (т.е. пародийно), а может быть, и о Передрееве и Куняеве (очень хороший рассказ, как и о Ген. Судакове) – от лица их врагов. Автор должен быть (мне так кажется, ты извини за то, что я суюсь) бесконечно благожелательным ко всем, и лишь проговариваться. Извинения за грамматические ошибки и прочее я бы убрал. Понахальней.

Мне лично хотелось бы, чтоб роман был скандальней, бульварней. Предвижу, что Эрен'ы из всяких редакций прочтут его взапой. Но, полагаю, печатать не будут. Впрочем, тебе роман пойдет на пользу – «а, Холин, как же, знаем». Следующую вещь напечатают.

Всякое «книжничанье» я бы убрал, вплоть до того, что Ник<олая> Серг<еи>ча не стал бы делать членом МОСХа и вообще художником – всем ясно и так, что это Иг<орь> Серг<еич>, и этот грим ни к чему. Ослоголовую я бы так не называл, зачем высказывать недоброжелательность. Впрочем, это мелочь.

Роман должен иметь эпиграф. Предлагаю из себя:

Все мы гении
более или менее.

Роман держится на темпе закрученной речи, авторские размышления местами выпадают из этого темпа.

С нетерпением буду ждать второй и прочих книг. Хотелось бы, чтобы ты пихал в роман побольше разных отступлений – не рассуждений, а случаев, сплетен и пр.

Будь здоров, дорогой
твой Ян

Валентин – **очевидно, художник В.И. Воробьев.**
рассказ о старой и новой интеллигенции – **сокращен в последней редакции.**
Ген. Судаков – **вероятно, писатель Геннадий Снегирев.**
Ослоголовая – **так в первом варианте звалась Регина.**
Предложенный ЯС эпиграф Холин сократил.

Комментарии

С. 18 **выставка Пикассо в Пушкинском музее была осенью 1956.**

С. 93 **соткнуться – сдвинуться, стянуться.**

С. 114 **как кого-то хоронили на Востряковском кладбище – сначала редактор решил, что имеется в виду поэма Холина «Зайчик» о похоронах А.Д. Гуревича, отца Киры Сапгир, но, судя по тексту раннего варианта, речь шла о стихотворении «Памяти отца» Генриха Сапгира.**

СС. 249 и 254 Холли. Я почти закончил. Осталась самая малость – здесь автор немного запутался в персонажах, которые выступают с его текстами: сначала Холли прочел «Планку Абратора», затем «другой молодой человек» читает стихи, но оказывается, что это опять Холли.

С. 281 Деревня древняя Ольховка... – из «Песенки про постового» Г. Горбовского.

Список стихотворений

РОССИЯ (весь мир потрясла) 68
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ 71
Время семь 199
ДВЕ СМЕРТИ 200
Вот тут на углу остановка трамвая 200
РОССИЯ (Степь. Солнце. Пыль) 201
Вот сосед мой, как собака 201
На стенке барака у входа в барак 202
На днях у Сокола 202
На вечерку собралися к Фене 202
Кто-то выбросил рогожу 203
Я в милиции конной служу 203
На окне цветочки 203
В метро не пустили, заметили – пьян 204
У меня соседи, словно звери 204
Он говорил: я люблю их тела 204
В коридоре спорят двое 204
В пивной галдеж. И едкий 205

Она в манто. А на манто 205
Вино Рейнвейн. Вино Кагор 205
В квартире у Зои 206
На стене висит афиша 206
В магазине у прилавка 206
У палатки сторож Тит 207
Он официант 207
В углу во дворе у барака сарай 208
Икру и пирожные ели 208
В квартире сыро. Денег нет. Беда 208
В пивной накурено. Петров торчит у стойки 209
Рыба. Икра. Вина 209
Ресторан. Ковры. Гардины 209
Весь день торчу в пивной 210
Жил за городом. На даче 210
Зал ресторана набит до отказа 211
Он объяснялся Тоне 211
Он и она в кино 211
Лето. Открыто окно 212
Надоело! Осточертело! 212
Напился. Пел песню: «Широка моя страна» 213
Познакомились у Таганского метро 213
«Мороз сегодня крепкий» 213
Работал на заводе «Мосштамп» 213
Обозвала его заразой 214
На кухне две соседки 215
У меня соседи, словно звери! 215
Здесь зарыто Марусино тело 216
ЗНАКОМСТВО (фрагмент) 216
Мы все отчасти проститутки 217
Вот Крестьянская застава 220

И жизнь потухшего огня 241
Красота на свете существует 241
Гора / Ты и Я 242
ОСЕНЬ 244
В моей комнате 244
Все дышало у моря 245
Я из небытия 246
Родился / И будучи младенцем 246
Таскалась со всеми 249
Продается рояль 250
Любовь / Удивительная штука 251
Полюби меня сука 251
Земля / Жена Марса 251
Я постепенно / Опускаюсь на дно 252
Я / Бесчисленное количество миров 252
Ночь / Проведенная без сна 254
Эта комната – будуар 321
К тебе навеки я приписан 321
Да, я люблю тебя 322
Я сравниваю любимую 322
Доктор, / Что мне делать 323
Если исчезнет небо 323
Какое тело! 324
Я несу к тебе / Свою седую голову 325
Я в ночь лечу 325
ПОЛЕ 326
Над Миром всем / Плывут глаза 335
Чья вина? 335
В этом мире, что сам несуразный 336
КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК 336

СОДЕРЖАНИЕ

КОШКИ МЫШКИ. РОМАН
5

ПРИЛОЖЕНИЯ
360

Формат 70x100/32. Усл. печ. л. 14,9
Печать офсетная. Тираж 1000. Заказ 1524.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3,
тел. (8172) 72-61-75.
E-mail: pr-otdel@pfpoligrafist.com

